

НОВОЕ ВРЕМЯ

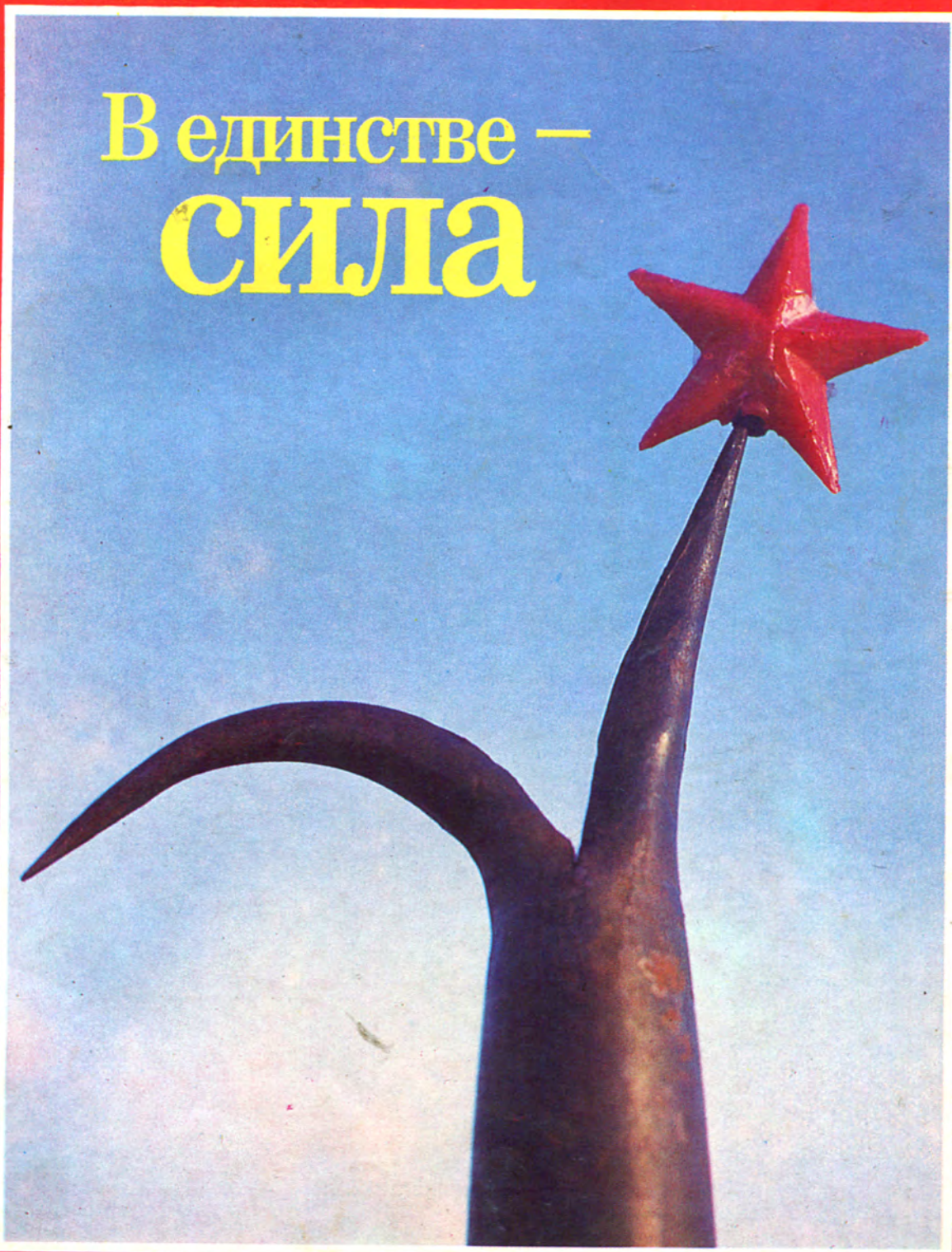
август 1991

Документы,
которых
не знал даже
Солженицын

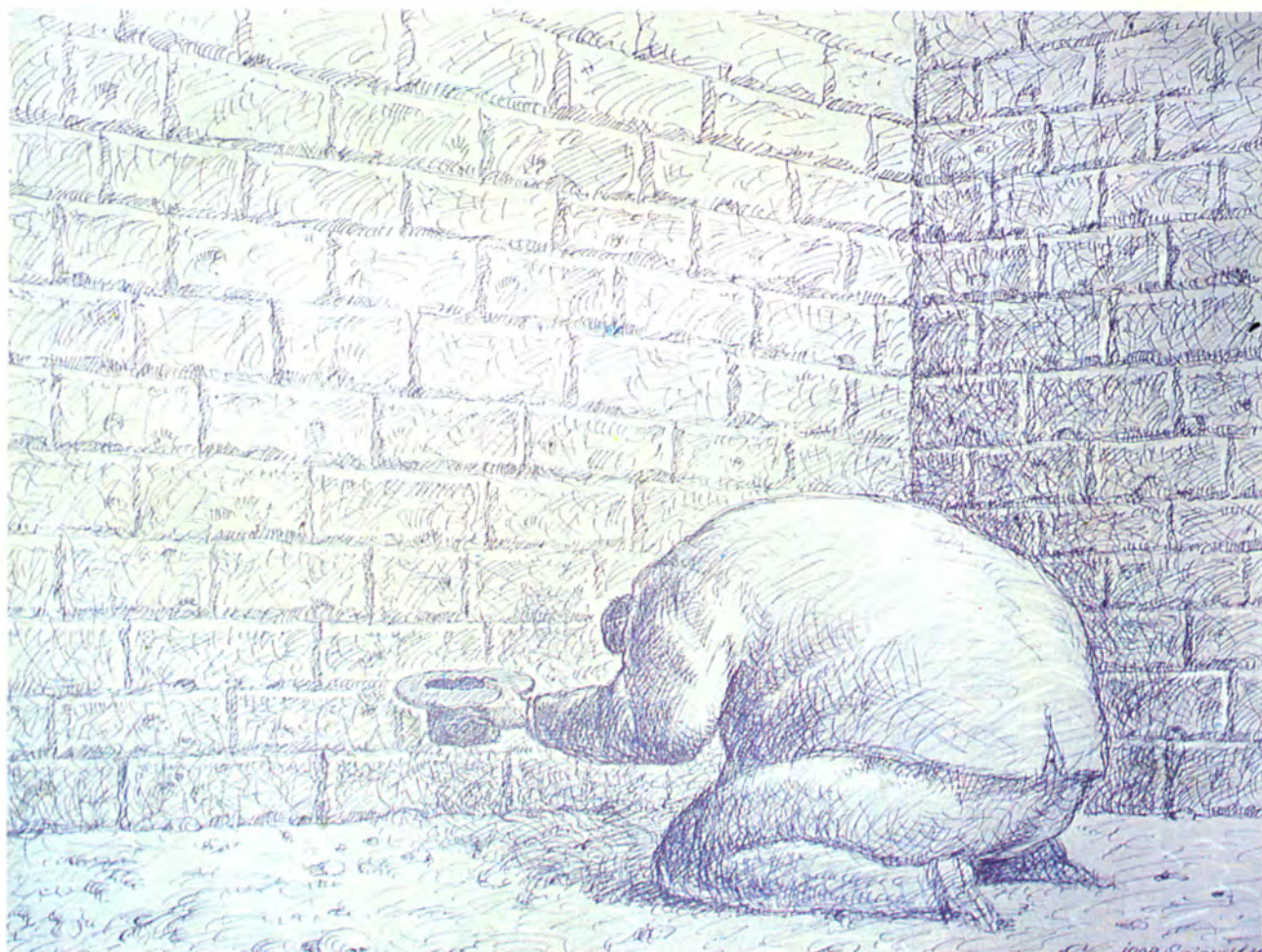
31

Цена 60 коп.
Индекс 70621

В единстве — СИЛА

ISSN 0137 - 0723

Читайте в этом номере:

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ Г. Ариевич	ХРОНИКА ОТЛОЖЕННОГО ВЗРЫВА	4
Л. Ионин	ЭТО БУДЕТ ДРУГАЯ ПАРТИЯ. В ДРУГОЙ СТРАНЕ...	6
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА Т. Иванова	ПРИГОРЮНИЛИСЬ МУЖИЧКИ	10
IN MEMORIAM Л. Млечин	ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ТЕХ, КТО БЫЛ ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ	11
РОССИЯ П. Карп	О ТОМ ЛИ БОЛИТ ГОЛОВА?	12

МИР

ВСТРЕЧА В ВЕРХАХ А. Картунов	НАКОНЕЦ-ТО, СТАРТ!	14
СОВЕТ 23-х Ю. Кудимов	ФИЕСТА В ГВАДАЛАХАРЕ	17
ЮГОСЛАВИЯ А. Дидусенко	НА ПОРОГЕ ЧЕРНОЙ ДЫРЫ	18
ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В. Ганюшкин	КТО СЕГОДНЯ В ПОЛЬШЕ ПАН	20
БОЛГАРИЯ Л. Млечин	ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОМ, ГДЕ РАЗБИВАЛИСЬ СЕРДЦА	24
ДИАЛОГИ НА ЮГЕ АФРИКИ А. Пумпянский, Н. Решетняк	ОТЧАЯНИЕ И НЕТЕРПЕНИЕ	27
АЛЖИР С. Филатов	АРГУМЕНТ – ГРАНАТА	29

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА Л. Разгон	ПЛЕН В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ	30
ОБРАЗ ЖИЗНИ Я. Голованов	ДЕВОЧКА В САМОЛЕТЕ	36
КИТАЙ С. Торонцев	6275 ЧАСОВ В «КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»	39
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ Дж. Оруэлл	ОБАЯНИЕ ЗВЕРЯ	42
ЭССЕ В. Петрушин	БЕГОМ ОТ ИНЦЕСТА	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ Л. Елин	БУДНИ ПАРТКОМА	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)		

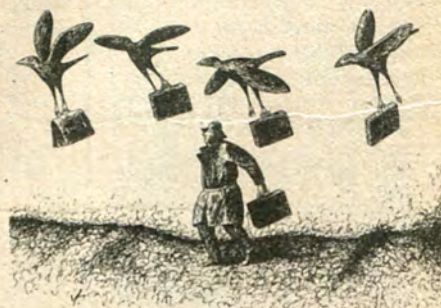
После партийных батальи

Стр.4

Приватизация – приманка или пугало?

Стр.20

Станете ли вы лучше и умнее за границей?

Стр.46

Главный редактор

**Александр
ПУМПУНЬСКИЙ**

Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ,
коммерческий директор,

Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,

Алексей БУКАЛОВ,
ответственный секретарь,

Виталий ГАНЮШКИН,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей ГОЛЯКОВ,

Лев ЕЛИН,

Виталий ИГНАТЕНКО,

Леонид МЛЕЧИН,
заместитель главного
редактора,

**Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,**

Галина СИДОРОВА,

Марина ШАКИНА,

Игорь ШЕИН,
главный художник

**Собственные
корреспонденты
журнала работают в:**

Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене,
Дели, Лондоне, Праге, Претории,
Мехико, Нью-Йорке, Риме,
Софии, Стокгольме, Токио

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Новое время»**

Выходит на русском,
английском, немецком,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92
Отдел рекламы: 209-92-82
Печатается в типографии
«Московская правда»**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ За два века существования города на Неве его основателю было сооружено 7 памятников. Вождю социалистической революции воздвигнуто памятников едва ли не столько же, сколько лет прошло после его смерти. Явный перебор, тем более что полно и других атрибутов его увековечения. Уже как анекдот воспринимается название «Ленинградский ордена Ленина метрополитен имени Ленина».

Ю.Недлину (его письмо опубликовано в № 5/91) в старом названии города — Петербург — чудится посвящение Петру I, поэтому он и помянул императора недобрым словом. Не в честь самого себя назвал так новую столицу Петр, а в расчете на покровительство Святого Петра, апостола и владельца ключей от Царства Небесного. Неизвестно, куда впустил Святой Петр своего тезку-деспота: в рай или ад. Но то, что Святой обиделся на город, когда его переименовали, так это точно. К при-

вычным стихийным бедствиям — наводнениям — прибавились беды «рукотворные»: от красного террора до фашистской блокады. Большинство жителей города надеется, что возвращение изначального имени — Санкт-Петербург — вернет городу и милость небес. К этой части горожан отношусь и я — житель блокадного Ленинграда.

Людмила Соловкина

■ На работе — бесконечные разговоры о зарплате. О той, которая есть, и трижды — которая будет. Приходишь домой, садишься к телевизору — с экрана то же: разговоры, разговоры... И только кошка в кресле напротив спокойна. «Что это за компенсация — 60 рублей? Что на них купишь?». «Товарищи, нынешнее кризисное состояние — не катастрофа, а этап на пути возрождения нашего общества. Мы развернули широчайшие демократические процессы...». «Что жена и телевизор «обменялись» то

ли со мной, то ли друг с другом. «Дочка без пальто осталась. Ничего нет или цены такие, что идешь из магазина — не видишь, где лево, где право». «Мы останемся верными своему выбору. А наши левые, я вам прямо скажу, — это не левые, а те, кого всегда называли правыми». Кошка задергала лапками, как будто ее подключили к розетке. У меня окончательно все перепуталось в голове, я уже не понимал, кто говорит: жена, телевизор? «Думали: вот доживем до пенсии, тогда передохнем. Дожили. Может, и передохнем, если не передохнем». «А нападки на центр — это, знаете ли, попытка бросить тень на...»

Не выдержал — выключил телеприемник. Жена решительно вышла из кухни, включила вновь — другую программу. А там все то же — разговоры, разговоры...

Скудна стала жизнь в эпоху развитой перестройки!

Валерий Егоров
Ленинград

К людям Севера Канады и Соединенных Штатов

■ Мы связаны происхождением. Нас роднит наше восприятие окружающего мира. У нас много общего в верованиях, обрядах, ритуалах, обычаях. У нас общая история вечной борьбы с тяготами сурового климата. Нам одинаково хорошо известно, сколь трудно добывать пищу и поддерживать в жилище тепло в условиях полярной ночи. И мы, и вы знаем, сколь притягательны наши родные земли, богатые ископаемыми и природными ресурсами, для тех, кого заботит лишь развитие промышленности. И вам, и нам ведома пагубность «огненной воды» для человека Севера, организм которого раним, как сама наша прекрасная суровая природа.

У нас много общих проблем сегодня. И, наверное, главная — как сохранить собственную самобытность в условиях наступления цивилизации на районы Крайнего Севера.

Конечно, в наших странах своя специфика, немало отличий. Но беспокойство о том, чтобы наши дети были здоровы, сохранили свой родной язык, унаследовали жизненную философию своих предков, думается, одинаково близко всем людям Севера.

Разве не может принести пользу более тесное сотрудничество людей, которых связывает столь многое?

Нынешним летом в Москве родилась новая общественная организация — Центр культуры и торговли народов Севера «Сияние Севера». Ее цель — оказывать всестороннюю помощь

представителям коренных народностей европейского Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока. Центр намерен заботиться о правах этих людей, проводить экономические и экологические исследования, способствовать развитию культурных традиций, добиваться повышения уровня медицинского обслуживания северян, расширения для них возможностей получения специального и высшего образования.

Центр «Сияние Севера» планирует возвести в Москве Мировой дом для всех народов Севера. Мы видим его как место для деловых встреч и фестивалей культуры, конгрессов и театрально-концертных запов, выставок поделок мастеров и ресторанов с традиционной едой северян. Пусть в этом Мировом доме встречаются канадские инуиты и якуты, ненцы и алеуты, Аляски, индейцы и орохи, эскимосы и эвенки...

«Сияние Севера» имеет горячую поддержку мэра Москвы Гавриила Попова, уже выделившего прекрасный участок земли для будущего Мирового дома. В числе учредителей центра — Таймырский окружной исполком народных депутатов, объединение «Якутзолото», центр «Московские финансы», Госкомитет по экономике Якутской-Саха ССР, Большой театр.

Люди Севера, живущие по ту сторону Ледовитого океана!

Мы приглашаем вас к сотрудничеству, к совместному возведению Мирового дома всех народов Севера.

Центр культуры и торговли народов Севера «Сияние Севера»

7 Петров и 70 Ильичей

У нас в семье
только кошка
спокойная

«Свобода» в
нашем доме

■ Я не согласна с Позлем Карпом, автором статьи «Мне милее Дмитрий Донской...» (№16/91).

Разумеется, Советский Союз возник не вместе с государством Российским. Но ведь к моменту Октябрьского переворота почти все территории, ныне образующие наше государство, составляли единую, без провозглашенных большевиками в 1920 году республик и автономий территорию — Россию. Да, часть земель была завоевана, но такова история. Некоторые народы сами стремились перейти под покровительство своего великого соседа — например, Восточная Грузия.

Однако побудили меня взяться за перо слова о том,

что Александр Невский «был преданным вассалом» Золотой Орды. Но другого выхода не было! Ведь израненная, истекающая кровью, обезлюдевшая после похода Батыя страна не выдержала бы еще одного нашествия! А папа римский, «подбивавший русских воевать с Ордой», наверняка преследовал свои цели: новое ослабление Руси помогло бы крестоносцам захватить Новгородскую республику, а затем, быть может, и другие русские земли. Политическая дальновидность Александра Невского позволила накопить силы для победы на Куликовом поле. Так что дело не в желании того или иного князя пребывать в ордынском «союзе», а в исторических обстоятельствах.

Лилия Ермакова,
13 лет
Москва

■ По телевидению после программы «Время» показали документальный фильм «Чужие голоса» и журналист Олег Туманов сказал, что основная задача радиостанции «Свобода» остается прежней: проникать в ваш дом и устраи-

Рисунок Виктора Богорада

вать в нем разгул и хаос.

О том, например, что великий русский писатель Иван Бунин написал о разорении

Лениным величайшей в мире страны я узнал именно из этой передачи и только потом прочел в «Московском комсомольце» (через целых 17 месяцев!). Так может ли «Свобода», которая столь быстро выдает информацию, быть для меня «чуждым голосом»?

Теперь о «проникновении в дом». Сотрудники «Свободы» вряд ли имеют право войти к вам без соответствующего разрешения, а вот сотрудники милиции могут прийти ко мне «в гости» запросто — без санкции прокурора. А войска могут давить танками безоружных людей, как это было в Грузии и Прибалтике.

Ко мне в квартиру сотрудники КГБ уже «проникали» — с угрозами и оскорблениями. Случилось это после того, как я протестовал против событий в Вильнюсе. Вот и известный спортсмен, писатель, народный депутат Юрий Власов рассказал в газете «Советский спорт», что сотрудники КГБ (в его отсутствие) проникают к нему в дом и хозяйничают там.

Альберт Соколов
Горьковская область

Подборку подготовила
Т.Чернова

Происхождение? Арийское!

■ Сейчас в интеллигентской среде (особенно среди руководства российских писателей) принято в первую очередь выяснять этническую принадлежность человека. Мы хотели бы рассказать одну весьма поучительную историю, связанную с именем британского писателя Джона Рональда Рузвельта Толкиена, с чьим творчеством наконец-то получили возможность познакомиться и советские читатели.

В 1938 году потсдамское издательство решило перевести на немецкий язык книгу Толкиена «Хоббит». Но это издание могло быть осуществлено в фашистской Германии только при условии, что автор — ариец. Видимо, фамилия писателя показалась немецким просветителям подозрительной. Обратились к английским издателям Толкиена с просьбой удостоверить арийское происхождение писателя. Издатель переслал запрос Толкиену. Писатель ответил: «Я склоняюсь к тому, чтобы отказаться давать им какое бы то ни было подтверждение... Пропавши пропадом немецкий перевод... Я не рассматриваю (вероятное) полное отсутствие еврейской крови как нечто почетное; у меня много друзей-евреев, и я не могу дать повода подумать, будто подписываюсь под абсолютно вредной расовой доктриной. Но я не могу без вашего согласия рисковать возможностью немецкого издания. Поэтому я предлагаю вам вариант возможного ответа».

«Уважаемые господа,

Благодарю за ваше письмо. Боюсь, не до конца понимаю, что вы разумеете под словом

арийское. Я не арийского происхождения: арийское — это ведь индо-иранское; а насколько мне известно, никто из моих предков не говорил на хиндустани, персидском, цыганском и родственных языках. Но если я должен понимать, что вы осведомляетесь, не еврейского ли я происхождения, могу ответить, что, к моему сожалению, у меня, похоже, нет предков из этого избранного народа. Мой прапрадед попал в Англию из Германии в восемнадцатом столетии; потому я большей частью английского происхождения, к тому же я — английский подданный, и этого должно быть достаточно. Я привык тем не менее с гордостью носить свою немецкую фамилию и делал это даже на протяжении последней прискорбной войны, в которой служил в английских войсках. Не могу, однако, не отметить, что если неуместные изыскания этого рода становятся правилом в литературе, то недалеко время, когда немецкая фамилия не будет больше источником гордости.

Ваш запрос сделан, несомненно, в соответствии с законами вашей страны, однако они не могут быть применены к подданным другого государства, даже если это имело бы (а оно не имеет) какое бы то ни было отношение к качеству моей работы и ее пригодности к публикации, в чем вы, похоже, удовлетворены и без ссылок на мое Abstammung.

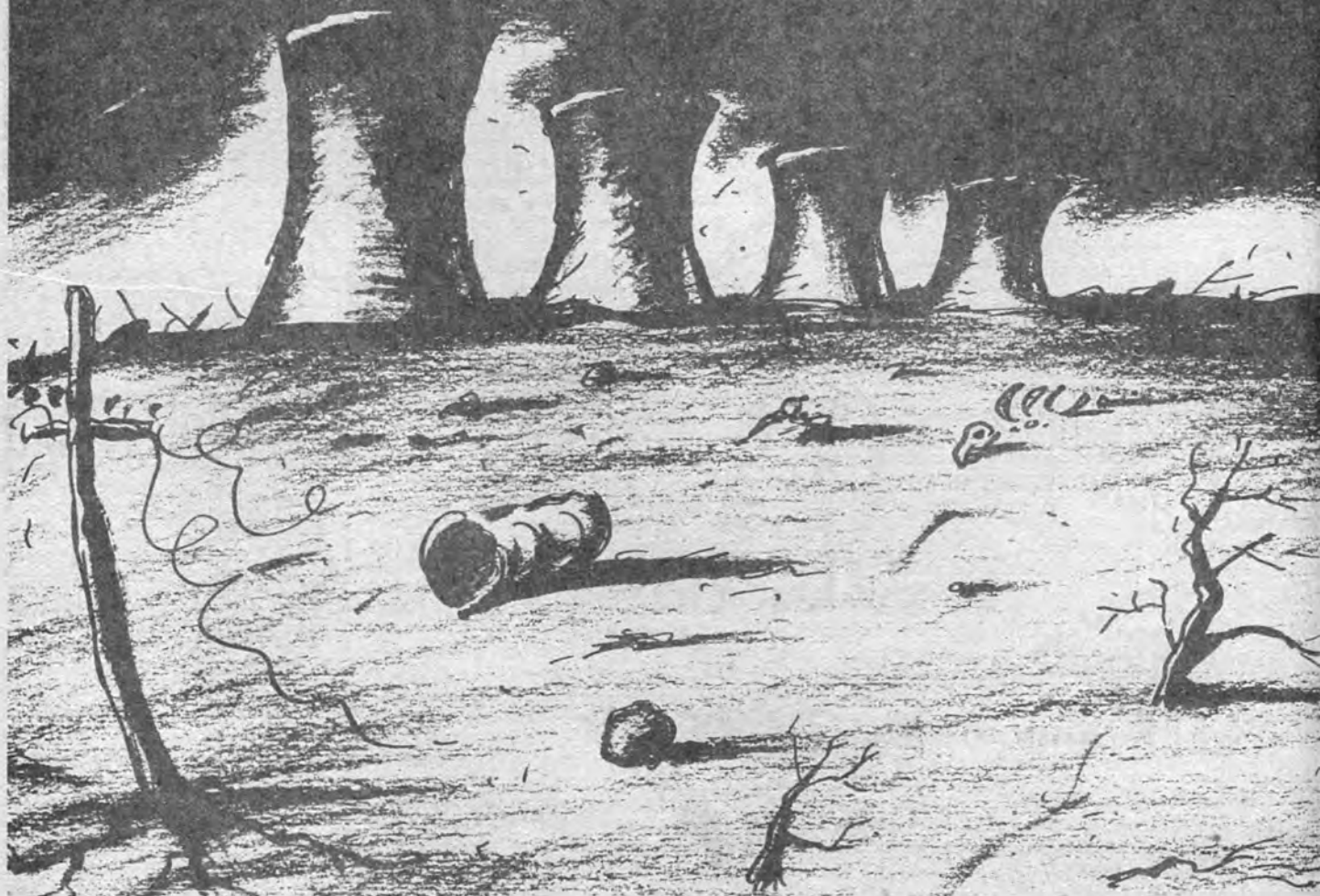
Надеюсь, вы найдете этот ответ удовлетворительным, и остаюсь с совершенным почтением

Дж.Р.Р.Толкиен».

Публикация М.Горелика и А.Горелика

Хроника отложенного взрыва

То, что пленум ЦК КПСС не привел, как ожидалось, к развалу партии, результат тактического превосходства генсека и вынужденного реализма консерваторов перед лицом возможного краха

Накануне пленума вышел указ российского президента о департизации предприятий и учреждений. Указ этот осложнил жизнь генсеку, навязывая ельцинский календарь, но, по сведениям «НВ», при встрече в Ново-Огареве Ельцин не услышал от президента страны сакраментальное: «Борис, ты не прав!»... И этот указ отвел огонь фундаменталистов от самого генсека.

Встреча с первыми секретарями обкомов и республиканских ЦК за день до пленума стала первой победной вехой Горбачева. Консерваторы явно подрастеряли критический потенциал после фиаско на российских выборах. Скрытая угроза генсека уйти в отставку, предоставив им возможность выкарабкиваться из создавшегося положения самим, возымела действие.

В канун пленума «Советская Россия» и «Московская правда» публикуют злоеющее обращение к народу, в котором перестройка характеризуется как «огромное небывалое горе» для страны. Можно уверенно предположить, что именно к «Советской России», до того вылившей ушат грязи на Александра Яковлева и Эдуарда Шеварднадзе, а также и самого Горбачева, непосредственно относится пассаж из доклада генсека: «Конечно, свобода слова, защищаемая законом о печати, широкий простор для критики, плюрализм — все это распространяется и на партийные издания. Но если газета изо дня в день занимается дискредитацией курса КПСС, то считать ее партийной нет резона».

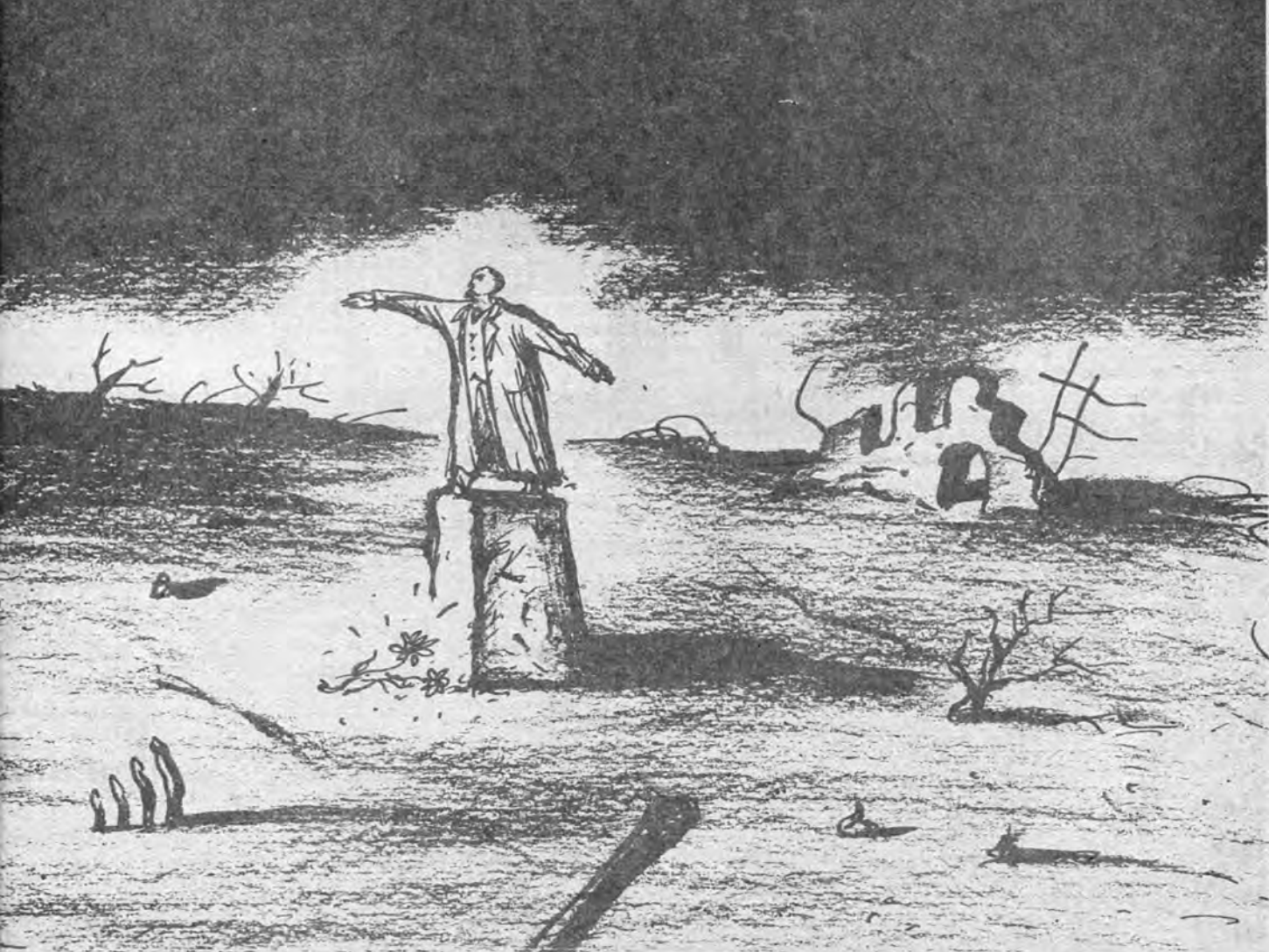

Рисунок Игоря Шеина

Были обнародованы платформы московской и ленинградской партийных организаций: они как бы строго очертили генсеку и партии рамки, за которые ни в коем случае нельзя выходить.

Горбачев, по сути, начал пленум со встречного удара, предложив в своем докладе созвать внеочередной съезд. Разговоры правой оппозиции о необходимости созвать партийный форум и призвать руководство к ответу сразу потеряли смысл.

Отсрочка устроила всех.

В своем докладе о проекте новой программы КПСС Горбачев пошел значительно дальше тезисов программного проекта, назвал вещи своими именами. Например, о кризисе нашего общества: «Это — кризис не каких-то отдельных частей общественного организма, а самой модели казарменного коммунизма». Новая партия, подчеркнул генсек, должна быть партией демократических реформ, защиты прав человека, партией конституционных выборов. То есть — совсем другой партией. Горбачев посвящает несколько минут самой положительной характеристике социал-демократии — к внутренней ярости «истых марксистов».

Борьба на пленуме пошла как в водном поло — под водой. Необычный по смелости доклад генсека, ультимативно предложившего партии перековаться или умереть, внешне не вызвал почти никакой реакции. Выступавшие делали вид, будто его и не было вовсе, а перед ними — только документ программной комиссии.

Рутину нарушил заместитель заведующего международным отделом ЦК Андрей Грачев. «Не надо создавать впечатление, — сказал он, — будто мы его (доклад) не услышали и не расслышали того, в какой степени принципиально новой партией должна стать КПСС, чтобы быть партией, достойной конца двадцатого века». Он же, вызвав «шум в зале» (редкая ремарка в стенограмме), оценил публикацию в «Советской России» как попытку «дестабилизации того хрупкого общественного согласия, которое начало складываться в последнее время в нашем обществе».

На другом полюсе заслуживает внимания выступление Анатолия Лукьянова, который, по существу, солидаризировался с «манифестом двенадцати». Демократия стоит перед угрозой нового тоталитаризма, поведал Председатель Верховного Совета СССР, ее несут псевдодемократы и псевдодемократическая печать, Советы подвергаются чуть ли не разгрому, нарас-

тает антикоммунистическая истерия, «ставшая в ряде мест легальной политикой государственного руководства»... И в этих условиях, сделал несколько прямолинейный вывод Анатолий Лукьянов, партия и президент нужны друг другу, служат опорой друг друга. Явная заявка на то, чтобы от народного гнева и законодательного наступления партийные структуры защитил президент.

Далее время шло в боях местного значения: например, московская парторганизация пыталась убрать из программы признание частной собственности, добавить «по-больше социализма», слов о борьбе за коммунизм, о защите трудящихся от рынка, реформ, то есть выхолостить текст, но все же не провоцируя прямого разрыва с генсеком. Характерно, что «Советская Россия» опубликовала лишь выступления московского секретаря Прокофьева, ленинградского Гидаспова и второго человека в КП РСФСР — Ильяна.

Партия становится аморфной, социал-демократической, сетовали ораторы. А кто были Маркс, да и Ленин, если не социал-демократы? — спросил первый заместитель главного редактора журнала «Коммунист» О.Лацис, вызвав еще один «шум в зале».

А.Пригарин, восходящая звездочка КП РСФСР, поставил вопрос о немедленном изгнании из партии оппортунистов, ренегатов вроде «Коммунистов за демократию» Александра Руцкого. 2 августа «ренегаты» собирают учредительную конференцию новой партии, привлекающей, по их подсчетам, 3–4 миллиона российских коммунистов (35–45 процентов).

На это Горбачев заметил, что тогда в первую очередь нужно исключить уже оформившиеся фракции и течения — небольшие виков, инициативщиков...

Предложение об исключении, исходившее, как было объявлено, от 28 членов ЦК, при голосовании поддержали 9.

Фундаменталисты во главе с профессором Сергеевым, провалявшимся на российских выборах в паре с генералом Макашовым, пытались размыть программу требованием, чтобы одновременно было опубликовано еще десяток платформ — так называемых марксистов, Н.Андреевой... Все это звучало как обозначение фронта, определение флангов перед «последним и решительным», отложенным до осени.

Геннадий Ариевич

Это будет другая партия. В другой стране...

В пылу гнева и обиды Пленум ЦК КПСС не заметил, что Ельцин опять помог Горбачеву

Леонид Ионин

Партия была, как говорится в цирковых программах, весь вечер, — а если быть точным, всю прошедшую неделю — на арене. Началось с того, что ее, фигурально говоря, огрели бревном. Это был ельцинский «указ о департизации». Шпрыхталмейстер не вмешивался, хотя и выказывал полагающееся по ходу представления сочувствие... «Не имеет права!» — кричали из партийных рядов. «Завизжали партократы», — по-детски радовалась газета «Куранты».

Но, как в лучших образцах комического жанра, в развертывающемся действе зазвучали лирика и даже трагизм. Этот «рыжий» вроде бы искренне стремится в светлое будущее. Только ноги разъезжаются, одна тянет вправо, другая — влево, со всех сторон сыплются тычки и толчки. Он уселся исследовать свои непослушные башмаки пятьдесят восьмого размера, а пока что объявляют следующий номер: джигитовка — смена лошадей на всем скаку, акробатический прыжок с паровоза, летящего в коммуны. Публика затаила дыхание. Туш!

В этом действительно было что-то комическое. Пока КПСС солидно готовилась к пленуму своего ЦК, убеждала себя в том, что она — правящая, и рассуждала о том, как править и куда, оказалось, что с ней уже управились. Управились грубовато и по-хозяйски — без обсуждений в Верховном Совете, без изнуряющих голосований, без аппаратных утрясаний и согласований — так, чтобы не оставалось иллюзий относительно того, кто на самом деле правит.

У коммунистов аж дух захватило от обиды. Посыпались ссылки на

Рисунок Андрея Бильжо

статьи Конституции, апелляции к международным пактам о правах человека, обращение в Комитет конституционного надзора. Нашлись в партийных инстанциях и соответствующие тексты, и соответствующие эксперты.

Но о подлинной мотивации указа эксперты умолчали. «Удар по партии!» — говорили они, тогда как на самом деле это был удар по параллельной государственной структуре, воплощавшейся десятилетиями в иерархии партийных бюро и комитетов разного уровня. Удар по неконституционной структуре, подмявшей законную власть и явочным порядком захватившей право вязать и решать.

Поэтому удивляющие правовой осведомленностью апелляции партийных экспертов — это не более чем соломинки из поговорки, за которые хватает утопающий. Можно предположить, что удастся перенести сроки введения указа в действие, что Комитет конституционного надзора потребует уточнить или изменить отдельные формулировки указа, — но к отмене его нет ни возможности, ни оснований.

Президентская власть в РСФСР утвердила себя весомо, грубо, зримо. Б.Ельцин правит и не нуждается в соправителях.

Опубликование указа о департизации — свидетельство явления нового, третьего стиля в отечественной политике. Первые два — это условно-аппаратный, которого придерживается Президент Союза, и популистский, который на всем пути своего восхождения демонстрировал Ельцин. Условно-аппаратный — это стиль правления демократа в аппаратном государстве, популистский — это стиль восходящего властолюбивого политика в молодой неопытной демократии.

Третий стиль — авторитарный.

От ленинской науки крепнут разум и руки

**За коммунистами пойдешь
— дорогу в жизни найдешь**

Ленина завет на тысячи лет

(Из сборника «Народные пословицы и поговорки».
«Московский рабочий». 1956 год)

Бессмысленно спорить о том, плохо это или хорошо — авторитарность. Вообще, наверное, плохо. Но, наверное, необходимо и полезно в нынешних условиях, когда нужно грубыми скобами скреплять разваливающуюся ткань социальной, экономической, политической жизни. К счастью, нынешний авторитарный лидер вышел не из большевистских рядов. То есть, правильнее сказать, он не принадлежит к сторонникам большевистского мировоззрения. Он именно, извините за каламбур, вышел из большевистских рядов и вошел в ряды противников коммунистической практики и идеологии. И на этом своем месте он нужен делу реформ.

Авторитарному лидеру свойственна некоторая размашистость. Это проявилось и в «указе о департизации». Юристы обращали внимание, скажем, на подход к профсоюзам. Если следовать букве указа, то вопрос о том, быть ли на предприятии профсоюзу, должна решать администрация. Здесь заранее закладывается возможность конфликта и создаются предпосылки для успеха популистской — на этот раз коммунистической — пропаганды.

Под действие указа попадают — опять же, если следовать его букве, — и неполитические союзы и движения: от Красного Креста до общества книголюбов. А многозначительная оговорка о том, что участие или неучастие граждан в деятельности партий и движений не может служить основанием для ограничения их прав, включая право на занятие какой-либо должности, «если иное не установлено законодательством РСФСР», как бы намекает на возможность законодательного введения «запрета на профессии». Для коммунистов?

Это детали, за которые могут зацепиться желающие оспорить указ. Возможно, нужны будут уточнения. Но факт остается фактом: коммунистическая партия, лишившаяся «руководящей роли» де-юре, когда была отменена пресловутая шестая статья Конституции, утрачивает ее фактически, теряя главное орудие своего влияния — вездесущие парткомы. КПСС не убита — да ее и не собирались убивать, но сбита с ног этим указом, и в прежнем виде ей, скорее всего, уже не подняться.

Парадоксальным образом Ельцин своим указом помог Генеральному секретарю справиться с фундаменталистами в рядах его собственной партии. Во-первых, отвлек на себя негодование тех, кто готовился на пленуме обвинять генсека в «предательстве интересов» и «забвении принципов». Так страшный внешний враг заставляет забыть о внутренних раздорах и счетах. Во-вторых, — и это много важнее — Ельцин создал своим указом те самые условия, на работу в которых оказался рассчитанным предложенный Горбачевым проект реформы партии.

Если прочесть последовательно выступления участников пленума, бросается в глаза, что одно из самых реалистичных — это выступление Генерального секретаря. Прочие, в большинстве своем, апеллируют к «руководящей роли», «классовому подходу», «подлинно марксистскому» мировоззрению, необходимости «вернуть утраченные позиции». Авторы этих призывов справедливо поминают в связи с предложенным пленуму проектом Программы партии и речью генсека и Мартова, и второй съезд РСДРП, и меньшевиков — социал-демократов. Но, правильно констатируя эту историческую связь и преемственность, они оказываются не способными

понять, что руководящая роль утрачена, бывшие позиции потеряны навсегда, классовый подход дискредитирован, а марксистское мировоззрение — это уступчивая девушка, готовая поладить со всеми. Она ладила и с Карлом Каутским, и с Иосифом Сталиным, а сейчас тает как воск в умелых руках нынешнего Генерального секретаря.

Если выразиться строже, «подлинного» марксистского политического мировоззрения не существует, существуют политические традиции, в большей или меньшей мере связанные с марксизмом. В том числе и большевистская, и меньшевистская, как одна из разновидностей социал-демократии. Которая из них «подлиннее», судить здесь не берусь. Но обстоятельства нашей истории сегодня таковы, что только реформы в меньшевистском, социал-демократическом духе способны продлить партии жизнь, сохранив ее как крупную политическую силу.

Состоятся ли эти реформы? Скорее всего, да. Залогом тому — соединенные усилия Горбачева и Ельцина в деле преобразования отечественной политики. КПСС вернется к истокам — к временам РСДРП. На этом, скорее всего, дело не остановится: избавляясь от классowego фетишизма и пережитков большевистской организационной практики, она разовьется в нормальную парламентскую партию. Особое внимание к социальным вопросам — если оно не останется, как сегодня, на уровне лозунгов и обещаний, — возможно, позволит ей когда-нибудь стать правящей. Но это будет уже другая партия — не та, что сегодня (как бы она ни называлась — социал-демократическая, социалистическая или по-прежнему коммунистическая), и произойдет это уже в другой стране — не в такой, в какой мы сегодня живем. Пройти этот путь от варварства к цивилизации без злобы и мести, без жертв и крови, без погромов и политических преследований — в этом, как мне кажется, и заключается суть социалистического выбора Михаила Горбачева (в отличие от социалистического выбора его деда, на которого он однажды неудачно сослался).

Не похоже, однако, что партия поняла своего генсека. То ли шок от ельцинского указа не успел пройти, то ли предложенные Горбачевым реформы оказались слишком радикальными, но по существу пленум ни на то, ни на другое не отреагировал. Новую ситуацию, в которой предстоит жить партии, пленум (если судить, конечно, по опубликованным материалам) не заметил и не оценил. Речи в основном адресовались к реалиям вчерашнего дня, или, точнее, позавчерашней недели.

Как будто бы состоялось негласное решение додаться и доспорить на XXIX съезде в ноябре — декабре.

Но додаться, скорее всего, не удастся. Судьба партии будет решаться «в рабочем порядке». По двум направлениям, если выразиться аппаратным языком. С одной стороны, российская администрация будет последовательно ликвидировать парткомы «в государственных органах, учреждениях и организациях», освобождая рядовых коммунистов — тех самых, кому предстоит выбирать делегатов на съезд, — от ига авторитарной партийной дисциплины. Перестроечный опыт уже развязал язык и мысли многим. Возможность — хоть и краткая — дышать и думать самому развяжет и остальным. А опыт свободы заставит выбрать свободу.

С другой стороны, авторитет и аппаратное мастерство Генерального секретаря, его способность убеждать и принуждать вряд ли оставят к съезду даже шанс вероятным противникам. Так что сенсации опять не произойдет, драки не будет. И мы снова, как уже неоднократно бывало на партийных форумах в последние годы, увидим, как, изливши душу «против», делегаты голосуют «за» — на этот раз за горбачевскую программу партии со всеми вытекающими из нее последствиями. И это будет не самоубийство партии, а ее рождение к новой жизни. Тоталитарная лягушка цвета хаки, грянувшись оземь, должна обернуться лучезарным демократическим принципом.

Это позитивный прогноз. Разумеется, никаких гарантий именно такого развития нет. Тем более что внутри и вокруг партии существует не только диффузная аппаратная, но и прямая политическая оппозиция реформе Горбачева. Это всякие «нинандреевцы», «инициативщики», «марксисты-ленинцы», «пролетардиктатурщики» и им подобные. Таких фундаменталистских коммунистических групп стало уже не меньше, наверное, чем радикально-демократических партий, групп и партиек. Они отпадают от монолита потому, что монолит уже не монолитен.

Трудно даже предположить, какая судьба их может ожидать. Очень по-большевистски они следуют против течения и, если брать всерьез не только указ Ельцина, но и лозунги и программы, намерены работать в подполье. Во всяком случае, уходить с предприятий они не собираются. Именно на предприятиях они намерены, как говорится в резолюции Союза рабочих Москвы, принятой на позавчерашней неделе, возрождать Советскую власть. Ау, российские прокуроры!

Я в начале написал, что современная наша политика напоминает

Пополнение в красной сотне

Старый избирательный закон еще действует, и следующий пленум ЦК КПСС обогатит союзный парламент новыми законодателями, которым для получения депутатского мандата не надо доказывать привлекательность своих идей перед избирателями. Нынешний пленум назвал имена претендентов. Кто же, по мнению высшего органа коммунистической партии, более всего способен защитить ее идеи, завоевывать симпатии людей?

Член политбюро **Микола Буркоявичюс** оказался на посту руководителя восстановленной компартии Литвы после того, как она откололась от основной партии, поддержавшей курс на независимость республики. Новую компартию Литвы составили в основном нелитовцы, но первым секретарем сделали «представителя коренной национальности». Считается, что именно Буркоявичюс и его коллеги создали так называемый комитет национального спасения, спровоцировавший январское кровопролитие в Вильнюсе.

Первый секретарь Львовского обкома **Вячеслав Секретарюк** пытается сохранить партийную организацию в регионе, где ее влияние сведено к минимуму. Коммунисты потерпели сокрушительное поражение на выборах практически во всей Западной Украине, но секретарь Секретарюк полон оптимизма: «Можно закрывать парткомы на предприятиях, можно лишать парторганизации их имущества, можно танцевать канкан на руинах парткомов, но партию, как религию, нельзя отменить».

Первый секретарь одного из таллиннских райкомов **Рейн Урвас**, профессиональный партийный функционер, представляет один из обломков компартии Эстонии, расколовшейся на три части, в основном русскоязычный, сохраняющий верность Москве.

цирк. Но, пожалуй, это не совсем точно. Она — фарс, разыгрываемый по Марксу, то есть «вторично», по мотивам прошедшей трагедии. Нужные герои налицо: российский самодержец, рабочее движение, раскалывающаяся партия, меньшевики-соглашатели, твердокаменные большевики, готовые к подполью, намеренные реанимировать «живое творчество масс». Если брать масштаб покрупнее, откроются и другие параллели: шестидесятники, подъем частной инициативы, глухое к бедам народа правительство, дарование свобод, госдума, буйство «общественности», расцвет мистики и религиозности, лозунг «Вся власть Советам». Даже разруха у нас есть. Все это из разных времен, но эпизоды одной и той же исторической трагедии.

Конечно, наличие таких параллелей могло бы внушить тревогу за будущее. Я тоже волновался, пока не понял, что ведь фарс всегда заканчивается благополучно. Так что все будет хорошо. Тому порукой авторитет Карла Маркса. ■

**НИ ПАВЛОВ, НИ ЯВЛИНСКИЙ НЕ
ОБЕЩАЮТ ПОНИЗИТЬ ЦЕНЫ.
«НОВОЕ ВРЕМЯ» ЭТО ДЕЛАЕТ.
С НОВОГО ГОДА КАЖДЫЙ
НОМЕР ЖУРНАЛА БУДЕТ
СТОИТЬ ПОДПИСЧИКУ НА
1 КОПЕЙКУ МЕНЬШЕ.
И В ТРИ РАЗА ДЕШЕВЛЕ,
ЧЕМ В РОЗНИЦУ.
ВСЕ ПОВЫШАЮТ ЦЕНУ
ПОДПИСКИ – МЫ ПОНИЖАЕМ.
И ГАРАНТИРУЕМ:
БЕСПРИСТРАСТНОСТЬ,
БЕСПАРТИЙНОСТЬ,
ЭЛИТАРНОСТЬ – ДЛЯ ВСЕХ!
С «НОВЫМ ВРЕМЕНЕМ»!**

Стоимость 1 номера по подписке – 59 коп.
Годовая подписка – 30 руб. 68 коп.
Цена журнала в киоске будет 1 руб. 85 коп.

**НОВОЕ
ВРЕМЯ**

Пригорюнились мужички

Татьяна
Иванова

«Слово к народу» — призыв к свержению законно избранной демократической власти в России. Призыв к насилию

Вы знаете, кто такой Тизяков Александр?.. Не знаете? Я и сама не знаю. Но согласитесь: дело дошло до края, если некто Тизяков Александр счел необходимым лично обратиться к своему народу. А он вот именно счел. Его прокламация, а может, меморандум так и называется: «Слово к народу». Две газеты в один и тот же день опубликовали нетленку. «Московская правда» и «Советская Россия».

Вы спросите, почему я все напираю на Тизякова Александра, если под сочинением «Слово к народу» кроме его стоит еще одиннадцать подписей? А я вам объясню. Другие мне известны. Юрий Бондарев — это, например, был такой очень знаменитый писатель в годы застоя. Первая книжка у него была, как казалось тогда, честная — про войну. Следующие книжки такими честными не казались, но зато он стал большим писательским начальником, его непрерывно хвалили и издавали многомиллионными тиражами. В последние шесть лет Бондарев тоже знаменит: как вдохновитель и организатор кремлевских пленумов и съездов российского писательского союза. Писательская же полностью и естественно ликвидировалась. Люди просто перестали читать тех писателей, которых им насильно внедряли в сознание в годы безкнижья.

Был тогда и в самом деле очень хороший писатель — Распутин. Ныне, увы, известный единственно своей борьбой с конкурсами красоты, с аэробикой, рок-музыкой и прочими тлетворными влияниями Запада. И еще тем, что был доверенным лицом Рыжкова.

Была тогда и певица Людмила Зыкина. Хорошая певица. Говорят, очень нравилась самому Леониду Ильичу... И когда та эпоха с ее вкусами и обычаями ушла в прошлое, это показалось ей крахом всего.

И Проханов тогда считался писателем. Чтобы почувствовать аромат той далекой эпохи, возьмите-ка, почитайте его «роман», воспевающий вторжение в Афганистан,

«Дерево в центре Кабула».

Кроме трех некогда известных писателей и певицы под воззванием подписались генералы (Варенников и Громов), опора колхозного строя Стародубцев, скульптор Клыков, которого страстно двигало в народные депутаты общество «Память», Эдуард Володин, который в «Литературной России» считается философом. И некто Тизяков Александр. Кроме Тизякова Александра, все — герои ушедшего времени. А вот он, возможно, герой нынешнего.

Письмо одиннадцати разгневанных мужчин и одной женщины похоже на прошлогоднее письмо 53-х, впоследствии оказавшееся письмом 52-х. Но еще более путаное, истеричное и бессвязное. «Очнемся, опомнимся, встанем и стар, и млад за страну. Скажем «Нет!» — губителям и захватчикам... последний рубеж сопротивления... страшная напасть... демагоги и злоумышленники... беспардонные политические спекуляции... атаки лжи... отдают народ в кабалу, делят на части измученное тело страны...» Там есть слово «надругание», видимо, производное от «надругательства» и «порушения»... Там есть пассаж о выходящих из партии, которые «предают, изменяют, требуют для недавних товарищей виселицы». Там есть, в этом тексте, призыв к молодежи и старикам, к рабочему люду и крестьянству. Разумеется, к армии, которая станет оплотом здоровых сил. К мусульманам, буддистам и протестантам (исповедующих иудаизм — не к ночи будь сказано — просят не беспокоиться). Там есть призыв к церкви, хотя письмо опубликовано в день, когда начали путь по Руси мощи Преподобного Серафима Саровского и перед началом этого священного для верующих пути Патриарх Алексей высказал мысли диаметрально противоположные тем, которые с таким иступлением и страстью проповедуют нам со страниц коммунистических газет Тизяков Александр со товарищи. Там есть призыв к женщинам. Но — заметьте — не

ко всем, а единственно к тем, кто отказывает «себе в высшем природном праве — продлевать в потомстве род». Я сначала удивилась: почему только эти мои сестры призваны на дело, которое Тизяков Александр считает священным? А у кого детки? А старые девы?.. Но потом я догадалась. Из женщин надо брать, конечно, только подвигших себя высшей аскезе — отказывающих себе в природном праве. Зовут-то ведь не куда-нибудь — к топору.

«Слово к народу» зовет Русь к топору — и это единственное, что абсолютно четко прослеживается в невнятном, истерическом, путаном тексте. Тизяков Александр (он подписал письмо последним, поэтому, называя все время его первым, я уравниваю авторов в славе) вместе с главным российским писателем Бондаревым, вместе с хорошим писателем Распутиным и певицей Зыкиной открыто призывают к свержению законно избранной демократической власти в России. Предварительно эту власть грязно оклеветав и опорочив. Призывают к восстанию. К насилию. И сообщают, что есть другие «государственные мужи», готовые повести Россию куда надо...

Оригинально. Но неинтересно до скуки. Ничего не будет. У нас призыв к восстанию на законную власть считается делом обыкновенным и неспредосудительным. Вот если кто скажет, чтобы партия перестала всем подряд руководить, — это у нас страшная уголовщина.

«Случилось огромное небывалое горе». Такими словами начинается исследуемый мною экзерсис. Господи, кощунственники, какое?.. А такое: девять республик и Президент СССР, кажется, договорились... Горбачев с «семеркой» встретился, и его там приняли как человека... Ельцин издал указ о департизации — сделал практический шаг, реализовав отмену шестой статьи. И все? И все. Но для Тизякова Александра это конец света.

Последний из тех, кто был живее всех живых

О смерти Лазаря Кагановича советские газеты сообщили со ссылкой на западные информационные агентства, словно сталинский соратник принадлежит не нашей, а какой-то чужой истории

Библейский совет для бюро ритуальных услуг прост и заманчив: пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Прекрасный выход. Милость позднего рождения избавляет от участия в тризне, оглашении завещания и дележе наследства.

Вот уж тут не место задавать нелепый вопрос: от какого наследства мы отказываемся?! Обладатель анекдотических по нынешним временам фамилии, имени и отчества равно отвергнут и единомышленниками, и противниками.

Исторический консилуум не вызывает доверия. О врачах-убийцах, конечно, и речи нет. На его-то жизнь они, известное дело, не покушались. Но не ясна даже сама датировка летального исхода. «Сталин умер вчера».

Вынесенная тридцать лет назад из мавзолея оболочка, наверное, совершенно истлела. Но разве Сталин и эта истлевшая оболочка — одно и то же? Куда же тогда девался Сталин?

А Лазарь Каганович? В историю болезни заносит участие в сионистском заговоре при отягчающих обстоятельствах. О заговоре говорят так убежденно, словно видят его своими глазами. Материализация зла, ставящая в тупик любую физику, арийскую и неарийскую. Значит, и Лазарь Каганович по-прежнему с нами?

Верящих в переселение душ было так мало, что их почти не расстреливали. Мышление было строго структурировано: какие министерства, такие и отделы в ЦК, какие отделы, такие и управления в НКВД. Наркомпути Каганович работал с транспортным управлением НКВД: их списки на расстрел подписывал и от себя наводку давал.

«Правда»: занимал партийные и государственные посты после Октябрьской революции. «Известия»: сталинский подручный, виновный в... Две газеты явно говорят об одном и том же.

Как законно избранный член Учредительного собрания, Лазарь Каганович получил некое легитимное право участвовать в определении судьбы России. Разумное общественное устройство рекомендует гражданам передоверить эту миссию наиболее

Рядом с хозяином: минута счастья

компетентным лицам. Лица заменили компетентными органами. Лазарь Каганович с двумя классами образования оказался на месте.

С какой важностью усаживаются у ложа пациента ученые историки! Все их глубокомысленные вопросы известны заранее. «Кто вы, Лазарь Каганович?» Демон? Тайный хозяин Кремля? Мясник? Усердный исполнитель? Серость, вознесенная на Олимп?

Картинки из богатой биографии есть на все случаи жизни. Поднявшийся в едином порыве зал — «Хай живе любий Лазарь Моисевич!»

Ночь, проведенная над шифровкой в Москву: «Арестовать оказавшегося врагом народа секретаря обкома». Тяжкие часы в мрачном здании министерства напротив станции метрополитена, который еще носит имя Кагановича: хозяин больше не зовет на Ближнюю дачу.

Ошибка геронтологов: зачем ездить на Кавказ, спрашивать горных долгожителей. Как эти люди чуть-чуть не дотянули до ста? Коллега Маленков, коллега Молотов. Работа без отдыха, ночные бдения, переменивший нрав хозяина, низвержение с Олимпа — лучшее средство от всех болезней в старости. Рецепт: применять при отсутствии противопоказаний — совести, чести, чувства собственного достоинства.

Лазарь Каганович метеором влетал в очередной ЦК или наркомат, сто человек расстреливал, сто награждал грамотами и наручными часами. Из людей делали не только гвозди, но при необходимости также шпалы и рельсы...

Метод не запатентован, хотя имеет множество восторженных поклонников. «Как он на меня кричал! Ну, думаю, сейчас ударит. Хозяин был...»

Оптический эффект, неизвестный природоведам. На трибуне мавзолея лица казались такими значительными, жесты — исполненными особого смысла. При ближайшем рассмотрении эти люди тусклы и жалки. Наверное, должны быть произнесены слова о банальности зла, о том, что компания серых и бездарных чиновников может уничтожить миллионы людей. Но эти слова только кажутся объяснением.

Лазарь Каганович тоже выполнял приказ. Но кому бы Сталин отдавал приказ, если бы не Каганович? Не Маленков? Не Молотов? Не Ворошилов? Не придется ли, чтобы огласить весь список, назвать еще сто с лишним миллионов фамилий? Нет, нет, нет! Никто не желает быть в этом списке. Взгляд окрест приносит облегчение: мы не чудовища. Или по крайней мере не такие чудовища. Нас искушали, и мы поддавались искушению. Не виновны.

«Лазарь Каганович как инкарнация зла». Хорошая тема для научной работы. Исчезновение Кагановича невозможно. Он должен засвидетельствовать невинность остальных. Кого же похоронили? Зажившего старичка, который, говорят, в недавние годы ловко забивал козла с пенсионерами на Фрунзенской набережной.

Леонид Млечин

О том ли болит голова?

Конфуз несостоявшегося избрания председателя на Съезде народных депутатов РСФСР огорчителен. Но кого мы ругаем?

Поэль Карп

Первым делом, как водится, отвечали демократы. Вот они опять показали свою неспособность к консолидации во имя высших целей, тогда как противоположная сторона демонстрировала завидную сплоченность! Где уж было сосчитать, что, поддержки стоить же дружно все истинные демократы Хасбулатова, голосов до столь заветных 531 ему все равно бы не хватило. Раскол слева любопытен лишь тем, что опровергает популярную ложь, будто у нас, как всегда, два лагеря и спор идет между радикальными и умеренными реформаторами, иначе говоря, между демократами и коммунистами.

Взгляды Хасбулатова — срединные на российском съезде, и, конечно, стоит задуматься, почему при этом он не был избран...

В массовом сознании социальные перемены связываются с политическими движениями, их лозунгами и вождями. Лишь очень немногие даже среди политиков отдают себе сегодня отчет, что в конечном счете часто решает дело социально-государственная структура. Именно ее устройство определяет подлинный смысл политических лозунгов. Злодействия Сталина проистекали не только из его личной безнравственности и дурного характера, но прежде всего из соединения в одних руках хозяйственной власти — и власти над людьми и мыслями.

По сей день и политики, и граждане только и думают у нас, что об усилении исполнительной власти, не задаваясь мыслью, что именно ее усиление грозит диктатурой, между тем как ни законодательная, ни судебная власть, сколько их ни усиливай, диктатуры в себе не таят. На резкое усиление общесоюзной исполнительной власти, наделенной уже и законодательными полномочиями, естественным ответом было учреждение поста президента России. Никто, однако, не задумывается, как надлежит при этом изменить прежним структурам российской власти — Съезду и Верховному Совету. Об этом на референдуме не спрашивали, и в итоге мы, обретя президента, сохранили могучую надстройку над парламентом — председателя с тремя или даже че-

тырьмя заместителями. Эту надстройку приходилось терпеть, пока общий председатель двухпалатного парламента выступал как глава государства. Но теперь-то, когда впервые в своей истории Россия обрела всенародно избранного главу государства, надстройка зачем?

Сергей Бабурин в оправдание особых полномочий единого руководства парламентом счел возможным сослаться даже на одного из отцов-основателей американской демократии Джеймса Мэдисона, справедливо говорившего о нужде государства в системе сдержек и противовесов. Но как профессиональный юрист Сергей Бабурин не может не знать, что в Соединенных Штатах это задача отнюдь не антипрезидента с непомерными полномочиями, а палаты представителей и сената. Они проводят раздельное обсуждение, принимают раздельные решения, лишь потом в случае надобности отыскивая взаимоприемлемые компромиссы, то есть учитывая все оттенки интересов граждан, Штатов и общества в целом.

Наши палаты, Совет Республики и Совет Национальностей, напротив, преимущественно выступают вместе как единый организм, то есть пренебрегают специфическим углом зрения, под которым в каждой палате надлежит рассматривать общие проблемы, а ведь именно ради этого вместо единого парламента создан в России двухпалатный. А тут еще над искусственно сращенным парламентским организмом поставлено общее для обеих палат руководство. Его независимость от палат Верховного Совета и до избрания президента вела к умалению роли депутатов. Оттого и оказался возможен бунт руко-

водящей «шестерки», как вскоре выяснилось, отнюдь не выражавшей волю большинства депутатов и, как затем подтвердили всенародные выборы, вовсе не выражавшей волю народов России. Сильно бы удивился Джеймс Мэдисон, узнав, что на него ссылаются в оправдание подобного порядка.

Впрочем, стоит ли осуждать «провинциального юриста» Бабурина, если санкт-петербургский профессор-юрист, заняв пост мэра города, поспешил заявить: «Я запрещаю чиновникам мэрии вступать в какие-либо объяснения с депутатами по вопросам, не относящимся к проблемам их избирательных округов». И так, депутатам Ленсовета не положено теперь интересоваться, что делает мэрия в помощь Кировскому театру или водопроводной станции, расположенной в чужом избирательном округе, хотя они и нужны всему городу. Депутат, по убеждению нашей исполнительной власти, и консервативной и федеральной, выдающей себя за демократическую, — лишь привилегированный

Народные депутаты России осенью соберутся вновь и вновь будут выбирать председателя. Не смешно...

Фото Дмитрия Борко

ходатай по делам избирателей. Но мы являемся на выборы не за тем, чтобы подобрать себе адвокатов, а чтобы послать своих представителей для решения общих — в масштабе государства и города — проблем с учетом наших особых обстоятельств и интересов. Это сопряжение общего и особенного не под силу и самой лучшей исполнительной власти, самому мудрому президенту и самому доброму царю, предоставленным самим себе. Потому и надобны противовесы в виде многочисленных представительств органов, где звучат голоса народных посланников. В многонациональной стране, как наша, во имя межнационального мира нужны, как уже признано, даже два параллельных представительных органа, две палаты, в одной из которых при решении общих проблем первенствуют особые интересы равноправных, независимо от национальности, граждан, в другой — особые интересы разных народов. Возвышение над обеими палатами общего руководства, да еще с постоянными общими заседаниями, мешает палатам выполнять специфические задачи, ради которых они созданы, и не зря в демократическом государстве с палатной системой еди-

ного руководства для обеих палат не заводят.

К тому же в РСФСР, единственной из союзных республик, еще и сами палаты заполняют не все избранные народом, но лишь те из них, кто угоден и большинству съезда, — выборы высших органов власти в РСФСР, как и в СССР, двухступенчатые, и хоть вроде бы народ посылает туда представителей своей воли, на деле большинству депутатов легко отстранить от повседневного руководства посланцев меньшинства. И по такой же двухступенчатой системе в Ленинграде Анатолий Собчак предлагает Ленсовету выделить из своей среды десятую часть в муниципальный Совет, который мэр милостиво соглашается выслушивать. А Ленсовет, какой он ни есть, но все-таки напрямую избранный горожанами, собирать чаще, чем раз в год, демократический мэр не видит нужды.

Нынче дозволено не соглашаться с Лениным, и особо ему достается за то, что, по его мнению, каждая кухарка должна управлять государством. Нас уверяют, что все нынешние беды от этих ленинских кухарок. Между тем в ленинском правительстве кухарками и не пахло. Не говорю уже о работавших везде и всюду, начиная с армии, «буржуазных спец», которые, как уверяет занимающий ныне должность Ленина В.С.Павлов, нам вовсе не нужны.

А что до кухарок (заметьте, речь идет о каждой кухарке, не то чтобы одну поставить министром культуры, а остальных держать по-прежнему на кухне), то ведь именно в том, что каждая кухарка, оставаясь кухаркой, каждый крестьянин, каждый рабочий, каждый учитель, каждый инженер, каждый врач должны управлять государством, и состоит демократия. Управлять, понятно, не самолично, а через свободно избранных ими представителей. Ведь если уж полемизировать с Лениным, то лучше бы сказать, что, провозгласив равное право граждан управлять государством, он пренебрегал созданием реальной представительной системы, позволявшей пользоваться этим правом на деле. Кухарка, знавшая, где, что, почему на рынке, в итоге сочла себя вправе и самый этот рынок упразднить. Оттого в на-

чалстве и умножились малограмотные, что именно менее грамотные, менее одаренные, менее квалифицированные кровно заинтересованы в системе, позволяющей им вопреки объективной ценности их труда брать верх над более грамотными, более одаренными, более квалифицированными.

Ленин, понятно, не стремился к подобным результатам, не предвидел их. Но к ним неотвратимо вел примат воли над объективной социальной реальностью. Оттого и Советы, формально сосредоточивавшие у себя власть, а на деле лишь декорировавшие власть партии, не смогли сегодня стать эффективными представительными органами и, конечно, нуждаются в реформировании. Порой в сокращении числа депутатов, порой в объединении и даже упразднении там, где эти Советы дублируют друг друга. Но все это лишь затем, чтобы усилить влияние народных представителей, чтобы прежде выборы депутатов во все представительные органы снизу доверху были прямыми, позволяющими воле каждого гражданина сказаться на управлении государством. Само собой желательно, чтобы народ предпочел депутатов, имеющих подходящее для государственной деятельности профессиональное образование.

Власть руководителей советских органов становится все более похожей на недавнюю власть руководителей партийных органов, разом исполнительную и законодательную, то есть произвольную, ограничиваемую только вышестоящими инстанциями, а когда таковых нет, то неограниченную. Уже и в новом Союзном договоре заложены структурные несовершенства высшей власти, сулящие дальнейшие конфликты.

Конфуз на российском съезде показал, что наш порядок все еще ориентирован на пренебрежение реальной волей народа. Лишь четверо из более чем 1000 народных избранников поддержали депутата Аржанникова, предложившего хотя бы упростить этот порядок, хотя бы ограничить функции Председателя Верховного Совета председательствованием на заседаниях.

Что ж, если у депутатов не хватает духу признать безотлагательным избрание прямым народным голосованием рабочего двухпалатного Верховного Совета и упразднить дорогостоящие и многочисленные съезды, может быть, и этот вопрос, пусть с запозданием, надлежит задать на всенародном референдуме?

Порядок, фактически сводящий на нет прямое представительство граждан и разделение властей, не стоит именовать демократическим.

ЛЕНИНГРАД

Наконец-то, СТАРТ!

Исторический договор подписан — 20 лет спустя

Андрей Кортунов

**По каким
правилам
будут
проходить
ядерные
«бега» в эпоху
после
«холодной
войны»**

Нынешний договор, чаще именуемый по английской аббревиатуре СТАРТом, — не просто еще одно соглашение о контроле над вооружениями. Он подводит черту под двадцатилетними усилиями СССР и США в этой области.

В СТАРТе отразились как сильные, так и слабые стороны традиционной модели переговоров. Его недостатки лежат на поверхности. Но было бы несправедливо требовать от дипломатов и политиков идеального соглашения в переходный период, когда подходы времен «холодной войны» уже не работают, а другие лишь намечаются. Куда полезнее, на мой взгляд, задуматься об альтернативных вариантах переговорного процесса на десять — пятнадцать лет вперед, сосредоточившись не столько на новых возможностях, сколько на старых и новых угрозах контролю над вооружениями. Ведь окончание «холодной войны» само по себе не гарантирует быстрого ядерного разоружения и даже укрепления стратегической стабильности.

**Паритет умер.
Да здравствует паритет!**

Исходная точка любых соглашений с начала 70-х годов — принцип паритета, отраженный в формуле «равенства и одинаковой безопасности». Представления о «справедливом и несправедливом» соглашении определялись величиной и сравнительным значением уступок каждой из сторон. При этом паритет понимался как примерное количественное равенство по боевым возможностям. Сами же переговоры сводились к поиску вариантов «размена» одних стратегических систем на другие. Каждая из сторон, таким образом, становилась заложником стратегических решений, принимаемых партнером. А поскольку США в целом обгоняли СССР в качественной гонке вооружений, Вашингтон мог извлекать некоторые преимущества из переговоров просто за счет «экс-

порта» своей стратегической культуры и определения правил игры в ядерной сфере.

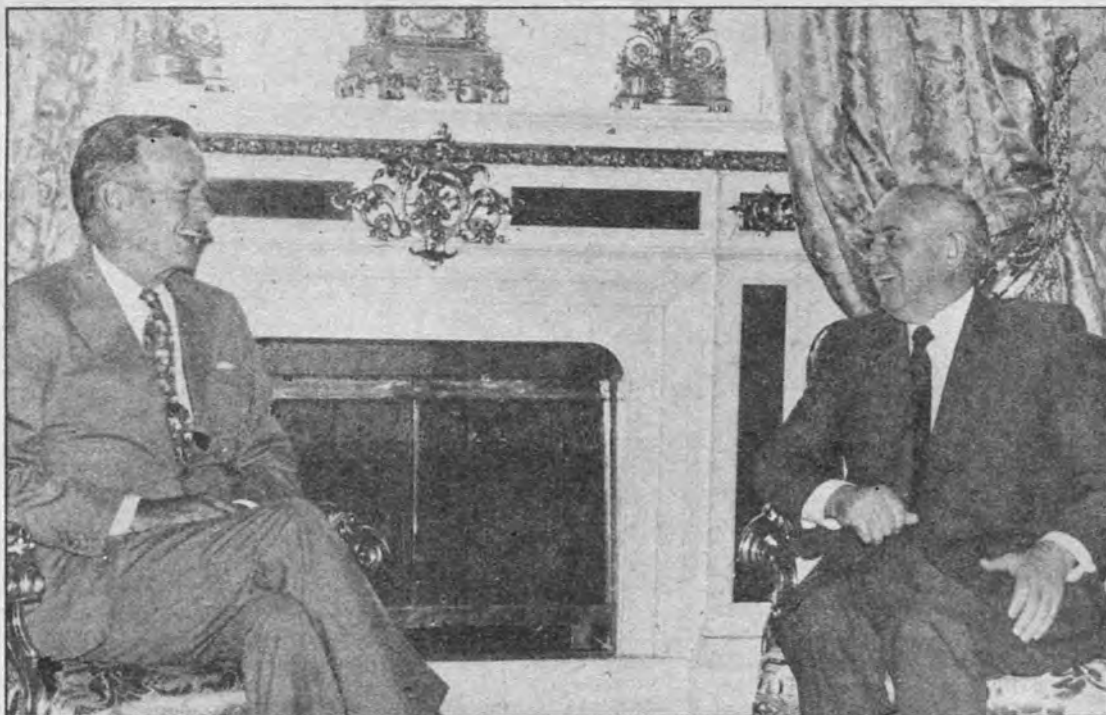
Сохранение некоторых преимуществ в рамках примерного паритета считалось в США крайне важной компенсацией превосходства СССР в обычных вооружениях. Москва никогда официально не признавала по ним дисбалансов, равно как и «права» США сохранять компенсирующие преимущества в ядерной области. Однако негласный учет взаимосвязи ядерного и обычного балансов оставался важным элементом принципа паритета.

Теоретически традиционная модель контроля над вооружениями могла бы привести к полной симметрии стратегических сил сторон. Такая симметрия, в свою очередь, позволила бы разработать целостную советско-американскую концепцию стратегической стабильности при сохранении американцами некоторых преимуществ за счет более высокого технологического уровня и особенностей геостратегического положения.

Однако во второй половине 80-х годов и СССР, и США поставили под сомнение неизблемость принципа паритета. СССР выдвинул концепцию «разумной достаточности» и «асимметричного ответа»: первая была попыткой найти новую, «непаритетную» основу для стратегического планирования, вторая — вполне определенным сигналом американской стороне, что Москва больше не собирается копировать все стратегические решения Вашингтона. Перспектива стратегической конвергенции СССР и США была поставлена под сомнение.

Американцы, в свою очередь, в процессе переговоров по СТАРТу не смогли устоять перед искушением воспользоваться периодом максимальной слабости СССР, чтобы получить как можно больше, дав взамен как можно меньше.

Оговорюсь сразу: я вовсе не считаю, что СТАРТ ослабляет безопасность СССР. Накопленный с конца 40-х годов «запас прочности» в ядерной сфере настолько велик, что предусмотренные СТАРТом сокращения не смогут сколько-нибудь значительно повлиять на стратегический ба-

Москва и Вашингтон
учатся быть
партнерами в
мировых делах
Фото ТАСС

ланс. К тому же администрация Буша все равно не в состоянии практически использовать некоторые преимущества, выторгованные у СССР во время переговоров: конгресс просто не даст денег на многие программы.

Однако психологически ощущение «неравноправности» СТАРТа может иметь серьезные последствия. Тем более что завершающаяся фаза переговоров совпала с радикальными сдвигами в балансе обычных вооружений на Европейском континенте. Сегодня уже трудно оправдать даже ограниченные преимущества США в ядерной области ссылками на советское превосходство по обычным вооружениям в Европе.

Американцы должны учесть, что, утрачивая свою сверхдержавность и сталкиваясь с «национальным эгоизмом» США в Женеве, СССР может потерять и интерес к двустороннему контролю над вооружениями. Более предпочтительным окажется вариант «ядерного изоляционизма», предполагающий полную независимость от США в стратегической сфере («асимметричный ответ») и отказ от американской «стратегической культуры» (включая критерий «неприемлемого ущерба», определения «дестабилизирующих систем» и так далее).

Подобный выбор имел бы много общего со стратегическим выбором голлистской Франции 60-х годов: будучи не в силах играть с двумя ядерными сверхдержавами по их правилам, Париж предпочел вообще правила не признавать. Если Москва последует этому примеру в 90-х годах, существующая

инфраструктура двусторонних советско-американских переговоров обречена на быстрый упадок.

Догонит ли Ахиллес черепаху?

За два десятилетия СССР и США привыкли закреплять результаты переговоров в форме юридических договоров, подлежащих ратификации (хотя были и исключения, приносившие форму исполнительных соглашений). Это обеспечивало договоренностям надежность, создавало дополнительные гарантии против возможных нарушений.

Но с течением времени необходимость подробной юридической регламентации все больше затягивала переговоры, делала соглашения громоздкими (СТАРТ, например, представляет собой том в 700 страниц). Очень много сил и времени уходит на уточнение определений, правил подчета вооружений, разработку процедур их уничтожения и верификации. Сроки подготовки соглашений затягивались, а развитие военной технологии шло с ускорением, буквально на глазах девальвируя только что подписанные документы.

Переговоры по СТАРТу, пожалуй, самый наглядный пример неспособности традиционной модели переговоров угнаться как за развитием политической обстановки в мире, так и за прогрессом в военной технологии. Во время визита Михаила Горбачева в Вашингтон в конце 1987 года стороны считали возможным подписать СТАРТ уже в следующем, 1988 году.

По мнению многих экспертов, если комплексный договор (типа

ОСВ-2 или СТАРТа) не подписан в течение пяти лет после начала переговоров, его вообще едва ли стоит подписывать: исходные посылки переговоров успевают устареть.

Необходимость учитывать перспективы ратификации вела еще и к тому, что переговоры постепенно стали носить не двусторонний, а трехсторонний характер: наряду с правительствами СССР и США в них участвовал и американский конгресс (я уже не говорю о консультациях обеих сторон со своими союзниками). Это еще больше усложнило процесс. Теперь, с подключением к внешней и военной политике Верховного Совета СССР, переговоры становятся де-факто четырехсторонними. А там, глядишь, и у республиканских Верховных Советов появится вкус к обсуждению стратегических проблем.

В этих условиях возникает вопрос: догонит ли Ахиллес черепаху? Способен ли существующий переговорный механизм выдержать такую нагрузку?

Чего не могут профессионалы

Традиционно переговоры велись на двух уровнях: профессионалов (дипломатов, военных и технических экспертов) и политиков (встречи в верхах и переговоры министров иностранных дел). На первом прорабатывались главным образом конкретные вопросы, на втором — достигались принципиальные соглашения.

Такой подход в целом успешно работал, хотя время от времени и возникали серьезные проблемы. Например, в условиях отсутствия принципиальных договоренностей

между политиками переговоры профессионалов часто превращались в бег на месте: члены советской и американской делегаций в Женеве усердствовали в представлении другой стороне своих старых позиций. Своеобразная «игра в бисер» продолжалась много месяцев.

Желание же политиков во что бы то ни стало достичь соглашения к очередной встрече в верхах обычно вызывало производственные авралы в Женеве.

Сегодня, когда спектр советско-американского взаимодействия расширился, у политических лидеров двух стран находится много тем для обсуждения, не связанных с ядерными вооружениями. Значение стратегических проблем в отсутствие непосредственной угрозы ядерного столкновения неизбежно будет сокращаться. Технократы-профессионалы полагают, что процесс переговоров должен быть максимально «деполитизирован», что давление на делегации в Женеве со стороны государственных деятелей следует ослабить. Переговоры по разоружению, с их точки зрения, должны приобрести более рутинный характер, оставаясь хотя и важным, но далеко не определяющим компонентом советско-американских отношений. «Профессионализация» позволит сделать переговоры более последовательными, а заодно избежать неоправданных ожиданий и неизбежных разочарований.

Логику профессионалов понять можно. Но «деполитизация» переговоров имеет и негативные аспекты. Прежде всего, без постоянного политического давления они еще более затянутся: профессиональный подход, по сути, предполагает постепенное продвижение вперед. Переговорщики-профессионалы предпочитают распылять гордые узлы контроля над вооружениями, а не разрубать их.

Во-вторых, профессионализация переговоров может со временем переродиться в их бюрократизацию. Длительный переговорный процесс неизбежно превращает его участников в своего рода касту, со своими собственными групповыми интересами, порой существенно отличными от интересов государственных.

В-третьих, профессионалы не обладают возможностями политического руководства противостоять давлению многочисленных сил внутри страны, заинтересованных в сохранении тех или иных стратегических программ. Если политическое руководство, перепоручив контроль над вооружениями профессионалам, не будет готово защищать последующие соглашения, шансы на успешное противодействие резко возрастут.

И все-таки, полагаю, время

всеобъемлющих соглашений о контроле над вооружениями прошло. Уже СТАРТ-2 должен стать не собственно договором, а процессом — серией конкретных соглашений по относительно частным вопросам, которые в совокупности дополняли бы СТАРТ-1.

Такой подход не обязательно облегчит переговоры. В 70–80-е годы СССР и США стремились к всеобъемлющим соглашениям не только из-за их политической значимости — хотя и это соображение играло свою роль. Чем больше был общий пакет обсуждавшихся вопросов, тем легче достигался компромисс — путем обмена уступок в одной области на уступки в другой. Учитывая существующие асимметрии в структурах советских и американских стратегических сил, не говоря уже о британском, французском и китайском ядерных потенциалах, найти взаимоприемлемые развязки по конкретным вопросам, не затрагивая других, весьма сложно. Эта проблема решается при сохранении принципа пакета, при том, что пакеты станут лишь настолько велики, насколько нужно для достижения компромисса.

Другая опасность скользящего графика переговоров в том, что делегации постараются сосредоточиться на относительно легких проблемах, по которым нет особых разногласий, и начнут откладывать в долгий ящик сложные (подобная тенденция проявилась уже в переговорах по СТАРТУ). В итоге нас ожидает не столько ограничение гонки вооружений, сколько ее рационализация — блокирование ее бесперспективных с точки зрения обеих сторон направлений. Нейтрализовать эту тенденцию, пожалуй, можно лишь в случае, если переговорщики будут находиться под постоянным политическим давлением — со стороны как законодательных органов стран-участниц, так и общественности.

Третий — не лишний

Эффективность контроля над вооружениями будет во многом зависеть и от способности СССР и США подключить к нему третьи ядерные страны.

Сложности на этом пути — не только политические, но и технические. Например, придется заменить испытанные принципы переговоров (паритет, равенство по боевым возможностям, сопоставимость взаимных уступок) гораздо более сложными критериями, основанными на многостороннем ядерном равновесии.

Вполне вероятно, в отдаленном будущем переговоры о контроле над ядерными вооружениями станут походить на нынешние переговоры

о распределении бремени обороны в рамках НАТО. Однако в обозримой перспективе ядерное оружие останется важным символом политического статуса для относительно слабых в экономическом отношении держав (СССР, Франция, Великобритания), что, несомненно, затруднит переговоры. Кроме того, проблемы безопасности ядерных государств останутся неодинаковыми, даже если эти страны достигнут взаимопонимания. Для СССР, скажем, может оказаться крайне важным осуществление какого-то варианта «расширенного сдерживания», чтобы противостоять потенциальным дисбалансам в области обычных вооружений на своих южных или восточных границах.

Переход к многосторонним формам контроля над стратегическими вооружениями можно облегчить, если видоизменить его цели. Утопичность идеи полного и всеобщего ядерного разоружения давно очевидна для советских и американских экспертов. Однако политики обеих стран декларировали приверженность этой идее, порождая неоправданные ожидания у общественности и дезориентируя третьи ядерные державы. Многосторонний контроль над вооружениями должен быть нацелен не только на радикальные сокращения или даже жесткие ограничения существующих арсеналов, но и на координацию программ модернизации и развития мер доверия в стратегической области. Подключение третьих ядерных стран к советско-американскому диалогу в этом случае шло бы максимально гибко (в качестве первой меры можно было бы расширить круг участников соглашения о центрах по снижению риска ядерной войны, добиться многосторонней договоренности об уведомлении о пусках баллистических ракет). Каждая ядерная держава имела бы возможность выбрать степень своего участия в контроле над вооружениями, основываясь на собственном анализе сопутствующих приобретений и издержек.

И еще. Если международные отношения будут позитивно развиваться, односторонние действия, ограничивающие военные усилия ведущих держав, видимо, обгонят даже модернизированный процесс контроля над вооружениями. Важно скоординировать их односторонние шаги.

Юридически не оформленная координация таких шагов ни в коей мере не ущемит независимости ядерного планирования третьих стран — ни одна из них пока не выказывает готовности участвовать в «классических» переговорах даже в качестве наблюдателя — и создаст в то же время условия для более стабильного глобального ядерного баланса.

Фиеста в Гвадалахаре

Рюмка текилы в честь примирения

В живописном курортном городке Гвадалахара впервые в истории состоялась встреча руководителей двадцати одного государства Латинской Америки и обеих стран Иберийского полуострова — Испании и Португалии. «Наконец-то сбылась мечта Боливара», — восклицали газеты. И впрямь, в Гвадалахаре произошло важное событие — создание иберо-американского сообщества.

Связи между Латинской Америкой и двумя европейскими странами долгие годы находились на задворках большой политики. Между тем и язык, и религию, и элементы культурного наследия, и даже политические системы латиноамериканцы получили именно из Испании и Португалии. Созданный в Гвадалахаре иберо-американский союз может в дальнейшем стать таким же весомым фактором мировой политики, как британское Содружество наций или французское Сообщество.

На семейном вече присутствовал и родственник, который ранее не приходился к столу, ибо всегда действовал наперекор своим ближним. Речь идет о Фиделе Кастро. Его участие стало, без сомнения, знаменательной особенностью форума. Во многом кубинский лидер остался верен себе. В своей речи в диссонанс с обнадеживающими прогнозами уважаемых международных финансистов он дал весьма мрачную оценку экономического положения на континенте. Испанцам и португальцам — потомкам европейских конкистадоров — напомнил про их «разбойничье прошлое». Покритиковал организатора встречи — президента Мексики Карлоса Салинаса за чрезмерное увлечение планом создания «тройственного союза» стран Северной Америки — Канады, США и Мексики. Приглашенного на встречу генерального секретаря Организации Объединенных Наций Переса де Куэльяра кубинский команданте обвинил в том, что ООН служит интересам «североамериканского гегемонизма».

В ответ на эмоциональную речь Кастро... раздались вежливые аплодисменты. На следующее утро министры иностранных дел Кубы, Чили и Колумбии подписали совместное коммюнике о восстановлении консульских отношений. Ж.Базена Соарес, генеральный секретарь Организации американских государств, которую на острове Сво-

боды уже долгие годы называют «министерством колоний», на брифинге с журналистами рассуждал: времена меняются, и почему бы Кубе не занять прежнее место в ОАГ...

В целом иберо-американский диалог не превратился в трибуну нападок на «гаванский режим». Латиноамериканские лидеры не прислушались к призыву Вашингтона, требовавшего усилить критику «тоталитарного строя» на Кубе. Поэтому к

ставляется наиболее перспективным для вывода республики из нынешнего кризиса.

Итогом конференции стало принятие «Декларации Гвадалахары». В ней выражена готовность латиноамериканских стран, Испании и Португалии добиваться всеобъемлющей региональной интеграции. Участники саммита выступили в защиту прав человека, за решение экологических проблем и более

Фидель в окружении свиты и охраны прибыл в Гвадалахару. Его там не ругали, как ожидалось, а лишь призывали к демократии и плюрализму...

Фото из журнала «Тайм»

«северу от Рио-Гранде» за гвадалахарским спектаклем наблюдали не без раздражения. Доллары, вложенные в хроющую латиноамериканскую экономику, казалось, давали североамериканцам право надеяться на лояльность реципиентов. Но этого не случилось. Участники форума в целом согласились с мнением правительства Венесуэлы, что кубинцев «нужно не загонять в угол, а интегрировать в лоно Латинской Америки, которая готова их принять».

Вероятно, среди лидеров ибероамериканского сообщества возобладали мнение, что любая попытка насильственного свержения существующих на Кубе порядков чревата непредсказуемыми последствиями. Наоборот, постепенный путь реформ, вовлечение «родственников» в уже сложившийся комплекс мирохозяйственных связей, пред-

успешную борьбу с наркобизнесом. Стоит под гвадалахарской декларацией и подпись Фиделя Кастро, хотя в ней есть и неприятные для Гаваны акценты... Кубу, например, дипломатично призывают к «полному соблюдению прав человека и расширению демократии», к «укреплению плюрализма в международных отношениях»...

Может быть, и впрямь в общем латиноамериканском доме со временем все образуется. Говорят, на этой встрече после очередного заседания кубинский лидер подошел к одному из своих наиболее яростных критиков, взял его за локоть и предложил выпить за ужином по рюмке водки из сока агавы — текилы. Тот охотно согласился.

Юрий Кудимов,
соб. корр. «Нового времени»
ГВАДАЛАХАРА-МЕХИКО

На пороге черной дыры

МЫСЛИ ВСЛУХ

Крах силы, эскалация насилия

Александр
Дидусенко

Призывы к прекращению кровопролития явно не доходят до сознания конфликтующих сторон — лидеров националистических формирований и генералитета Югославской народной армии. Одни упорно считают, что лишь сила позволит им реализовать планы развода их республик с СФРЮ, другие уповают на способность армии наводить порядок. До чего же знакомы эти упования на силу! И до чего же бесперспективны! Ольстер, Ливан, наконец, Карабах достаточно убедительно доказывают: не помогает сила. Вообще, думается, будущие историки назовут XX век эпохой крушения многонациональных государств, в которых господствующие нации

опирались на силу. Сила оказалась ненадежным связывающим компонентом многонационального сообщества. Как только в общественном сознании стал брать верх приоритет права, а средства массовой информации лишили человека с ружьем возможности осуществлять насилие тайно, сила, да простят мне невольный каламбур, свою силу утратила.

К сожалению, утратила только силу, но не способность причинять страдания и зло тем, кого историческая судьба сделала невольными участниками и жертвами конфликтов. И вот уже сербы «отстреливают» хорватов, а хорваты — сербов. Крах силы сопровождается небывалой эскалацией насилия. Насилия, корни которого — в бессилии.

Парадокс? Если хотите — да.

Югославская трагедия развивается. Едва спала напряженность в Словении, как разгорелось пламя в Хорватии. Между хорватами и живущими в республике этническими сербами идет самая настоящая война. Количество убитых и раненых на каждой стороне уже исчисляется десятками и сотнями. Все больше людей теряют кров над головой, стабильность, предсказуемое будущее. В конфликт втягиваются все новые и новые силы, и подобно космической «черной дыре» — гигантской массе, втягивающей в себя все, даже свет, — он все больше грозит вобрать в себя, поглотить добрые планы правительств, намерения политиков, надежды народов.

Фото ТАСС

Долгие годы считалось, что цементом, способным скрепить многонациональное сообщество в единое государство, может стать идеология. Считалось, что дети разных народов, сплоченные вокруг мудрых, вооруженных передовой теорией партий, в состоянии, позабыв разногласия и отрешившись от национальных интересов, сообща устремиться к сияющим вершинам коммунистического будущего. Надежда не оправдалась. Передовая теория не выдержала проверки жизнью. Дорога к сияющим вершинам завела в мрачный тупик. Лишившись ореола мудрости, партии потеряли и власть. И националисты-этнократы, сменив у государственного руля интернационалистов-партократов, пытаются теперь взять курс к

собственным национальным берегам, надеясь, что их народы, вырвавшись из оков «братской дружбы», быстрее займут достойное место в мире. Естественно, партократия сопротивляется, пытается опереться на сохранившие верность прежним структурам армию и госбезопасность и компенсировать идейное бессилие силой оружия.

Я поставил слова этнократы и партократы рядом сознательно. Воспитанные в одной системе политических координат, носители этих характеристик сегодня удивительно похожи крайним радикализмом сугубо конфронтационного мышления, нежеланием слушать кого-либо, кроме себя, верой в силовые решения. Боюсь, поэтому, что и курс этнократов к «национальным

берегам» окажется столь же бесперспективным и столь же жестоким, как и курс их предшественников к «сияющим вершинам». Увы, поднявшаяся на волне пробудившегося национализма этнократия не в состоянии признать приоритет общечеловеческого над национальным, подобно тому как партократия была не в состоянии признать приоритет общечеловеческого над классовым.

Сказанное, к сожалению, касается не только югославских проблем. Парто- и этнократии всюду демонстрируют удивительную неспособность к разумному компромиссу. Они всюду готовы сражаться до последней капли, естественно, не своей крови, увлекая тем не менее и себя, и свои народы в черную дыру истории.

Кто сегодня в Польше пан

и за что же бьются нынче пролетарии всех стран

Виталий Ганюшкин

Основоположники отнюдь не отрицали частную собственность...

Это не о традиционном польском обращении: в этом смысле у соседей за Бугом без перемен, и по-прежнему каждый сам себе пан. Кто же сегодня в Польше над паном пан во втором звучании самого слова: хозяин, владетель? Вот тут все несколько перемешалось, и уж во всяком случае далеко не каждый теперь сам себе пан.

Здесь, пожалуй, доминанта всех впечатлений от свежей встречи со страной, которую еще не так давно имел возможность познавать изнутри на ее путях «социалистического строительства», будучи тамошним корреспондентом одной нашей большой газеты. Тем более что внешние впечатления были подкреплены содержимым авторитетной дискуссии, что развернулась на международной конференции в Варшаве, куда меня пригласили.

Поскольку устроителями ее выступали коллеги-журналисты из американского ежемесячника «Уорлд пейпер», с которым у нашего журнала давние творческие контакты (его материалы вы можете периодически встретить и на наших страницах), а также польской «Газеты банковской», то и название конференции звучало неожиданно для делового собрания метафорично: «Мост через «долину слез». Сколько свободного рынка могут выдержать поляки? По сути, это и был насыщенный диспут о том, кто сегодня в Польше хозяин и как помочь ему окончательно встать на ноги. Собеседовали спецы, и, признаться, не всё оказалось по уму.

Но пришлось дерзнуть и самому сказать слово, со слезами смешанное, по настоянию устроителей. И этот акт был предметом незлобивых острот: ведь, оказавшись единственным представителем авангарда перестройки на этой конференции, мне пришлось подменить приглашенного и сильно ожидавшегося Григория Явлинского, которому в тот момент было явно не до сопредельной «долины слез» — своей хватало по уши.

...Тут, в этих измочаленных кустах под сенью главного советского подарка многострадальной послевоенной Польше — высотного Дворца культуры и науки в центре Варшавы, — я сразу почувствовал себя как дома, среди «наших», от одного только возгласа над раскинувшимся вокруг биваком нашей отечественной нищеты. Возникнув из зарослей, бравый молодец торжественно обратился к соотечественникам: товарищи советские спекулянты, не найдется ли у кого стакан?

Варшава сейчас заполонена советскими гражданами с не в меру пробудившейся политической активностью. Стаскивают сюда все — буквально все, от армянских коньяков до подозрительно чистых бюстгалтеров (кстати, по-польски куда благозвучнее — бюстонош!), — все, чего нет у нас самих. Продают за полцены, чтобы тут же в первой попавшей подворотне обменять у «кантора» польские золотушные на крепенькие «спинки» дяди Сэма. А на цих уже

— любой товар для «бизнеса».

Предмет обоснованных хлопот польских властей. По данным здешних «Компетентных органов», среднестатистический советский турист провозит в Польшу аж 12 бутылок водки (уж не ввел ли наш премьер тайком от отечественных алкающих пицци роковой конвертируемые талоны на питьевое?). Сообщается, что только в июне в Польшу понаехало 887 тысяч наших сограждан, а 60 тысяч из них пока на свою территорию не вернулись. Видимо, по делам «бизнеса». Зато каждый из тех, кто вернулся, в среднем имел при себе от 150 до 200 долларов, в итоге ежемесячно наши вывозят их из Польши до 80 миллионов! Как тут не понять тревогу одного из польских сенаторов, который заявил, что одна из скрытых интенций новых советских таможенных правил — создать условия для массового вывоза твердой валюты из Польши, где, как известно, злотый обрел уже внутреннюю конвертируемость. Если не принять соответствующие меры (теперь они уже приняты), то утечка может достигнуть полутора миллиардов долларов. Вот такие теперь пироги в нашей братской «долине слез»!

Из тех кустов к близлежащему торговому более-менее цивилизованного польского «частного сектора» с походными лотками и даже крытыми ларьками старшего брата-товарища польская полиция (да и сами купцы) предусмотрительно не подпускает. А дальше от этого разваленного прямо на земле эпицентра советской «рыночной экономики» по Маршалковской и прилегающим артериям польской столицы — истое море разливов торгового люда и его товаров уже со всего цивилизованного света.

Здесь, словно на ристалище, сошлись грудками две испытанные модели нового социалистического общества (для Польши уже как остаточно явления): мир за Бугом, где все можно купить ввиду обилия чудотворных накоплений у населения, но, увы, ничего не купишь, потому что ничего нет, и этот призывный командой Леха Валенсы неведомый свободным труженикам мир, где все можно купить, но тоже ничего не купишь, ибо не на что. Нашим при этом сдается, что тут уже рай земной. Поляки же все еще пребывают в уверенности, что рай земной начинается все-таки за Лабой (той самой Эльбой). Считается, что цены на товары в Польше в среднем соответствуют западным, но ведь зарплаты несоизмеримы. И потому слезы их (как и нашей) «долины» не того сорта, что, мол, живут как люди, а все плачут. Не крокодиловы слезы в общем.

Вот и витал над нашей конференцией дух лишений и невзгод, которыми уже расплачивается и еще вынужден будет пла-

тить польский пан за приближение не того, как выяснилось, призрачного рая, в который заманивали его все эти 45 лет отечественные и соседние коммунисты, а рая, так сказать, товарного, предметный мир которого можно пощупать и даже съесть или надеть, попользоваться в общем. Ведь слеза навертывается не только перед лотком с колониальными товарами. Есть причины и по-серьезнее.

Уже сегодня зарегистрировано свыше полутора миллионов безработных, до конца года их ожидается до двух миллионов — этим явно не до «адидасов». Назревает кризис власти — Лех Валенсы уже не исключает и применения силы в определенных ситуациях. И, наконец, ее величество приватизация (или реприватизация для Польши) — особый вопрос. Тоже добра не жди: многое сулит в перспективе, но в ходе самой операции, конечно, потребует немало доворской крови.

Вот только что уже здесь, в Москве, узнал из ТАСС, что польское правительство решило до конца года передать частным владельцам четверть всех государственных предприятий, преимущественно — группе инвестиционных фондов, специально созданных в этих целях западными менеджерами. При этом предусматриваются меры по избежанию засилья, диктата иностранных инвесторов, которые будут лишь управлять, но не владеть польскими фондами.

Акции же приватизируемых предприятий через так называемые фонды управления национальным богатством будут поровну распределены между всеми 27 миллионами совершеннолетних граждан, причем свыше 30 процентов из них — контрольный пакет — останутся в распоряжении правительства. Конкретная стоимость акций каждого польского пана пока не обнародуется, но полагают, что она будет близка к обещанному Лехом Валенсой в ходе предвыборной кампании девяти тысячам долларов. Посчитайте — вышло бы совсем неплохо, во всяком случае это не те восемь тысяч рэ, которые обещают каждому из нас при разделе российского имущества. Но ведь и те польские частнособственнические доллары пока что обещаются, но не гарантируются: это очередной пусть оправданный, но риск. Уже теперь, у истоков, ощущаю: сам процесс приватизации, как бы ни был он просчитан, штука болезненная. Вот отсюда и подтекст нашей конференции: сколько рыночной экономики могут

выдержать поляки? Впрочем, прозвучал там (причем из уст польского участника) и другой категорический императив: как можно быстрее пройти в начатых реформах ту точку, от которой возврата уже нет.

Сегодня в Польше тысячи частных предприятий, главным образом мелких и прежде всего в сфере торговли и услуг. Наверно, это обстоятельство вдохновило западного обозревателя на панегирик польскому предпринимательству: уже теперь, по его свидетельству, нет сомнений в жизнеспособности частного сектора и в ловкости, с которой поляки приспосабливаются к новым правилам игры.

Делать деньги становится любимым увлечением населения этой страны. Создается впечатление, что за одну ночь возникла нация лавочников. Что ж, с той стороны виднее. Но факт и то, что в прошлом году объем промышленного производства в целом сократился на 23 процента, а выпуск продукции в частном секторе возрос на 8 процентов, объем же частной розничной торговли увеличился в 4,5 раза!

Впрочем, лавочники лавочниками, а ведь Польше предстоит приватизировать и около 8 тысяч крупных государственных предприятий, причем предпочтение отдается продаже их целиком одному покупателю (например, фирме). Между тем в Польше, как и в других бывших социалистических странах, как и у нас в Союзе, самым сподручным, а значит, и самым скорым остается преобразование прав собственности рабочим путем передачи (выкупа) акций. Однако польские экономические стратеги как раз в этой обманчивой простоте, если не примитивности, решения видят ловушку. Януш Левандовский, к примеру, министр по вопросам преобразования форм собственности (не мешало бы нам иметь такого, скажем, вместо только что возрожденного печальной памяти Госснаба!), полагает такое решение воистину опасным, поскольку нужна хозяйственная мобильность, а не усиление сопротивления сокращению рабочих мест. Одним словом, курс берется на приватизацию «как у взрослых», ту, что успешно испытана в мире цивилизации и процветания, с созданием соответствующего среднего класса частных владельцев.

Поразмыслить тут было о чем. Недовольство курсом нынешней польской администрации, тут и там прорывающееся открытыми протеста-

Предводитель «Солидарности» и Президент всех поляков все еще «на коне»

ми, день ото дня сгущается по мере нарастающего падения объемов промышленного производства, жизненного уровня. Как тут быть? Вариант с частичной беременностью поляки явно отвергают. А если приватизация напропалую, то под носом возникает грозный кулак рабочего люда. Скажем, на конференции говорилось о двусмысленном положении на уже приватизированных или готовящихся к этому акту предприятиях. Ведь там пока сохраняются прежние испытанные структуры, от разного рода профсоюзов до органов рабочего самоуправления, которые по инерции не просто претендуют, но и пытаются осуществлять свою призрачную роль «хозяев производства». Исчерпывающую развязку для подобных ситуаций предложил участник конференции — владелец первого в Польше приватизированного государственного строительного комбината «Эксбуд» Витольд Зараска: по-моему, нет ничего проще — «трудоулов коллектив» должен работать, а управлять буду я, владелец предприятия, если же кому-то захотелось поручивать, пусть идет на биржу деловых бумаг и купит себе собственное предприятие...

Жестко? Да, слова не мальчика, но пана. Ну а как иначе? Если кто-то задумал и на частных или в иной форме приватизированных предприятиях сохранить и приумножить социалистические манеры, думается, создаст двугорбого верблюда, который годится разве что для путешествия по пустыне, а не по морю рыночной экономики. Да, конечно, нужна система социальной защиты интересов трудящихся от возможного произвола хозяев (о ней также не забыли проводники польских реформ). Но — именно в случаях произвола, нарушения законодательства. В остальном же, думается, пан должен быть паном со всеми вытекающими из его положения последствиями (или пан, или пропал!), ибо в его системе рискует прежде всего он сам, так не позволительно ли ему и предоставить право распоряжаться? Так по крайней мере ставили вопрос участники конференции. Впрочем, отражая складывающийся в стране порядок.

Грешен, от этого зародились темные мысли о своем отечестве. Тот же пан Зараска сказал, что, по его мнению, всякая приватизация — фикция, пока не нашелся хозяин. Польский экономический авангард вообще плотно усвоил элементарную истину о том, что рынок без собственности — автомобиль без двигателя, далеко не уедешь. А что же в этом смысле затевается у нас, в незбылемом оплоте социалистического выбора? Бросайте в меня стеклотарой, но я не в состоянии взять в толк формулы «коллективная частная собственность», в которую зазывают нас высшие администраторы. Я понимаю: коммунист —

Коробейники на улицах Кракова

Фото Льва Елина

это прежде всего приверженец общественной собственности. Но, во-первых, не все теперь решают коммунисты. Во-вторых, и они, во всяком случае орфографически, признают необходимость приватизации. И тем не менее как коммунисты, так и многие власть имущие иного окраса, не в силах признать, что собственность не может быть одновременно и такой, и сякой. Она либо коллективная, то есть ничейная и, значит, по-прежнему бесхозная, либо частная и, значит, охраняемая и владельцем, и законом. Иначе все эти сомнительные акционерные новации с коллективными владельцами — простыми тружениками, к которым, похоже, сводят разгосударствление общенародной собственности наши домашние стратеги, — явно возвращают нас к испытанному предыдущему опыту колхозно-совхозного строительства, к коллективизации. На этот раз коллективизации промышленности.

Хотя и их ведь понять можно: выражают волю народа. А именно той его части, похоже подавляющей, которая, плотно приворожавшись и прилепившись к столь удобной для этого массового занятия нашей модели социализма, теперь, в преддверии рыночной экономики и возможной приватизации, как черт от ладана шарахается от самой идеи частной собственности. Ведь одно дело выступать декларативным «хозяином» всенародной собственности, которая позволяет как рядовому, так и в особенности руководителю (см. выводы комиссии ВС СССР по «дикой приватизации») дач со всей их заманчивой начинкой) тащить все что плохо лежит (а плохо лежит у нас все без исключения!), и совсем другое — собственным трудом и умом добывать и наращивать собственную собственность и приумножать ее на собственный страх и риск. Вот к этому-то наш новый, сумчатый человек, как

правило, ни в малейшей степени не подготовлен. Вот он и нервничает, и упирается, и, науськиваемый теми, чья львиная доля в национальном продукте по-прежнему гарантирована служебным положением, возвышает голос благородного протеста против «предательства интересов трудящихся». Характерный штрих: при наличии солидной доли безработных в стране на тех еще единичных биржах труда, что вот-вот появились у нас, никто дверей не выламывает в очередях за рабочими местами: там ведь предлагают действительно рабочие места.

Вот так выходит. Не только поляки или там другие экс-социалистические жители, но и наш условно-досрочноосвобожденный (есть такой термин в лексиконе ГУЛАГа — зек, расконвоированный за примерное поведение) народ, в общем-то, уже раскоммунизированный от тоталитарного образца данной общественной системы, и сам толком не знает, чего хочет, а потому и не ведает порой, что творит. Дождались уже не только стачечных комитетов, но и «Солидарности» своей (хоть бы название придумали пооригинальней — все с кого-то).

Но как же так вышло-то, уважаемые пролетарии всех стран, что поднимаетесь вы, в общем-то, против собственного детища, против собственных «завоеваний трудящихся»? То вы против капитала, то вы за капитал, то вы опять против капитала. Или опять нынешние уже марксы-энгельсы не туда завели? А может, пора и за свой ум взяться?

Ведь в той же Польше, как известно, те же рабочие советы, органы самоуправления, слившиеся вскорости в единый поток «Солидарности», — они ведь и расшатали прогнивший до упадка квазикоммунистический режим. Повергли, в эйфории отпраздновали даже и установленную дату

этого падения: да здравствует приватизация, да здравствует свободный рынок, вперед — к капитализму! А теперь с таким же запалом все те же «трудящиеся массы» тормозят ими же запущенную колесницу Джагер-наута, противятся коренным переменам, ни в какую не хотят власть на предприятиях отдавать кому бы то ни было, и особенно частнособственному пану Хозяину. Уже и зов «назад, к коммунизму!» вкрадывается в ряды рабочего движения.

Дело дошло до того, что приватизация из процесса прежде всего экономического переросла в политический. Того и гляди падет и режим, порожденный «Солидарностью» (по опросам, всего только 8 процентов будущих избирателей готовы проголосовать за ее депутатов на предстоящих парламентских выборах!).

Так чего же хотим, господа рабочие, уважаемые создатели всех материальных ценностей? При социализме сами не работали, капитализм не позволит плохо работать. Но ведь такого общества, где все только управляют да советуются, как лучше управлять, создать в ближайшем обозримом будущем вряд ли где удастся. А может, все-таки пролетариям всех стран прислушаться к амвоным словам ксендза Янковского, настоятеля костела Св. Бригиды в Гданьске, ставшего купелью «Солидарности»: «Квартиры будут тогда, когда молодые поляки научатся работать, когда они начнут расценивать труд как обязанность, а не как наказание». Или к реплике чехо-словацкой газеты по поводу потуг профашистской партии М.Сладека говорить «от имени народа»: «С каким удовольствием это слушают те, кто по-социалистически работает три часа в день и при этом хочет иметь «мерседес», ездить на Мальорку и вообще жить, как немецкие граждане, которых показывают по телевизору?»

Любопытно, как намерена эти казусы разрешать наша доморощенная «Солидарность» вкупе с ОФТ и к ним примкнувшими? Погубят нас, ей-ей, если не пресечем, эти псевдокоммунистические уравнилельно-распределительные инстинкты социалистической очереди, когда всем хочется (да и удается многим!) урвать свое из бесхозного котла, ничего туда не вкладывая. Ведь всех нас, в общем-то, превратили в браконьеров и родной природы, и этой, будь она не ладна, всенародной собственности. И не так ли же сподручно станет и теперь хватать и тащить в новых-то заводских акционерных колхозах? Основания для таких опасений налицо: по наблюдениям специалистов несущее воровство, расхищение теперь уже коллективной собственности с тем же переменным успехом, что и на государственных предприятиях, процветает и на тех из них, собственниками которых стали сами их «труженики». Еще бы! Теперь-то уж и вовсе

«все вокруг мое», ничейное, ну как тут не хватить чего-нибудь (для дома, для семьи)! А какие идеопартгосперспективы при этом открываются — дух захватывает! Опять какое-нибудь правление с каким-никаким директоришкой-председателем акционерного колхоза, однопартийным, конечно, тут гадать на кадровой гуще не приходится — только одна партия у нас до сих пор (до ельцинского указа) сохранила за собой привилегию расстановки кадров, и пока что никакая другая на этот стратегический штурвал не посягнула. Опять советы, комиссии, комы, группы да бюро. Можно и соревноваться на новых дровах раздуть — кто больше очков наберет, тот больше и акций огребет. В общем, что помешает нашим вернуться в вождяцкий интерьер застойного застоя! Даже и «чувство хозяина» — это шестое чувство члена советского общества — вздохнуть еще никак не поздно: теплится оно, теплится в могучих мускулах освобожденного пролетария, только подуть на угольки. Ну а там и акции эти несчастные сама собой придет пора обобществить в общий котел и уж из него распределить себе как бог на душу положит. Может, так и придем, не заметив, к коммунистической перспективе?

Не знаю, зачем не фиксируют на этом сомнительном предмете внимания наши спецы от экономики или социологии, меня же не покидает чувство настороженности: опять нас обводят вокруг мавзолея, опять нам подбрасывают вместо задуманного нечто. Некий эрзац, а в общем-то, фикцию, тех же щей да пожже влей. Дай-то бог, если эта акционерная отдушина задумана как некий этап с дальнейшим выходом на стремнину действительной приватизации и рынка. Если же это прием всерьез и надолго, а при декларированном плюрализме форм собственности государственная и коллективная вытеснят все остальные, я бы за него не голосовал и одной рукой.

Могут возразить: мол, и в систему развитой капиталистической экономики в последние времена успешно внедрены социалистические элементы, в том числе и формы коллективного владения акционерными предприятиями. Да, есть такой элемент. Но — они-то к этому пришли, пришли в условиях до ноевтей отработанной рыночной системы. Мы же собираемся с этого начинать, да еще в условиях все еще агонизирующей командно-бюрократической системы. Не забудем, что если на Западе вообще нет соответствующих министерств в области экономики, то у нас все эти акционерные промышленные колхозы будут ходить под их железной пятой...

Чем, собственно говоря, нас так заполошила эта закаятая с самого красного затмения частная собственность, без которой всякие рассуждения о свободном рынке — мятый пар, а вождящее вхождение в лоно цивили-

зованного существования — очередная социалистическая утопия? Ведь в конце концов и Маркс-Энгельс ее не отвергали в своих проектах государства рабочих и крестьян. А мы вот и сегодня все еще обсуждаем «вопросы дальнейшего расширения прав и самостоятельности трудовых коллективов», которые не сходили и с повестки застойного дня.

А откуда, вообще-то говоря, взялась у нас, а теперь расцвела махровым цветом эта самая «теневая экономика»? Да она и не взялась — всю эту почти 75-летнюю дорогу мы ведь так и жили в государстве с двойным дном, где под фанфарные сводки Госкомстата в сопровождении победных исторических постановлений ЦК о блистательных успехах госсектора происходило повседневно и тотальное перераспределение национального продукта уже на основе теневой (рыночной?) системы: «ты — мине, я — тебе».

Блат, взятки, коррупция, армия толкачей и кочующих снабженцев — выбивал и доставал, — приписки и очковитательство как основа основ «планового хозяйства», неистребимая торговая мафия, «рука в Москве», двойная бухгалтерия и сонмы лихоимцев-контролеров всех мастей как осуществление «социалистического контроля и учета», наконец, несуну, эти неутомимые труженики невидимого экономического фронта. У нас и само понятие-то «купить» давно себя изжило — «достать», я достал, мне достали. А своровал у нас — простенькое: «с работы принес».

Так чего же нам страшиться рынка да частной собственности: при ней, уж если подопрет, в конце концов хоть хозяину морду набить можно, а у нашего монстра-государства и морды-то нету, только еще мечтаем о социализме с человеческой...

Вот и разберись поди, народный или антинародный курс ведут правящие круги, в одном случае все еще прокоммунистические, в другом антикоммунистические: какому народу служить, каким настроениям и инстинктам и какой его части потакать — это сегодня тоже наука здорового популизма для больших и малых политиков.

А вообще-то за Бугом вполне создают не только внутреннюю, но и внешнюю ответственность за исход собственных реформ: если они закончатся крахом, то это неизбежно отзовется грозным эхом за восточным рубежом, ибо получают в руки тяжкий млат и воспрянут духом советские «консервы»: вот, мол, смотрите, к чему ведут эти эксперименты с рыночной экономикой! Вот и оглядываются польские паны на нас, строя свой мост через «долину слез» к обетованным берегам общепринятого цивилизованного существования. В духе традиционного польского девиза в общем: за вашу и нашу свободу!

ВАРШАВА—МОСКВА

Возвращение в дом, где разбивались сердца

Почти романтическая история человека, который, выполняя детскую клятву, мог бы стать жестоким мстителем, а стал мэром города, где жили его обидчики

Сорок один год назад Николай Сомлева просто не пустили в этот дом. В прошлом году его сюда внесли на руках.

Теперь дом принадлежит городскому совету, тогда принадлежал милиции. Народной милиции в то время отдавали лучшие здания, чтобы карающий меч революции мог развернуться.

Когда в 1950-м арестовали отца, Николая было четыре года. Два дня вместе с матерью они простояли под дверями этого дома, надеясь что-нибудь узнать о судьбе отца, поговорить с кем-то из милицеских начальников. Сомлев помнит, что было очень холодно и им ничего не сказали.

Ровно сорок лет спустя беспартийный инженер Николай Сомлев стал мэром города. Перед зданием городского совета собрались несколько тысяч человек, и они несли Сомлева на руках. Председатель временного исполкома городского народного совета был для них символом надежды. Новый мэр поклялся: больше ни одному ребенку не придется плакать, видя, как уводят в ночь его отца, без суда и следствия признанного врагом народа.

Сомлев-старший вернулся из концлагеря через несколько лет, покалеченный, без пары ребер. До конца своих дней он был под присмотром компетентных органов.

Пловдивский Монте-Кристо

В обществе, называвшем себя социалистическим, судьбу ребенка определяло его происхождение. В Болгарии это было даже узаконено. Дети борцов за коммунизм удостаивались всех возможных привилегий — от получения высшего образования до приобретения квартиры. Дети тех, кто представлял враждебные классы, шли по второму сорту.

Теперь в кресле главы города оказался глубоко обиженный человек? Мститель, получивший возжеленную возможность сквитаться с коммунистами?

— Я человек без политических амбиций, — сказал мне Николай Сомлев, — я технократ. Подбираю людей только по профессиональным качествам, а не по политическим. Если и позволяю себе какие-то изъятия из общего правила, то исключительно в пользу коммунистов.

Пример?

— Я назначил директором завода неплохого специалиста, члена БСП. (В Болгарии формально коммунистов уже почти нет. За исключением немногих ортодоксов, все остальные члены коммунистической партии приветствовали ее переименование в Болгарскую социалистическую партию.)

Ошибка в выборе?

— Директор стал жертвой своего партийного комитета. Его заставляли брать на работу оставшихся без места партийных функционеров, которые ничего в деле не смыслят. И уже сами рабочие потребовали от меня убрать директора. Выполнил решения партии — погубил свою карьеру. Тут уж он совсем сглупил. Чтобы настроить рабочих в свою пользу, деньги, полученные от города на жилищное строительство, раздал в виде премий.

Подсудное дело?

— Сказал ему: не вернешь деньги в три дня, пойдешь под суд. Но если сейчас подпишу приказ о его увольнении, комитет БСП взвост — расправа по политическим мотивам. Надеюсь, сам поймет, что надо подать в отставку...

Высокий, мощный, мой собеседник не похож на графа Монте-Кристо, который вернулся, чтобы отомстить обидчикам. Возможно, в детстве он шептал себе слова какой-то жестокой клятвы, но сейчас в его руках судьба второго в Болгарии города — Пловдива. И детские клятвы — не более чем повод для печальных размышлений, если у Сомлева есть для них время.

— Вряд ли вы сможете понять, что происходит в стране, — сказал он мне, — мы и сами всего не понимаем. Нельзя даже определить, кто у власти, а кто в оппозиции. Формально большинство мандатов на выборах в Народное собрание получила БСП. Но управлять страной коммунисты не могут, потому что не имеют никакого авторитета. Оппозиция набирает силу, но лишена реальной власти. Такая ситуация устраивает БСП, которая вину за все неудачи валит на оппозицию. Цены выросли? Жить стало труднее? Винаваты оппозиционные депутаты, которых вы выбрали... Оппозиция же не имеет возможности проявить себя.

Но городской совет Пловдива возглавляет не коммунист, а представитель оппозиции. Николай Сомлева выдвинул в совет Союз демократических сил (СДС) — блок различных партий.

— Я возглавляю совет, который народом не выбирался. В этом сложность моего положения. В прошлом году решили не проводить местные выборы, а сформировать органы самоуправления по партийным спискам — в точном соответствии с результатами выборов в Народное собрание. Таким образом, в Пловдиве, где большинство населения, как и в Софии, и в других больших городах, проголосовало за оппозицию, председателем исполкома стал представитель СДС. Но мой заместитель — член БСП, секретарь исполкома — член Болгарского земледельческого народного союза.

БЗНС до крушения живковского ре-

жима был единственной разрешенной партией, младшим партнером компартии.

— Идея казалась очень разумной, учитывающей соотношение сил в обществе, но не работающей. Невозможно даже самое малое решение согласовывать со всеми политическими силами. Три партии блокируют друг друга. Партийные интересы соблюдены, а экономические реформы идут медленно. Управлять городом БСП уже не в состоянии, но самым прекрасным образом может сорвать любое решение, которое не устраивает ее местный комитет.

В ожидании дембеля

Разве оппозиция так уж чиста, свободна от партийных предрассудков и готова поддержать любое разумное предложение, даже если оно исходит от коммунистов, то есть социалистов?

— Я принципиально беспартийный человек. Это освобождает меня от необходимости выполнять чьи-то решения. Должен вам сказать совершенно откровенно, что коалиция — СДС, — которая меня выдвинула, теперь требует лояльности. И, не видя ее, вероятно, пришла к выводу, что на следующих выборах следует поддержать другого кандидата.

Николай Сомлев, конечно, не признает, что его это задевает. Самолюбивые и властные мужчины тяжело переживают, когда их отвергают.

— Я как солдат, ждущий демобилизации. Каждый день приближает вожденный час. Я уйду с сознанием честно выполненного долга.

Чем должна заниматься городская власть в такое переходное время? Управлять всей жизнью города уже поздно. Удовлетвориться только ремонтом дорог и уборкой мусора — рано.

— У меня есть сверхзадача — дать возможность развиться людям деловым, предприимчивым, умелым и умным. В развитии общества и государства всегда взаимодействуют две тенденции. Первая: формирование либерального общества, что при минимальном контроле со стороны государства открывает неограниченные возможности для раскрепощения духа. Вторая: строительство социального государства, которое берет на себя заботу о каждом человеке.

Николаю Сомлеву симпатична первая концепция. Простое отвержение того, что было при коммунистах?

— Я вовсе не отрицаю концепции социального государства. Но сейчас время либерализма. 45 лет социальное государство, скопированное с советской модели, уничтожало в Болгарии личности, в том числе и

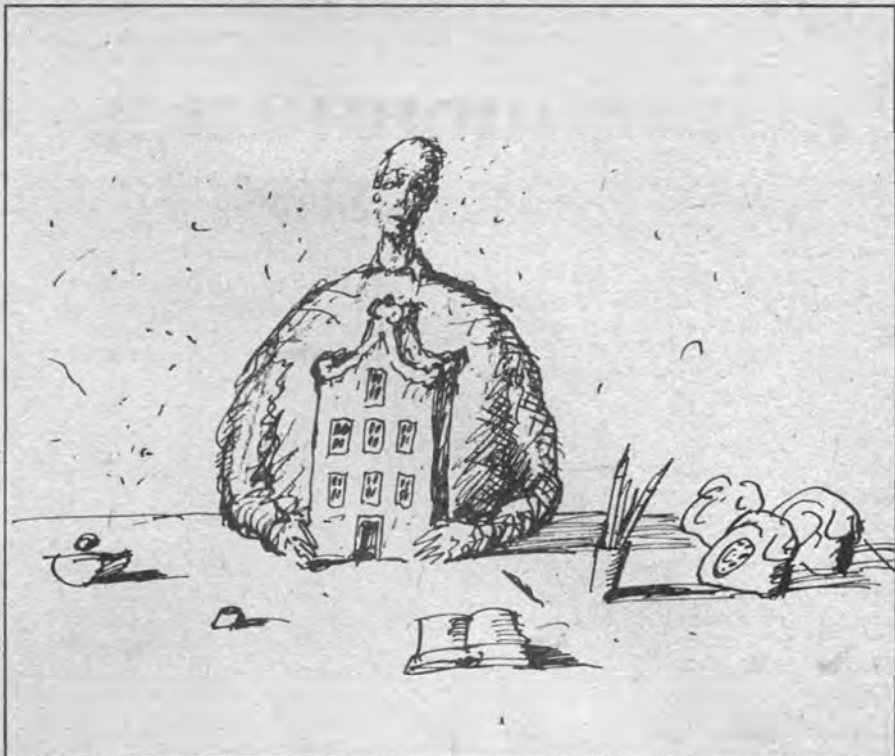

Рисунок Игоря Шеина

среди коммунистов. Это государство потерпело крах. Теперь надо дать дорогу политическому и экономическому либерализму, простор каждой личности.

«Я хочу, чтобы они обанкротились»

Так как же насчет умных и умелых? В состоянии ли он помочь им?

— Небольшие кафе, ларьки, киоски уже по большей части приватизированы, и их хозяева вкалывают целыми днями, чтобы пошло дело. Но в целом торговля по-прежнему монополизирована государственными структурами. Работают из рук вон плохо и, чтобы прикрыть собственную неумелость, постоянно вздувают цены. Интересы продавцов и городского торгового начальства полностью совпадают. Одни после работы тащат домой полные сумки, другие продолжают паразитировать на государственной торговле. Коммунисты оставили такое кадровое наследство, хоть плачь. Бывшие комсомольские или партийные функционеры ничего не смыслят в деле, но выдернуть их из руководящего кресла почти невозможно. Трагедия для города.

Но власть-то в городе у Николая Сомлева. Что мешает ей воспользоваться?

— Продавцам, директорам магазинов, всей торговой сети выгодно прежняя жизнь. Когда я стал говорить о том, что каждый магазин должен быть самостоятельным, иметь хозяина, мне пригрозили забастовкой. И как бы ни были

близки жителям Пловдива идеалы свободы, если город на два дня останется без хлеба и молока, меня в этом доме уже не будет.

Как намерен поступить хозяин города, который не имеет права хозяйничать?

— Я хочу, чтобы эти магазины обанкротились. Они вздули цены, никто у них ничего не покупает, товарооборота нет, денег, чтобы расчитаться с банком, им взять неоткуда, так что они обязательно обанкротятся. А измениться, приспособиться, быстро снизить цены, сманеврировать они не могут. Я их заставляю сдаться не административными, а экономическими путями.

Что же ждет банкротов? И город, в котором обанкротится вся система торговли?

— Тем, кто захочет вести собственное дело, дадим кредит. Тот, кто начнет крутиться, через два месяца встанет на ноги, и Пловдив выживет. Кто не сумеет — разорится. Способные люди прокормят наш город. Только надо дать им возможность выдвинуться.

Мэр сразу назвал себя технократом. Это эффективный подход, но все же односторонний. Городской голова должен шире смотреть на вещи. Город не машина.

— Не надо думать, что я признаю только прибыль и так далее. В нашем городе в тяжелом положении оказался театр. Способных актеров сокращают — нечем платить зарплату. Можно было дать ссуду театру, но я не верю, что в нынешнем состоянии он может легко преобразиться. Вместо этого я пригласил

шестерых актеров, молодых, подающих надежды, но оставшихся без места, предложил им кредит в 100 тысяч левов и помещение. Они создали малый театр «Пловдив». Я сказал им: ищите интересные пьесы, приглашайте талантливых режиссеров, боритесь за зрителя.

Так же по-деловому он выразил готовность помочь пловдивским художникам.

— Я договорился с нашим послом в Лондоне и организовал выставку в английской столице, она откроется 12 сентября. Я сказал художникам: «Отберите 100 картин. Если что-то купят, половина денег пойдет на благотворительность, 20 процентов — на покрытие расходов, которые несет городская казна, остальное — в кассу союза художников». Мое дело создать условия, дать шанс. Смогут — используют. Нет — пусть пеняют на себя.

Аристократическая семья

А на себя Николай Сомлев распространяет этот принцип? Или только поучает других?

— Пригласили меня в Великобританию. Мэры всегда приглашают друг друга — прекрасная возможность посмотреть мир и развлечься за казенный счет. Я взял с собой коллег, целую неделю мы вели тя-

желые переговоры, у нашего юриста на четвертый день кровь носом пошла от напряжения. Добились того, что Пловдив включили в программу «Общего рынка» по развитию городов и на нашу долю ассигновали полмиллиона экю — они любят пользоваться этой мистической европейской валютой. Полмиллиона долларов дает «Бэнк оф Америка» на подготовку биржевых брокеров.

Болгария ищет помощи там, где ее могут дать. Не на Востоке. Болгары становятся западниками?

— Я стремлюсь к деловому сотрудничеству. Не понимаю, почему разладились торговые отношения между нашими странами. Отчего в Пловдиве портятся овощи и колбасы, от которых почему-то отказывается ваша страна? Почему болгарские рубашки в Советском Союзе по более высокой цене перепродают греки? Я уже думаю о том, что, когда ваш закон о въезде-выезде вступит в силу, многие русские двинутся в Болгарию, где им будет легче обосноваться не только из-за близости языка, культур, но и потому, что их хорошо встретят. Я в том числе. У меня, знаете ли, есть генетические причины хорошо относиться к русским...

Я знал, что имеет в виду Николай Сомлев. Когда его прабабушке

было пять лет, ее взяли ко двору Александра II. Там, в Петербурге, воспитывалась болгарская аристократия. Да, по прежним временам неважные связи. Один дед — врач с женевским дипломом, другой — священник, все из богатых семей. И отец... Банковский служащий, который вдруг поступил в военное училище, стал кавалеристом, а потом одним из первых болгарских летчиков. В небе Софии истребитель Сомлева-старшего атаковал американские бомбардировщики, которые прилетали бомбить столицу Болгарии — союзника гитлеровской Германии. Офицерских погон и сомнительного происхождения было достаточно, чтобы попасть в дом, где разбивались не только сердца.

Оказавшийся через четыре десятилетия хозяином этого дома, Николай Сомлев, деловитый и умелый, не всемогущ. Прямо перед зданием городского совета устроили палаточный городок люди, которым негде жить. В одной из палаток я увидел маленького мальчика. Ему было столько же лет, сколько и Николаю Сомлеву в год, когда арестовали отца. Мальчик с надеждой смотрел на тот же самый дом.

Леонид Млечин
Пловдив

Кооперативный
производственно-
монтажный
центр

«СТРОЙРЕМОНТ»

Предлагает предприятиям,
частным лицам и иносфирмам,
строящим в Москве и
Московской области, широкий
выбор бетонных и железобетонных
изделий для промышленного
и жилищного строительства

СТРОЙ
РЕМОНТ

Только у нас:

плитка тротуарная, пескобетонная
(300х300х70 мм)
стеновой пескобетонный, щелевой блок
(200х200х400)
дорожные плиты 2П30-18-30
(3000х1750х170 мм)
фундаментные блоки ЦК100 (440х320х300
мм) вес 90 кг
ЦК200 (880х320х300 мм) вес 180 кг
ФБС24.4.6. (2400х400х600 мм)
ФБС24.5.6. (2400х500х600 мм)
ФБС24.6.6. (2400х600х600 мм)
и доборники к ним
фундаментные подушки
кольца колодцев 0,75х1,5 м
крышки колодцев 1,0х1,5 м
товарный бетон различных марок.

Центр ищет партнеров
для создания совместных
предприятий по выпуску
строительных материалов
и товаров народного
потребления на
имеющихся
производственных
площадях

Наш адрес:
109432, г. Москва,
ул. Южнопортовая, д.21, эт.4
КПМЦ «СТРОЙРЕМОНТ»
Тел. 353-60-83,
факс (095) 353-06-72

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

Отчаяние и нетерпение

Черные против черных. Вторая половина истории

Специальные корреспонденты «НВ» Александр ПУМПИАНСКИЙ и Николай РЕШЕТНЯК беседуют с белым священнослужителем, которого легче отлучить от церкви, чем от борьбы

«Новое время». Позвольте посвятить вас в наш замысел. Наша команда из двух человек пытается сделать моментальный снимок южноафриканской ситуации в этот переломный момент. Мы встречались с членами правительства ЮАР, с лидером «Инкаты» доктором Бутелези. Так что эти фрагменты истории более или менее ясны. Как выглядит картина с точки зрения человека, близкого АНК?

Бейерс Нодие. Все упирается в главный вопрос: будет ли успешным процесс переговоров между правительством и Африканским национальным конгрессом. Без АНК переговоры будут бесплодны. Правительство и конгресс — главные силы. Пока между ними имеются очень серьезные разногласия.

«НВ». Вы хотите сказать, что АНК — это голос всего черного населения ЮАР?

Б.Н. Нет, лично я не утверждаю, что это голос всех черных Южной Африки. Я лишь говорю, что АНК выражает интересы большинства черных. Но это вовсе не означает, что из процесса переговоров следует исключить «Инкату» или ПАК. Они должны будут принять участие во встречах на высшем уровне на какой-то стадии. Но, повторю, основным и решающим выразителем интересов всего черного населения является все же конгресс.

«НВ». Что, по вашему мнению, сулит успех переговорам: непреклонное давление на правительство со стороны АНК или тщательные, деликатные попытки найти взаимоприемлемое согласие?

Б.Н. И то и другое. На правительство следует оказывать давление. Я в числе тех, кто выступает за это. Мы активно добива-

лись применения санкций в отношении правительства Южной Африки. Без такого давления правительство не пришло бы к тому, к чему оно пришло сегодня. И учтите, в нашем случае альтернатива выглядела так: либо мирное давление, либо продолжение вооруженного конфликта.

Но это лишь одна сторона медали. В то же время мы должны вести переговоры с администрацией в Претории. Давление на каком-то этапе должно уступить место переговорам. Одним словом, обе стороны обязаны идти на уступки, выдвигать друг к другу справедливые и обоснованные требования.

«НВ». В этой связи на первый план выходит проблема доверия. Доверяет ли АНК правительству, относится ли к нему как к надежному партнеру в переговорах?

Б.Н. Я не имею права говорить от имени АНК. Как служитель церкви, я желаю одного — справедливости. Могу только сказать, что, по моему впечатлению, Нельсон Мандела доверяет Фредерику де Клерку. Президент конгресса доверяет и некоторым отдельным членам правительства, но не питает доверия к правительству в целом. К тому же существуют и другие силы, не подчиняющиеся администрации в Претории, например армия, полиция... У них, у этих мощных структур, свои проблемы, свои позиции по узловым проблемам Южной Африки.

Я лично верю, что президент ЮАР де Клерк — честный человек. Я уверен, что он хочет идти вперед. Но также считаю, что на него оказывают сильное давление консервативные и праворадикальные силы. Да и со своим электоратом ему также приходится считаться. Именно поэтому, в частности, он нуждается в давлении со стороны не только АНК, но церковных и иных организаций.

Приведу вам один пример. Как вам, наверное, известно, недавно были отменены два закона о земле. Это важнейшие законы апартеида, по которым черные просто не имели права владеть землей. Теперь у них такое право есть. Ну и что же? Огромное большинство черных в Южной Африке просто не может купить землю. У них для этого нет денег. Так что отмена законов апартеида — теоретический шаг вперед, но на практике следует сделать гораздо больше. И именно здесь, я считаю, церковные общины и политические организации левого толка должны оказать давление на правительство.

«НВ». Насилие среди черного населения подрывает, возможно, всякую надежду на мирное развитие, на мирные реформы. Каковы причины насилия?

Б.Н. В коротком ответе всегда таится опасность упрощения. Основную причину насилия следует искать в политике апартеида. Это старое наследие, которое создало

Бейерс Нодие — африканер, священнослужитель голландской реформаторской церкви. С начала 60-х годов — активный борец против апартеида. В отставку высшие чины голландской реформаторской церкви запретили ему вести богослужение. После того как 2 февраля 1990 года руководство основных конфессий Южной Африки осудило любые проявления апартеида, Б.Нодие этот «запрет на профессию» был отменен. По взглядам Бейерс Нодие близок к Африканскому национальному конгрессу.

Нельсон
Мандела —
героическая
судьба, ореол
несломленного
борца против
системы
расизма

Фредерик
де Клерк —
президент-
реформатор,
отменивший
апартеид
сверху

Найдут ли они
возможность
конструктивного
сотрудничества

Фото авторов

атмосферу насилия в нашей стране. Там начало. Новая причина — это конфликт между «Инкатой» и АНК. Зулусская группировка борется за создание базы власти для себя. Конгресс утверждает, что такая политика не пользуется поддержкой большинства населения. В результате создалась серьезная напряженность в провинции Натал и в Трансваале. Третий фактор — нищета, обездоленность черного населения ЮАР. Это уже не политический, а социально-экономический фактор. Условия, в которых масса людей приходится жить, порождают очень серьезные формы насилия... Еще одним их источником служит и ситуация со скваттерами — бездомными, которые в отчаянии захватывают жилища. Общество пренебрегает их нуждами, и это опасно.

«НВ». Когда мы разговаривали с представителями «Инкаты», они возлагали всю вину за кровопролитие на АНК. И вот их главный аргумент. На земле зулу «Инката» обладает бесспорным влиянием. Она не нуждается в применении насилия, чтобы доказать свою силу на своей территории. Насколько виноват конгресс?..

Б.Н. Я не обнаружил никаких следов участия АНК как организации в кровавых столкновениях. Хотя, разумеется, я не могу утверждать, что отдельные члены конгресса не участвовали в актах насилия. Все-таки, на мой взгляд, именно «Инката» несет основное бремя вины...

Зулусская группировка очень обеспокоена утратой своих позиций в Трансваале. Любой ценой «Инка-

та» стремится создать базу политической власти, она борется за влияние среди рабочих и не останавливается перед тем, чтобы оказывать прямое давление на народ.

«НВ». Вот две версии. Первая: сражаясь друг с другом за влияние и власть, лидеры соперничающих политических сил организуют акты насилия. Версия вторая: сами руководители, возможно, и не хотят использовать оружие, но они не контролируют положение. Какая ближе к действительности?

Б.Н. У меня недостаточно фактов, чтобы дать определенный ответ. Я могу только поделиться своими ощущениями. Ни от Нельсона Манделы, ни от Мангосуту Бутелези не исходит приказов или призывов к насилию в какой-либо форме. Но есть и другие силы... Некоторые люди в «Инкате» действуют при тайной поддержке полиции. Нельсон Мандела назвал это «третьей силой», на практике существует даже несколько таких сил. Люди из полиции заинтересованы в конфликте между черными, потому что тогда доктор Треурнихт из Консервативной партии Южной Африки сможет утверждать: «Посмотрите на этих черных. Они даже не могут вместе мирно ужиться. Как же они смогут управлять страной?» И они подстрекают к кровопролитию, сами оставаясь за кулисами.

«НВ». Каковы перспективы достижения соглашения между АНК и «Инкатой»? Другими словами, существует ли в ближайшем будущем реальная возможность того, что черное население объединится и бу-

дет действовать, так сказать, более цивилизованно?

Б.Н. Пока я не вижу такой возможности. Необходимо прежде всего, провести серьезную и открытую дискуссию между АНК и «Инкатой» с анализом взаимных обвинений. Пока любые доводы противной стороны просто отметаются с порога... Чтобы избежать этого, необходима независимая юридическая комиссия по расследованию, которая бы объективно рассмотрела все акты насилия и раскрыла бы его тайные пружины. Это нужно сделать как можно скорее, иначе, я боюсь, нас ждет новое кровопролитие между сторонниками АНК и «Инкаты».

«НВ». И это может подорвать...

Б.Н. ...весь политический процесс мирного урегулирования на Юге Африки. Я лично хотел бы сделать все, что в моих силах, чтобы не допустить этого.

Нужно свести вместе, сначала, может быть, неофициально, лидеров «Инкаты» и АНК. Они должны осознать, кому на руку вражда и кровавые междоусобицы. Впрочем, если договоренность о мире между руководителями «Инкаты» и АНК не будет принята простыми людьми, то все их усилия окажутся бесполезными...

«НВ». В долгосрочном плане это, по-видимому, проблема политической культуры. Но здесь есть и другая грань. Белое меньшинство, которое опасается власти черных, имеет основание спросить: а каковы гарантии того, что эти ужасы не перекинутся на них?

Б.Н. Я не думаю, что сегодня кто-то может предоставить подобные гарантии. Нам остается только работать вообще и думать о том, как устранить основные причины насилия. И крайне важно, чтобы в любом случае билль об индивидуальных правах составил основу нашей будущей конституции, которая будет обеспечивать права человека, права каждого гражданина Южной Африки — черного, белого, цветного. Это существенно. Кроме того, необходимо предоставить определенные культурные гарантии белой общине, впрочем, как и другим общинам. Политические гарантии меньшинству? На постоянной основе это, вероятно, немыслимо. Но в переходный период, как, например, это было в Зимбабве, это, конечно, необходимо предусмотреть.

«НВ». Как вы определяете этот переходный период? Что это — месяцы, годы, жизнь одного поколения?

Б.Н. Я не думаю, чтобы переговоры между правительством и АНК могли завершиться успешно в следующем году или еще через год. На это потребуется по крайней мере два-три года. Весь процесс будет более длительным, он займет не менее пяти лет.

«НВ». И только после этого начнется действительно переходный период...

Б.Н. Реформация — процесс более продолжительный, чем многие думали. Что произойдет тем временем с нашим народом, особенно с черной молодежью, испытывающей разочарование, гнев, рождение надежды, которые так быстро не сбываются? Это серьезная проблема.

«НВ». Не кажется ли вам, что порою АНК действует чересчур напористо, требуя слишком быстрых перемен? Всегда ли оправданны требования и методы конгресса?

Б.Н. Должен вам сказать, что я какое-то время тоже так думал, но потом попытка понять настроение и ход мысли молодых черных в Южной Африке. И пришел как раз к противоположному выводу. Они ведь серьезно критикуют и осуждают АНК не за то, что он действует слишком быстро, а за то, что конгресс действует слишком медленно, слишком часто идет на уступки белым. Многие из них говорят: «Наш лидер становится мягкотелым». Сердцами и умами значительного большинства молодых, более радикальных чернокожих владеют иные устремления. Я думаю, это серьезная дилемма для Нельсона Манделы. С одной стороны, он хочет добиться успеха на переговорах. С другой — на него давит нетерпение масс. Требования АНК правительству называют ультиматумом, говорят, что они необоснованные и слишком жесткие. Но, я думаю, они отражают чаяния многих миллионов черных в Южной Африке.

Аргумент — граната

Под знаком погромов и убийств средневековый ислам рвется к власти в республике

Аббаси Мадани

Кровопротитные события, сотрясавшие Алжир в течение мая и июня, стали историей. 8 июля танки и войска покинули улицы столицы. Итог беспорядков, организованных членами Исламского фронта спасения, достаточно печален: погибли около 50 человек. Однако нынешнее затишье не дает жителям республики уверенности в спокойствии завтрашнего дня. Уже 12 июля в столице исламские фундаменталисты вновь попытались организовать беспорядки, врывались в государственные учреждения, забрасывали камнями полицию, строили баррикады. 12 человек было ранено.

Этот нарыв зрел давно. Еще в ноябре 1986 года президент Шадли Бенджедид обеспокоенно говорил: «Мы не можем оставить мечеть на милость определенных элементов, использующих ее в своих деструктивных целях». По-настоящему гром грянул в октябре 1988 года, когда без участия исламских фундаменталистов массовые беспорядки в стране приняли размах гражданской войны. Последующая демократизация политической жизни в стране была использована фанатиками для антигосударственной деятельности. После принятия в феврале 1989 года новой конституции, разрешившей многопартийность, исламские круги создали свою политическую партию Исламский фронт спасения (ИФС), которая к концу года насчитывала, по словам ее лидеров, около трех миллионов сторонников и контролировала чуть ли не десять тысяч мечетей. Количество быстро переросло в качество. Летом прошлого года ИФС под лозунгом «Кто голосует против нас, тот голосует против Аллаха» победил на выборах в местные органы власти, оставив позади правящую в Алжире партию Фронт национального освобождения (ФНО).

Неожиданный успех утвердил лидеров ИФС во мнении, что они выполнят великую миссию. После этого руководитель фронта Аббаси Мадани уже не скрывал, что его цель — захватить власть в стране и создать исламскую республику.

Джинн исламского фундаментализма был выпущен из бутылки, когда руководство Алжира сознательно пошло на укрепление роли религии в жизни народа. Благородная на первый взгляд цель — дать

возможность населению, исповедующему в массе своей ислам, осуществлять свое право на свободу совести — обернулась на деле тем, что мечети быстро превратились в средоточие сил, враждебных режиму. В Алжире стало все больше ощущаться влияние зарубежных исламских центров — иранских и саудовских, проталкивавших идею установления исламской республики. При такой поддержке извне, в том числе и финансовой, местные фундаменталисты всё больше смелели.

Думаю, именно нетерпение и переоценка собственных сил подтолкнули ИФС на попытку переворота. Иначе трудно объяснить, почему в прошлом году исламисты участвовали в выборах и законно победили, а в этом году накануне новых выборов, которые были назначены на 27 июня, отказались от честного соперничества и ударились в авантюру.

И вот в чем парадокс: там, где члены ИФС находятся у власти в местных органах самоуправления, положение населения ничуть не улучшилось, зато шариатские запреты стало хоть отбавлять. Тем не менее, когда ИФС предпринял попытку захвата власти, его поддержали десятки тысяч людей, особенно молодежь.

В то же время на фоне роста влияния исламистов «застенчиво», как говорят в Алжире, выглядит прогрессивная демократическая оппозиция. У нее плохо складываются отношения с ФНО, и пока рано говорить о создании коалиции этих двух сил, способных противостоять ИФС. В разгар июньских событий столичная газета «Аль-Маса» заметила не без сарказма: «ИФС захватил улицы, а демократические партии наблюдали за этим из окон».

Лидер фронта Аббаси Мадани и его подручные арестованы. Однако новый руководитель Мохаммед Саид угрожает: «В руках у нас граната с выдернутой чекой, которая готова вырваться из рук».

Можно с большой степенью вероятности предположить, что, перейдя на время в оборону, фундаменталисты не откажутся от попыток взять реванш. И нет никакой гарантии, что бывшая страна социалистической ориентации не превратится в заповедник средневекового ислама.

Сергей Филатов

Плен в своем отечестве

Лев Разгон

Никогда не забуду шока, испытанного мною, когда я в страшно известном доме на Лубянской площади знакомился с делами всей своей семьи. Потрясение было вызвано не тем, что я узнал. Я это знал уже и раньше. Я рассматривал дела шестерых людей, из которых трое были расстреляны, а остальные попали в мясорубку, которая вошла во все словари мира под названием ГУЛАГ. Погибли не все, остался в живых я, и мне судьбой приуготовлена обязанность рассказать то, что я знаю.

А что я знаю? Отчаяние охватило меня на Лубянке от сознания, что когда — как будет, наверное, сказано, «уступая требованиям общественности», — будут открыты пресловутые «Архивы КГБ», то там ни родные погибших, ни исследователи не найдут ничего, кроме нескольких бумажек: арестован, признан в преступлении, приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение. Или же «Особым совещанием», или «тройкой», не судом (суд знал только один приговор — расстрел) приговорен за установленные преступления к 8 или 10 годам «исправительно-трудового лагеря». И — все. Но ведь история жизни и смерти любого из не известного до сих пор количества жертв «незаконных репрессий» (как деликатно именуют везде массовые убийства) не укладывается в десяток, а то и меньше бумажек, вложенных в тоненькую папку, — такие, какие я рассматривал в доме № 2 по Лубянской площади.

Зимой 1950 года я коротал свои арестантские дни в Георгиевской пересыльной тюрьме, ожидая, когда меня этапом отправят куда-нибудь в северные лагеря отбывать свой недавно полученный новый десятилетний срок. Камера была большая, народ в ней был хороший — уголовных содержали отдельно, — и я с неиссякающим интересом присматривался и прислушивался к своим сокамерникам. Каждый из них был интересен, о каждом можно рассказать много значительного. Но навсегда мне запомнился старик-водопроводчик, с которым я очутился рядом на нарах.

Собственно, стариком он не был — просто весьма пожилой, спокойный и рассудительный человек.

— Каждого из вас мне жалко, — как-то сказал он мне. — Все вы пропадаете ни за что. Я-то хоть за дело сюда попал, мне жаловаться не на кого.

Это уже было совсем интересно. Такие признания можно было встретить очень редко.

— Так за что же вы сидите? — спросил я, нарушив тюремную этику: не спрашивать о деле.

— Совершил я, по-ихнему, преступление и попался по глупости как куренок!

И я выслушал историю моего сокамерника. Был он водопроводным мастером в Ессентуках. И не просто мастером, а отвечал за большой участок водопроводной сети курортного города. Конечно, работать было трудно, потому что беспотолковщина, никаких материалов не давали, начальство плевать хотело на все, и он, не выдержав такого бардака, в сердцах взял и написал несколько открыток в Москву в самые что ни на есть «главные места»: и в ЦК, и в «Правду», и в Совет Министров. Все написал как есть. Конечно, не подписался — чего самому голову под топор подставлять?... Ответа не полу-

чил и начал писать снова. И уже не только о водопроводных и всяких коммунальных делах, а обо всем, что творилось на его глазах: и о разорении людей, и о паразитах-начальниках, и о том, что все берут за все взятки и ничего не делают.

— И вошел, понимаешь, как-то во вкус этого дела. Покупая несколько десятков открыток и почти каждый день пишу. И уже обо всем пишу, не о Ессентуках только, а о разбое, что идет по всей стране. И про коллективизацию напомнил, и про тридцать седьмой год, и как от немцев бегали, и кто из начальства передался им... Про все писал, не мог без этого, ну как болезнь какая. Конечно, не дурак был, чтобы из своего города посылать. Ездил по делам по всем минераловодским городам, оттуда посылал, и из Ставрополя, и когда ездил родственников навещать в Тульскую губернию — и оттуда посылал.

— А в семье не догадывались про это?

— А какая у меня такая семья. Одна старуха жена. Так она знала, она и покупала на почте открытки, да сама, бывало, отправляла, когда своих ездила навещать.

— А как погорели?

— По-глупому. Было у меня правило: ни одной написанной открытки дома не держать. А тут одну не дописал и положил в книгу, какую читал. Поставил ее на полку — а книг у меня были сотни, был я большой книжник. Ну вот — однажды ночью приходят. Предъявляют ордер: обыск с целью обнаружения оружия. Ну какое у меня может быть оружие? А они перетряхивают каждую книжку. И нашли — недописанную... А когда меня привезли в Ставрополь, то в тамошнем энкавде показали мне все мои открытки, из всех городов, и к каждой одна, а то и несколько бумажек: когда, кем получена, высылается по всесоюзному розыску — вот как меня искали! И на стене показали мне — висит карта. И там от каждого города, где была брошена открытка, тянется ниточка к Ставрополю да к Кавказским Минеральным Водам. Как ни старался, а по моим открыткам догадаться они, что пишет кто-то, кто имеет дело с водопроводным делом где-то в минераловодских курортах. И начали обыски у всех, имеющих дело с водопроводом в Кисловодске, Ессентуках, Пятигорске, Железноводске, Минеральных Водах... Прямо как огромную сеть в море закинули. Ну и попалась им эта рыбешка...

Я был совершенно потрясен, слушая этот рассказ, столь мне уже знакомый по знаменитой книге.

— А среди ваших книг не было такого немецкого романа «Каждый умирает в одиночку»?

— Это какого же писателя?

— Ханс Фаллада.

— Нет, такой книги не было. Не читал, не слышал про такого.

Но водопроводчик мне рассказал — и почти во всех деталях — известный роман знаменитого немецкого писателя! Я думал, не об удивительном совпадении, а о другом: то, что для писателя стало сюже-

Продолжение статьи, опубликованной в журнале «ВКП» (6)

использованы в книге «Судьбы» — воспоминания о жизни и творчестве писателя, изданные в 1988 году, в издательстве «Литературный мир»

гнать. Запрещается производство посторонних надписей.

том целой большой и значительной книги, здесь превратится в несколько бумажек в тонкой папке: арест, пара протоколов, обвинительное заключение, приговор суда. Таковую папочку получают те, кто впоследствии займется реабилитацией умершего в каком-нибудь лагере моего соседа по нарам. А то, что составило дух и плоть романа Ханса Фаллады, — все исчезнет. Останется где-то в других пока недоступных никому архивах или же просто уничтожат за ненадобностью. Так есть ли у нас шансы когда-нибудь узнать всю истину? Не по рассказам «очевидцев», не по собственному опыту, а по документам. Они тоже могут врать — эти документы, — но все же из них можно выловить ту самую ниточку, потянув за которую можно вытянуть главное.

«Архивы уничтожены!» — мрачно говорят те, кто не верит в возможность когда-нибудь установить всю правду. Наверное, уничтожали или чистили, препарировали, изымали наиболее злобещекомпрометирующие материалы. Это делали и тогда, когда практически все архивы были накрепко закрыты; так делают и сейчас, когда намечается некая либерализация архивного дела. Но есть, как мне кажется, одна особенность у документов. Если из знаменитого романа М. Булгакова пошло утверждение: «Рукописи не горят», то в еще большей степени это можно отнести к документам. Помню, как в мои студенческие годы, изучая историю Великой французской революции, я был потрясен, узнав, что знаменитый радикальный историк Французской революции Альбер Матьез обнаружил в архивах документы, изобличающие героя революции Дантона в том, что он брал деньги у короля... Значит, и такое может вылезти!

По старой российской традиции (намного увеличенной в нашем тоталитарном государстве) любое действие начальства сопровождается какой-нибудь бумагой. Больше того — за жизнью каждого человека от рождения и до смерти идет шлейф десятков, сотен бумаг самого разного свойства. И все они рассредоточены в разных архивах по множеству не всегда нам понятных признаков.

Национальность деда Ленина по материнской линии всегда была загадкой для историков. Кто был по национальности окончивший Медико-хирургическую академию в Петербурге Александр Бланк? Следов об этом не сохранилось ни в одном историческом архиве. Очевидно, были предприняты все меры, чтобы скрыть то, что могло опорочить Ленина не только в глазах обывательских и необывательских антисемитов, но и больших верхов. Но неугомонная писательница Мариэтта Шагинян, тыкаясь по

Архивы
уничтожены?...
Нет, сколько
бы ни уничтожались,
как бы ни
фальсифициро-
вались
документы,
все равно что-то
остается...

архивам и ничего не находя, решила заглянуть в забытый, никому не нужный, но сохраняющийся архив Петербургской консистории. И там обнаружила в соответственной книге запись о крещении иудея Израиля Бланка, получившего при крещении имя Александр...

Как тщательно уничтожалось все связанное с катынским преступлением: расстрелом энкаведэшниками 15 тысяч польских офицеров. Даже тогда, когда не оставалось сомнений в истинных виновниках этого преступления, невозможно было обнаружить никаких документов, подтверждающих это. «Ниточка» нашла

лась в ведомостях о продовольствии конвойных войск, сопровождающих эшелоны с пленными поляками к местам их убийств. Вся практика исторической науки убеждает: сколько бы ни уничтожались, как бы ни фальсифицировались документы, все равно что-то остается. В свое время Салтыков-Щедрин заметил, что «русская литература возникла по недосмотру начальства». Думаю, что это можно сказать и о той исторической правде, которая с таким трудом пробирается наверх.

Наверное, не скоро исследователи получат доступ в «святая святых» злобещих архивов: туда, где сохраняются доносы стукачей, подлинные протоколы допросов, очных ставок, поддельные и настоящие письма родных, словом, вся бумажная обильная продукция десятков тысяч людей, занимавшихся истреблением других людей, организацией массового террора.

Конечно, сейчас, хоть и неполностью, результаты этой деятельности раскрыты. КГБ и до сих пор не открывает точную и достоверную цифру убитых, но уже возможно получить разрешение, какое получил в свое время я: взять в руки тоненькую папку с несколькими бумажками и узнать точно день расстрела близкого человека. И уже несколько месяцев из номера в номер газета «Вечерняя Москва» публикует фотографии и короткие справки о людях, расстрелянных где-то в подвалах зданий, расположенных в проклятом квартале и тайно захороненных на одном-двух московских кладбищах. И все эти убийства относятся не к «пику» 1937–1938 годов. Это люди, убитые в самом начале тридцатых годов и ничего общего не имеющие с теми слоями партийного и советского руководства, которые уничтожались начиная с сигнала, данного 1 декабря 1934 года. Это самые простые беспартийные люди, работавшие кладовщиками, бухгалтерами, младшими научными сотрудниками, еще кем-то... Поразительно, что между их арестом и расстрелом проходит очень корот-

Прошу об"явить в/к. ЛАСКАР-
ЖЕВСКОМУ Николаю Иосифовичу, что
пало на катынском кладбище

Выписка

Вешания при
от 23

ушали:

Рассчитали,
что заключенный
сможет работать
три месяца
и этим
хоть несколько
оплатить
расходы
на свое
уничтожение

такого пластичного и выносливого биологического существа, как человек. Могу смело утверждать, что ни одно крупное млекопитающее — ни коровы, ни свиньи, ни козы, ни какие-либо другие — не могло выдержать такие условия жизни, в каких месяцами, а то и годами жили и даже выжидали люди... Мне рассказывали, и это очень похоже на правду, что головастые вурдалаки — плановики в ГУЛАГе — рассчитали, что каждый заключенный в лагере сможет работать три месяца и этим хоть несколько оплатить расходы на процедуры, связанные с его уничтожением. Ну а после трех месяцев

его сменяют другие. Ибо в эти наиболее убойные годы этапы шли один за другим, и главной заботой начальства было — как принять заключенных. Конечно, несложно было открыть новый лагерь: привозили в тайгу, окружали кусок леса колючей проволокой, ставили вышки — и начинай... Но это все же требовало расходов: строительство бараков, столовой, вольнонаемного поселка и пр., и пр.

Проще было пропускать людей через уже обустроенный и действующий лагерь. И для размещения все новых и новых этапов необязательно было даже строить новые бараки. Первую зиму на Первом лагунке Устьвымлага я прожил в палатке. Огромная, длинная палатка из обыкновенного брезента, в ней двухэтажные сплошные нары, даже не из досок, а кругляка — тонких бревен, посередине палатки печь, сделанная из обыкновенной железной бочки из-под бензина. Печь раскалена до красноты, наодиться около нее невозможно, но зато в углах палатки — нетающие сугробы снега. И, конечно, никаких постельных принадлежностей. Так тесно, что все спят на боку, прижавшись друг к другу, и позориваться можно только всем вместе — по команде... И хотя нары из кругляка не самое удобное ложе, а подушку заменил обрубок бревна, мы засыпали мгновенно. Ах, какое это блаженство — проваливающийся в ничто арестантский сон! И какое это ужасное пробуждение, когда тебя разбудит удар молотком по рельсу у входа и надо первым делом оттирать от нары и брезента примерзшие за ночь волосы... Я уже писал в своей книге, что из нашего московского этапа в 517 человек, прибывших осенью тридцать восьмого года, к весне тридцать девятого осталось всего 22 человека. А остальные вместе с сотнями других закопаны на лагерном кладбище, которое сейчас, наверное, и обнаружить невозможно под зарослями поднявшегося молодого леса и кустарников. Умерших сменяли другие. Всякая статистика о количестве заключенных на такое-то число неточна, неверна. Ибо она не отражает сменяемость «контин-

кое время — иногда равное нескольким неделям. Вероятно, никто из их близких не понимал, почему их схватили и убили. Мы теперь знаем.

Вот в «Вечерней Москве» идут «Расстрельные списки» людей самых разных профессий. Но все они в большой или малой степени работали в системе, связанной с продовольствием, сельским хозяйством. Тридцатый год — организованный голод на Украине, неорганизованный голод, доходивший до Москвы. И мы вспоминаем гневную речь Сталина о необходимости «беспощадной борьбы с организаторами голода». Вот они — эти убитые бухгалтеры, агрономы, конторщики — и должны были доказать на-

роду, что виновники голода пойманы, изобличены и понесли заслуженное наказание. Вспоминаю в маленькие тусклые фотографии людей, на лицах которых уже лежит отпечаток близкой гибели... И в даты расстрела. Их убивали партиями — по 15–20 человек за один прием и этими же партиями ночью отправляли на кладбище, где в каком-нибудь дальнем углу уже была вырыта большая готовая принять трупы яма. И на кладбище кто-то — вполне доверенное лицо — принимал эти трупы и расписывался в их принятии. Вот и сохранилась та ниточка, которая затем протянулась в архив Управления КГБ по Москве, раскрывшего дела этих убитых. Это уже в последующие годы, когда убивали в Москве каждый день не десятки, а много сотен людей, хоронили трупы не на кладбищах, а где-нибудь в Подмосковье, в выбранном подтайном месте, окруженном забором, и занимались этим не простые — хоть и давшие подписку — работники коммунального хозяйства, а кадровые палачи различных рангов и специальностей.

Но как бы ни были страшны по своему количеству «сиюминутные» убийства — выстрелом в затылок, все же основное количество тех «невернувшихся» — это погибшие в лагерях, в огромном количестве больших и малых островов «Архипелага ГУЛАГ». Острова эти были разные по своему устройству и назначению, они были разными, изменяясь и во времени.

Я попал в первый лагерь моей гулаговской жизни осенью 1938 года. Устьвымлаг был лесозаготовительным лагерем обычного режима и носил все черты лагерей 37–39-х годов. И хотя они и выполняли обязанность давать лес, но это была все же «гильотина на хозрасчете» — это были лагеря уничтожения. Те, кто не стали «придурками» — то есть находились на работе, требующей полной затраты физических сил, — все те, кто работали только лесорубами, были обречены на уничтожение. На медленную или же быструю смерть от истощения и жизни в условиях, невыносимых даже для

НАЧАЛЬНИК СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ КАСОВ
/ВАСИЛЬЕВ/

рассмотрено, но за отсутствием оснований к отмене решения по делу, его жалоба оставлена без удовлетворения.

1939/01/10
101/0114

гента», быструю замену погибших новыми из непрерывно поступающих этапов.

Свой знаменитый труд Александр Исаевич Солженицын определил как «Опыт художественного исследования». Очень точное, делающее честь скромности писателя название. Оно и не могло быть другим, ибо основывалось только на рассказах, иногда не прямых, а пересказанных, и на своем личном, к счастью для автора, не очень богатом лагерном опыте. Я верю, что когда-нибудь будет предпринято не художническое, а научное, основанное на документах исследование того явления, которого не знала всемирная история. Уже сейчас просачиваются кой-какие подлинные документы. Объясняется это не либерализмом нынешнего КГБ, а тем, что лагеря находились не в ведении непосредственно НКВД, а ГУЛАГа, который был, собственно, почти самостоятельным ведомством. А потом, когда произошло разделение между Министерством государственной безопасности и Министерством внутренних дел, то лагеря очутились хотя и в родном по душе и назначению ведомстве, но все же другом. И лагерные дела попадали не в сейфы госбезопасности, а в обыкновенные шкафы Министерства внутренних дел. А там и возможность заглянуть более реальная.

Но что можно узнать из этих дел? Свидетельства жизни и смерти людей в лагере? Но и они содержат такое же вранье, как и вся наша отчетность. Липовые планы и липовые отчеты об их обязательном выполнении и даже перевыполнении. Ходила в свои годы поговорка: «Без туфты и аммонала — не построили бы Беломорканала». Туфта, то есть приписка невыполненных работ, была основой всей жизни лагеря. Без отчетного вранья невозможно было бы хоть что-нибудь делать в лагере, невозможно было удержаться на месте. Впрочем, что об этом говорить! Теперь-то мы знаем, что «процветание» в годы владычества Сталина и его наследников было непроходимым враньем. Огромные, построенные каторжным трудом заводы не работали, импортное оборудование не давало и десятой части продукции, которую оно должно было давать. И вся официальная статистика была лживой от начала до конца — начиная с отчета о производстве зубных щеток и кончая результатами общегосударственной переписи населения. И взятое из воровско-лагерного лексикона слово «туфта» стало общелитературным словом и начало нормально употребляться в газетах, журналах и книгах.

Но, может быть, в этих архивах содержатся сведения о том, как погибали люди в лагере? Такие сведения были, но и они

были беспрельдно живы и безнравственны. У нас на Первом лагпункте зимой 1938/39 года ежедневно умирало 20—30 человек. Естественно, что маленькая больничка, рассчитанная на десятков-полтора коек, не могла пропустить такое количество больных и умирающих. Поэтому один большой барак с двухэтажными сплошными нарами был объявлен «больницей». Туда клали — иногда прямо с вахты, после прихода из десосеки — больных, вернее, умирающих. Иногда они умирали в тот же день, иногда лежали в этой «больнице» день или два. Редкие-редкие люди выживали в этой «больнице»,

чтобы из нее перейти в команду «слабосильных» и там набираться силенок, дабы снова отправиться в лес. Конечно, этих умирающих никто не лечил, даже не осматривал, ибо ставить диагноз не было никакой надобности, а лечить их было нечем. И каждое утро в санитарной и плановой части отмечалось, сколько за прошедшие сутки из списочного состава «убыло по «литеру В» — так в отчетности шифровалась смерть заключенного. Да еще в учетной части ставилась против фамилии, чей труп уже увезли на лагерное кладбище, соответствующая отметка. Вот за этим следили строго! Списочный состав должен был быть «в ажуре», ни один из заключенных не мог затеряться в этой огромной многомиллионной империи.

Летом тридцать девятого года лагерный врач, заключенный Александр Кузьмич Зотов, вызвал к себе в больничку десятков людей. Все они были или на общих работах, или же числились в «слабкоманде», у всех в формуляре в графе «образование» значилось — «высшее». Вместе с Зотовым в санчасти находились и сам ее начальник — фельдшер со знаками младшего лейтенанта государственной безопасности. А на столе лежала огромная стопа многостраничных незаполненных дел. Младший лейтенант объяснил вызванным арестантам предстоящую им работу государственного значения. Бланки эти были присланные из Санитарного отдела лагеря «истории болезни». Их предстояло заполнить на все те сотни людей, которые уже гнили в безымянных могилах. Лейтенант закончил свою лаконичную государственного значения речь и ушел. А Александр Кузьмич объяснил все проще. Вот лежат списки умерших. О них известны только имя, отчество, фамилия, год и место рождения, образование, статья, срок, начало срока и оборванный, так и не выполненный конец срока — смерть.

На каждого предстоит заполнить многостраничную «историю болезни». Тщательно описать в надлежащем разделе: чем больной болел в детстве, в

П р а в а я
Р А Б О Т А
3. Средний
4. Выходный

ТАЛОН КОМ
ПЛЕТОВ ПО А

Талон о

от .

Дежурному кс

Примите арс

Александр
Кузьмич
Зотов

до числится 3:

более зрелые годы; когда он пришел в больницу с жалобами; на что жаловался, какие симптомы у него были обнаружены, какая у него была кожа, язык; какой был поставлен первичный диагноз с направлением на «госпитализацию». А там на протяжении одной-двух, а то и нескольких недель описать, как он лежал в больнице, как его каждый день осматривали врачи, какие лекарства прописывали и давали. Как, невзирая на все эти хлопоты и заботы, больной ото дня к дню становился все слабее и, наконец, несмотря на все принятые меры, следовал «летальный исход». Как правило, «патологоанатомическое исследование» подтверждало начальный диагноз.

Должен покаяться: и я участвовал в этой подлоде, в этой безнравственной фальсификации. Я уже провел большую часть зимы на общих работах, умирал от цинги, меня спас от гибели этот самый врач Зотов, я отказался от спасительной работы в санчасти, успел снова побыть на общих работах, уже чувствовал, что опять начинаю «доходить». А тут представляется возможность две-три недели «покантоваться», сидеть в зоне, быть на больничном питании... Никого никогда не предавал, даже если ценой была собственная жизнь. Пишу об этом смело, потому что в моей дальнейшей лагерной жизни был такой трагический эпизод.

Но тогда мне и моим товарищам по набранной команде «врачей-писателей» казалось, что в нашем поступке нет ничего безнравственного, был обычный «кант»: возможность обмануть начальство и уклониться от святой обязанности заключенного «давать стране кубики». Намного позже ко мне пришло сознание, что я предавал. Не живых, а мертвых. Предавал, помогая нашим врагам, нашим убийцам. С тех пор прошло почти 55 лет, но мне становится нехорошо и стыдно, когда я вспоминаю недели моего лагерного «канта» летом тридцать девятого года. А вспоминаю я об этом всегда, потому что никогда ничего не забывал из моего лагерного прошлого.

Итак, Управление лагеря получило точное и документальное доказательство того, что заключенный не просто сдох на непосильной работе, а, заболев, пользовался всеми благами современной медицины, и было сделано все, чтобы сохранить ему жизнь. Одно делает честь Александру Кузьмичу Зотову. В том образце «больничной карты», которую он нам дал, он не выдумывал нейтральную причину смерти: язву желудка, сердечный приступ и пр., а указывал точно — «алиментарная дистрофия». Что в переводе с медицинской латыни означает: от голодного истощения. Это, да и дата смерти были единственной правдой в этом лжи-

В белые ночи
был виден
каждый стукач.
осторожно идущий
в «хитрый домик»
к своему шефу
из «Оперативно-
чекистского
отдела»

вом документе, который из лагеря ушел в Москву и осел на пыльных полках архива ГУЛАГа НКВД.

Так можно ли надеяться, что в этом огромном архиве, к которому еще не прикасалась рука исследователя, может быть обнаружена правда о том, как жили и умирали люди в лагерях? Можно. Ибо в этом архиве находятся документы, в которых содержится правда. И исходили эти документы от учреждения, которого в лагере боялись больше всего. Это донесения «3-го отдела». Так коротко-невнятно назывался в Управлении «Оперативно-чекистский отдел». Само название

определяет его место в «Архипелаге». Это был отдел, который следил за заключенными, вербовал среди них стукачей, заводил дела «за контрреволюцию» на людей, именно за это и сидящих в лагере. Представитель этого отдела — «оперуполномоченный», имевший лагерную кличку «кум», имелся на каждом лагерном пункте. И обязательно, наравне с карцером, было в самой зоне сооружение, которое имело почти официальное название «хитрый домик». Действительно, небольшой отдельный домик с одной-двумя комнатами, где работал «кум», маленькой клетушкой для дневального — особо доверенного арестанта, находящегося там круглосуточно, и обязательно двумя дверями. Чтобы доносчики-стукачи, входя в одну дверь, выходили из другой и не могли встретиться с другим стукачом или же заключенным, вызванным «кумом» для допроса. Впрочем, все эти ухищрения были архитектурными излишествами, потому что в белые ночи был виден каждый стукач, осторожно идущий к своему шефу. Впрочем, им не помогала и непроглядная северная ночь, все они становились известны, и предусмотрительное начальство старалось их посылать на такие работы, где на них не могла свалиться срезанная опытным лесорубом сосна...

Так вот: это страшное учреждение «НКВД в НКВД» должно было следить не только за заключенными, но и за вольным начальством. Оно обязано было доносить в Москву или более близкому начальству всю действительную правду о том, что делается в лагере. Это, конечно, кроме изложения тех липовых дел, которые они сочиняли для устрашения и подтверждения того, что они не даром едят свой неординарный паек.

Несколько таких документов я хочу прокомментировать. Они из разных лагерей, разного времени, но все дают возможность узнать о лагерях из почти самого точного источника...

(Продолжение в следующем номере)

Управление НКВД по Ростовской области
Тюрьма УГБ
ЗДЕСЬ

Особые примечания

1. Рост *Сред*
2. Телосложение *Н*
3. Цвет волос *Р*
4. Цвет глаз *Р*
5. Нос *Сред*
6. Пр. примечания

Девочка в самолете

Ярослав Голованов

**Прежде чем
вино всех
вождей наших
за коллективи-
зацию,
индустриали-
зацию,
кукуризацию,
— вино себя и
всех нас за то,
что позволили
удушить в себе
людей и еще до
полей и
фабрик
развалить
наши души...**

Из Москвы в Чикаго я летел с дочкой. Одиннадцатичасовое путешествие с двумя посадками в экономклассе — это и для взрослого не сахар, а двухгодовалому человеку совсем тяжело. За полчаса до посадки в Нью-Йорке она окончательно уснула. По Москве было два часа ночи, но пришлось будить. Естественно, плачет. Сутолока и давка высадки. Потом нас долго держат за оградой в каком-то душном туннеле. Наконец выпустили в зал. В зале из металлических стоек и канатов сделан этакий лабиринт, который упорядочивает всю эту толпу, превращая ее в длинную зигзагообразную очередь. Но очередь эта движется очень медленно. Дело в том, что почти все пассажиры моего самолета — еврей-иммигранты, приехавшие в США на постоянное жительство, что усложняет и замедляет паспортный контроль. Видя рыдающего ребенка, недавние мои соотечественники пропускают нас «под канатами», всякий раз на несколько десятков человек приближая к заветной будке со старым усталым джентльменом в синей форме, который что-то читает, сверяет, а потом кладет своими штемпелями и печатями. Пожалуй, единственно, на кого рыдающая девочка не произвела ни малейшего впечатления, ни на секунду не ускорив его работу, был этот пожилой джентльмен, из чего я заключил, что пограничников всех стран льют из одного металла. Впрочем, наверное, так и должно быть. Обид у меня на него не было.

Дочь плачет. Невероятное количество багажа, но уже не движется по транспортеру — транспортера не хватает, — а просто свален в огромную кучу. Не могу найти свои чемоданы. Плачет. Наконец нашел. Женщина в таможне, глядя на мою Лельку, сразу поставила нужный штамп. Меня должен встретить и перевезти в другой аэропорт, уже не международный, а внутренний, один наш журналист, о котором, кроме имени, мне известно только, что он с бородой. У него мой билет до Чикаго. В зале за таможней прилетавших евреев встречали десятки бородатых. Очень жарко, душно. Дочь плачет. Просто рыдает. Мне трудно передать словами меру моего отчаяния...

В конце концов я нашел «свою» бороду и так обрадовался, что расцеловал этого совершенно не знакомого мне человека. Погрузились — переехали — разгрузились, все бегом, потому что на мой чикагский самолет уже идет посадка. Короче, когда мы вошли в «Боинг», на мне не то что рубашка — пиджак был насквозь мокрый, сумку и складную колясочку кое-как удалось засунуть под сиденье. Очень тесно. Лелька у

меня на руках, плакать у нее уже нет сил, тихо подвывает. Самолет начинает вырывать на полосу. И тут началось...

Пришла стюардесса и, увидев, как я скрючился в кресле, унесла нашу коляску в багажное отделение первого класса. Потом вернулась с маленькой баночкой яблочного сока. Старушка, сидящая сзади, погладила Лельку по голове и дала ей пластинку жвачки. Советский ребенок, к жвачке не приученный, решает, что это конфетка, и начинает жвачку есть. Старушка очень этим встревожена. Господи, пусть ест, лишь бы не плакала! Негритянка впереди, у которой на руках маленький негретеночек, с улыбкой протягивает бумажные трусики-памперсы. Лелька засыпает у меня на руках. Солнце из правого иллюминатора бьет ей прямо в глаза. Прикрываю свет газеткой. У иллюминатора сидят два здоровенных, коротко стриженных парня, наверно, спортсмены, хотя с книгами в руках, читают. Видя мои манипуляции с газетой, откладывают книги и, подмигнув мне, спускают на своем иллюминаторе плотные синие светофильтры. Опять приходит стюардесса и сообщает, что в хвосте самолета есть три свободных места, можно сесть, а девочку положить рядом, чтобы ей удобнее было спать. Я благодарю и объясняю, что очень боюсь ее разбудить, пусть лучше на руках спит, не так уж долго лететь. Слева от меня сидит мужчина лет пятидесяти с сыном старшеклассником. Судя по рукам, рабочий или фермер, но уж точно не пианист. Ни слова не говоря, оба встают и уходят в хвост самолета, освобождая рядом со мной два кресла. Потом сын «не пианиста» принес маленькую подушечку...

Клянусь, я не придумал ни одной детали! Что же это такое? Как же это понимать? Мне же с младых ногтей вбивали в голову, что здесь «человек человеку — волк». Но если в самолете этом волчья стая, значит, Лелька моя — Маугли! И почему за 11 часов полета в нашем самолете, видя, как я кувыркуюсь с маленьким ребенком, никто ни разу не подошел ко мне и не предложил хоть в чем-то помочь? С детства врезалась в память строчка из «Мистера Твистера» С.Я.Маршака: «Ты не в Чикаго, моя дорогая...» Но только теперь я понял скрытую иронию этой строчки. Жена одного нашего знаменитого писателя, демонстрируя патриотизм, говаривала: «Мы, слава Богу, не в Париже». Это уж точно! Где ему, Парижу! Ведь у нас же «человек человеку — друг, товарищ и брат». И вы знаете, что самое страшное? Не то, что «братья» не подошли, а то, что сам я и не ожидал, что они подойдут! Я на это не рассчитывал, потому что уже привык, что рассчитывать на человеческую поддержку в подобных обстоятельствах у нас просто глупо. И в страшной этой привычке все более укрепляюсь сегодня, читая в газетах

Американская «группа поддержки»: ты не одинок в своих передрыгах

статьи и письма о всеобщем жестоком озверении.

Когда потом узнал, что в США сумма различных благотворительных пожертвований от разных людей, фондов и компаний составляет 100 миллиардов долларов в год, я не особенно удивился: эти деньги не облагаются налогом, а быть щедрым, когда у тебя всего много, не так уж и трудно. До благотворительности ли нам, коли на картошку не хватает. Но ведь люди в «Боинге» тоже на меня не тратились! Они просто совсем немного помогли. За так, за спасибо. Добровольной благотворительной деятельности более половины взрослого населения США отдают почти по пять часов в неделю. Это и забота о немущих, приготовление бесплатных обедов, уход за одинокими стариками, дежурства в больницах, причем на работе самой трудной: вычищать, подмывать и просто слушать бесконечные рассказы о страданиях людей, для вас совершенно чужих. Эти благотворительные группы в США называют «группами поддержки». Объединения охватывают не только больных и голодных, хотя это — главная забота. Есть группы, которые для нас могут звучать даже юмористически, но, если подумать, слез там больше, чем смеха, — все эти люди так или иначе нуждаются в поддержке: материальной, моральной, духовной. «Анонимные картежники», «Анонимные транжиры», «Национальная ассоциация помощи толстым американцам», «Анонимные обжоры». А вот уже и не смешно: «Анонимные жертвы

депрессий», «Анонимные проститутки», «Дети алкоголиков», «Овдовевшие». А вот уж совсем не смешно: «Родители насильников», «Больные раком». «Если раньше в Америке никто не сомневался в справедливости поговорки насчет того, что «один слепой не может вести за собой другого слепого», то сейчас, при расцвете «групп поддержки», подобные пословицы кажутся не совсем точными, — писал в «Правде» собственный корреспондент газеты В.Ган. — Попасть в какую-нибудь неприятную историю или ситуацию, страдать от проблем — все это присуще людям. Но знать, что ты не одинок в своих передрыгах, — не в этом ли успокоение?» Меня восхищают не 100 миллиардов долларов, которые корпорации, фирмы, фонды и просто люди богатые «отстегивают» на благотворительность: богатому легче быть щедрым. А восхищают меня другие 100 миллиардов — именно в такую сумму оценивают добровольную и бескорыстную работу всех этих «групп поддержки» и просто людей, которые и не причисляют себя ни к каким группам. Те чековые 100 миллиардов — это что же, «финдокументы», бумажки зеленые, а вот эти невидимые, неосознаемые 100 миллиардов — чистое золото.

Помочь человеку — естественное, может быть, уже врожденное, наверняка воспитанное, стремление американца, вне зависимости от его положения, образования, вероисповедания и всего прочего. Любопытно, что когда звонишь по телефону, особенно в учреждения, связанные с

различными видами обслуживания, или, как у нас говорят, «службой быта», то тебе отвечают не «алло?», не «слушаю вас?» и уж, конечно, не стократным, как у кукушки, «ждите ответа». Чаще всего тебя сразу спрашивают: «Чем я могу вам помочь?»

Стоило мне на улице вытащить из кармана план города, чтобы сверить свой маршрут, моментально подходили два-три человека: «Вы не заблудились? Куда вам надо?»

Я уже не говорю о полицейских, которые рассматривают ответы на твои вопросы как свою прямую служебную обязанность.

Самолет летит в Калифорнию. Везде облака, а над Гранд-Каньоном чистое небо.

Летчик делает круг, переваливая машину с борта на борт, чтобы изо всех иллюминаторов пассажиры могли полюбоваться этим чудом природы. Нашего бы летчика за такую вольность наказали.

В первые дни в Чикаго я удивлялся множеству людей в инвалидных колясках. «Сколько же, однако, у них инвалидов...» — промелькнула даже такая идиотская мысль. А потом понял, что инвалидов у них не больше, а скорее меньше, чем у нас, поскольку медицина лучше. Просто их инвалиды ощущают себя полноправными участниками жизни этого огромного города и всей страны, а наши сидят дома, и колясок у них нет, да и никому они не нужны даже со своими колясками. Благороднейший Валентин Дикюль организовал Всесоюзную федерацию инвалидного спорта, но ведь это капля меда в бочке дегтя. В США инвалиды в аэропортах, на вокзалах, в театрах, в музеях, видел несколько парализованных людей в колясках даже в «Диснейленде», и никого, кроме меня, это там не удивляло. И везде инвалид — это не «убогий», не «сирый», которого суровые «жалуют», чем потом тайно, а чаще явно очень гордятся, — инвалид веселый, оживленный, полноправный во всех отношениях человек, которого надо не «жалеть», а которому надо помочь, — и в этом огромная, принципиальная разница! Инвалиды в Чикаго потребовали, чтобы городские автобусы оборудовали специальными подьемниками: заезжать в автобусы на колясках. Но переоборудовать

сотни автобусов дело и долгое, и дорогое. Чикагские инвалиды начали роптать, язвить губернатору, подключились журналисты. Теперь, если инвалиду надо куда-то ехать, он должен за день заказать по телефону автобус наподобие нашего РАФа уже с подъемником, который, забрав еще нескольких инвалидов прямо у их домов, довезет их туда, куда им нужно, по цене обычного автобуса (1,25 доллара).

На всех перекрестках и пешеходных переходах центральной части Чикаго обязательно есть пологий съезд с тротуара на мостовую для инвалидов и детских колясок, а в парках — еще и для велосипедистов и ребят на роликах и скейт-бордах (доска на роликах).

Слепой продает в киоске газеты и журналы. Разумеется, у него трудно украсть журнал. Но кто же будет обворовывать слепого?! А слепой хочет работать. И ему помогли.

Испанский скульптор Хоан Миро подарил Чикаго фигуру женщины метров в десять высотой. Пьедестал невысокий, примерно по колено. А на нем — точная копия фигуры, только совсем маленькая, сантиметров сорок. Чтобы слепой мог ее ощупать руками и представить в воображении свою работу знаменитого мастера.

В резиденции губернатора штата, в цокольном этаже, — большое кафе с лучшими хот-догами (горячие сосиски в булке) в городе. Вход в резиденцию — не только в кафе, но и на все этажи, вплоть до 16-го, где сидит губернатор, — разумеется, совершенно свободный. Подметают в этом кафе, вытирают столы, аккуратно расставляют сдвинутые стулья, убирают грязную посуду — умственно неполноценные молодые люди, страдающие неизлечимой болезнью Дауна. Неполноценные, но люди! Значит, надо позаботиться и о них, и им придумать посильное дело, которое, кстати, они выполняют с величайшей добросовестностью.

Может быть, хватит уже примеров из жизни «волчьей стаи»?

Я все заранее знаю, что вы скажете мне, дорогие читатели. Вы скажете, что бытие определяет сознание. Что люди наши озлобились от нужды, от тяжелой... нет, не работы даже, а необходимости постоянно изыскивать средства к существованию. Но я помню Великую войну, и холодно было, и голодно, и страшно, а ведь мы были добрее друг к другу, внимательнее и душевнее. У нас был тогда один общий враг, а теперь словно все мы враги друг другу. Читайте статьи кинорежиссера Говорухина, режиссера Захарова, писателя Васильева, митрополита Филарета, журналистки «Комсомолки» Зои Ерошок, других честных, искренних людей. Страш-

ные слова на страницах «Комсомольской правды» опубликовал академик Шаталин: «Философия грабежа, социального паразитизма, дележа и черного передела, парвеню и плебейства — стала альфой и омегой нашего существования. Мы живем в мире разлагающейся личности, разнузданных страстей, презрения друг к другу, непонимания фундаментальных проблем развития цивилизации и культуры, по существу вне культуры». Читайте все это и думаю: а возможно ли вообще наше духовное возрождение? Есть ли, пусть маленькие, огоньки надежды? Даниил Гранин рассказывал мне о ленинградских ребятах из общества «Милосердие». Отвергают телевидение, гонят журналистов, без суеты, не ради денег и славы, за так, за спасибо спасают одиноких, нищих полумертвых питерских стариков и старух. Поеду к ним. Коли писать не разрешат, просто в глаза им посмотрю. Хочу увидеть их глаза.

Прежде чем виню всех вождей наших за коллективизацию, индустриализацию, химизацию, кукуризацию и прочие новации, которые развалили богатейшую страну мира, прежде них виню себя и всех нас за то, что позволили другим (и часто при этом активно им помогая!) удушить в себе людей и еще до полей и фабрик развалить свои души. У меня не государственный мозг и я не знаю, как это сделать, но только я знаю, что главная забота наша (именно наша, а не вождей наших, им с этой задачей не справиться) заключается не в том, чтобы достичь американского уровня производства кукурузы, а достичь их уровня доброжелательности друг к другу. И, прежде чем догонять Францию по сырам, Германию по пиву, Канаду по хлебу и для того чтобы иметь хотя бы малую надежду приблизиться к ним во времена зрелости праправнуков, нам необходимо подобрать. Злоба иссушит нас и не даст сил для работы. Ненависть искалечит детей. Нас ждет ужасное будущее. Это давно почувствовал даже правозащитник А.М.Горький, «буревестник революции». «Мне кажется, — писал он, — что даже и не через сто лет, а гораздо скорее жизнь будет несравнимо трагичнее той, коя терзает нас теперь. Она будет трагичной потому, что — как всегда это бывает вслед за катастрофами социальными — люди, уставшие от оскорбительных толчков извне, обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия». Так не пора ли взглянуть и задуматься? Мне страшно за девочку в самолете, которая спит у меня на руках. Прав Говорухин: «Так дальше жить нельзя!».

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

● В наше время просто необходимо быть с компьютером на «ты»! МГП «ТРУД» и МНПП «ЛАО» приглашают Вас на курсы обучения работе с персональным компьютером. За две недели Вы приобретете уверенные навыки работы с современным программным обеспечением. **МЫ НАУЧИМ ВАС!** Вы желаете узнать подробности — позвоните по тел.: 489-80-21, 925-75-66 **ПРЯМО СЕЙЧАС!** Для писем: 125008, Москва, а/я 334, «КУРСЫ».

● Всего семь дней на публикацию Вашей рекламы в рубрике журнала «Новое время» «Фирмы сообщают» по самым низким ценам в рублях. За объявление можно перечислить 450 руб. на р/с 345273 в коммерческом станкомехпромбанке корр./счет 161450 в МГУ Госбанка СССР МФО 201791. По адресу: 103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская пл., редакция журнала «Новое время» высылается текст объявления (10 строк) и копия платежной квитанции. Варианты оплаты: гарантийное письмо или наличные в кассу редакции журнала. Тел. в Москве: 209-92-82, 209-76-52. Телефакс: 200-42-23; телекс: 411164 в newt SU

© НОВОЕ ВРЕМЯ DESIGN

ФИРМЫ СООБЩАЮТ

6275 часов в «культурной революции»

Сергей Торонцев

«Вытянем из вас все жилы» — такой плакат появился 25 лет назад у советского посольства в Пекине

В КНР 1966 год можно было считать не только на часы, а и на секунды, настолько напряженной была ситуация, сгущенной атмосфера. Сейчас, по прошествии четверти века, можно, забыв трудности, неприятности, сказать, как повезло свидетелям этого исторического события: Китай яростно отстаивал свой социалистический выбор. В 1966 году еще не было ясно, какой крови стоила эта борьба. Миллионы погибли, миллионы конформистски сжались, сдавливаемые прессом «марксизма-ленинизма-идей Мао Цзэдуна» (или «маоцзэдунизма», как лозунгировали в тот период). Но «идеологическая чистота» не приносит народу ни счастья, ни цивилизованности. Посткультурно-революционный Китай это лишний раз доказал, а кровавые события 1989 года, напомнившие об угрозе возвратного движения на четверть века назад, еще раз подтвердили.

Часть дневниковых записей 1966 года, когда я работал в советском торгпредстве в Пекине, оказавшись в центре «революционных» событий, никакой иной, кроме стилистической, правке не подвергались.

1.6.1966 г. Вчера кончилась весна — пьянящая, дурманная, полная волнений и тяжелых ароматов, без северной бодрой свежести, красивая, сочная, уверенная в себе и спокойная как уже расцветшее лето.

Первый же день лета в Пекине совсем не летний. Вдруг стало прохладно, распался ветер, зашатались деревья, забеспокоились чуткие листья. Вечером ширма облаков задвинула звезды и земля погрузилась в тревожный мрак.

Но зато весьма «жаркую» фразу бросила сегодня «Жэньминь жибао»: «Идеи Мао Цзэдуна, овладев массами, становятся атомной бомбой». Да, но ведь атомная бомба — «бумажный тигр»!

2 июня. «Жэньминь жибао» злое вещает: «Когда погибнет земля и взорвется солнце, во вселенной все равно останутся противоречия». И в ранг марксизма возводится волчий закон: «Ты не сожрешь меня, так я сожру тебя».

5 июня. Вчера по центру города ходили демонстрации с флагами, барабанами, гонгами. Ну точно похоронная процессия: под мерные стуки медленным, траурным шагом колонна с унылыми, постными лицами несет портрет Мао Цзэдуна, обвитый красными лентами. Это было смещено руководство пекинского горкома. А сегодня барабаны кругами расходятся по городу.

Армейская газета, весьма влиятельная, прогнозирует новые свалки: «После ликвидации одной черной линии появится новая». Удобный ярлычок для неугодных!

9 июня. Сценка на улице: к вечеру семья выбралась на тротуар под свои окна, сидят на низеньких табуреточках, в тазу у ног шерсть, которую мама перебирает, дочка ей помогает, а папа вяжет пятью спицами. Мирная идиллия.

11 июня. Регулярно названиваю в кинопрокат. Некто безымянный внимательно выслушивает просьбу о встрече, обещает «выяснить вопрос». И исчезает. В следующий раз трубку берет новый голос, столь же любезный, таинственный и безрезультатный.

17 июня. «Алло, кинопрокат?» — «Нет, кинотеатр». Сменили номер телефона. По новому все так же любезны: «Все на собрании, я непременно доложу о вашей просьбе».

А вдоль улиц смешными розовыми хохолками зацвела мимоза, которую тут зовут «юнхуашу» — «вечноцветущая».

20 июня. Вновь звоню в кинопрокат. «А у нас сегодня собрание». — «Я могу позвонить завтра?» — «Завтра собрания нет...»

25 июня. В кинопрокате все еще продолжают собрания.

«Жэньминь жибао» набрасывается на ревизионистов, которые «рассматривают производство как первоочередную задачу».

20 июля. Начался «футань» — страшный тридцатидневный период максимальной

влажности и безветрия. По традиции есть можно лишь цзяоцзы (пельмени), лапшу, блины и омлет. Но сейчас не осталось экономических возможностей блюсти эту традицию.

24 июля. Штабеля арбузов заполнили улицы. Под их продажу подводится «теоретическая база» в глубокомысленной статье «Философия продажи арбузов», где со ссылкой на Мао предлагаются «сосредоточивать превосходящие силы и уничтожать противника по частям». Их и уничтожают по частям: продавец достает из бочки со льдом арбуз, режет и продает кусками.

28 июля. Произошло ЧП — под посольскую «волгу» бросилась китаянка. Она стояла неподалеку от ворот посольства и шагнула, когда водитель резко затормозил. Лежала на таком расстоянии от радиатора, что ясно было — сама бросилась. Собралась толпа с разинутыми ртами. Женщина приподнялась, увидела, что сыграла неудачно, и на четвереньках подползла поближе к машине. Милиционеры составили протокол, обрывая «ненужных» свидетелей.

30 июля. Девять вечеров, дождь. Ритмика гонгов и барабанов. Мерные колонны демонстрантов, впереди увиты лентами портрет, за ним десятки красных знамен. Пекинцы празднуют купание Мао в Янцзы две недели назад, когда, как объявили, он за полтора часа проплыл 15 километров, при этом разговаривая и обучая какую-то девицу. То есть около 200 м/мин. А мировой рекорд на стометровке чуть вышел из минуты. Известная австралийская пловчиха прокомментировала: «Мир еще не видел столь величайшего пловца всех времен... либо их часы остановились».

4 августа. На улице: двое мужчин ведут, крепко ухватив за вывернутые руки, женщину лет сорока, исхудалую и рваную, с искаженным ужасом, напряженным лицом. Толпа позади — молчит.

5 августа. В кинопрокате второй месяц отвечают, что у них собрания и они ни встретиться, ни пригласить новые советские фильмы не могут.

На улице Ванфуцзин на дверях магазина научно-технической литературы объявление: «Сегодня собрания. Временно на один день магазин закрыт». Впервые это самое объявление я увидел неделю назад. (Добавление: в ноябре, пожелтевшее, оно все еще висело на закрытых дверях.)

6 августа. Шофер торгпредства,

«Выдернем ядовитые травы!» — призывает очередная дацзыбао

китаец, подходит к завхозу: «Вот, я пользовался казенным велосипедом, теперь купил свой. Спасибо, в понедельник верну вам ваш». Молодец, хорошо живет, скопил деньги на велосипед.

Чуть позже подходит рабочий: «Мне больше не нужен велосипед, жарко, буду ездить автобусом». Ладно, поверим, что в набитом автобусе прохладней.

Все служащие-китайцы, словно сговорившись, разом вернули велосипеды. Ну не сговорившись, им «подказали» радители отказаться от «ревизионистских подачек», как чуть раньше они отказывались от премий, которые — при их-то скудной жизни — не могли им не быть нужны. Отказывались со слезами на глазах.

10 августа. По всему городу демонстрации в поддержку вчерашнего решения ЦК КПК об «углублении культурной революции».

В дальней тьме режут толпы фанатиков, и в звериный, нечленораздельный вой сливается универсальный призыв: «Маочжусиваньсуй-маочжусиваньсуй...» (Десятьтысячлетпредседателюмаодесятьтысяч...)

По серо-синему сумеречному небу плыло розовое облако и несло в себе грозу. Вокруг него совершенно безмятежное небо, а в облаке, не вы-

ходя за его пределы, четко и выпукло очерченные вспыхивают молнии.

12 августа. В массовом порядке перестают издавать научные журналы. Сегодня пришли квитанции на возврат денег за 27 прекращенных изданий. Объяснений нам не дают, но в одном журнале мы нашли извещение, рассчитанное на внутренних читателей: «В целях удовлетворения решительных требований народных масс изучать труды председателя Мао в ближайшее время мы будем концентрировать силы на ускоренном издании трудов председателя Мао. Медицинское общество КНР. Июль 1966 г.»

13 августа. Газеты захлебываются восклицательными знаками: вечером 10 августа Мао «встретился с революционными народными массами», помазал рукой и произнес, как сообщает Синьхуа, «вдохновляющие слова»: «Здравствуйте, товарищи». Некоторым удалось приблизиться, и они потом в восторге вопили: «Пожмите мне руку, я только что пожал руку председателю Мао!»

14 августа. Вчера пекинское радио весь день держало слушателей в напряжении: «В 17 часов будет передано важное сообщение». Ежедневно торжественным тоном проносили дикторы эту фразу. В пять объявили о прошедшем пленуме ЦК КПК. Принято решение о «культурной революции».

Уже в четверть шестого стройные колонны потекли к стадиону митинговать. Второй вечер подряд над пекинским мраком летает истощенный, охрипший от беззаветных усилий вопль: «10 тысяч лет... 100 миллионов лет председателю Мао!» Ему отвечает фанатичный рев толпы, безумствующей при упоминании божественного имени. По улицам текут «крестные ходы». Впереди «икона» в ризе цветов.

Шествие кончилось, колонна распалась. Гордые ответственные товарищи уносят портрет. Закапало, они укутали портрет в прозрачную пленку, сами мокнули без плащей.

19 августа. Вчера на центральной столичной площади Тяньаньмэнь состоялся грандиозный митинг: Мао Цзэдун «встретился с застрельщиками великой культурной революции». Председатель КНР Лю Шаоци, первое государственное лицо, в протокольном списке указан отчего-то только восьмым. Появилась какая-то новая организация, благословленная Мао: «хунвэйбин». Хун — крас-

ный, вэй — сторожить, охранять, бин — солдат. Агентство Синьхуа переводит — «красная гвардия».

20 августа. Грянуло «стихийное движение масс». Первое, что они сделали, — принялись менять негодные названия. Главный проспект, проходящий через площадь Тяньаньмэнь, из Чананьмэнь (Вечный покой) превратился в Проспект Коммунизма, сама Тяньаньмэнь (Врата небесного покоя) — в площадь Алеет Восток («Дунфанхун» — название и начало культовой песни: «Алеет Восток, солнце встает, Китаю явился Мао Цзэдун»). Известная торговая улица Ванфуцзин (Колодец княжеского двора) стала Революционной, расположенный на ней крытый рынок «Дунань» (Восточный покой), заклеив один иероглиф, переименовали в «Дунфэн» (Восточный ветер — который, по Мао, «одолевает ветер с Запада»). А улочка, ведущая к советскому посольству, отбросив свое прежнее название Янвэйлу (Улица восхваления авторитета), превратилась в Антиревизионистскую. Ресторан «Москва» стал «Антиревизионистской столовой».

Под ритмичные постукивания в барабан детишки явно детского возраста, напрягаясь, несут огромного вождя, украшенного шаблонным иероглифом «двойное счастье».

21 августа. Стены и мостовая у ворот посольства за ночь заклеили броскими «дацзыбао». Центральный мотив обыгрывает «отмененное» название улицы: «Чей это авторитет восхваляется?!» Работали девочки из соседней женской школы, но стиль отнюдь не нежный, пересыщенный выражениями, которые обычно заменяются у нас точками. Плакаты запрещали «ревизионистским собакам существовать в нашем красном Китае». С тротуара мальчишки орут: «Ревизионисты!» Точно так же, как их отцы восклицали: «Советский старший брат!»

22 августа. Нашу «Ревизионистскую улицу» перегородил громадный щит с портретом Мао. Толпа вокруг требует, чтобы автомобили останавливались и пассажиры миновали портрет пешком. Императорский ритуал. Советские дипломаты не подчинились диктату. Все дипремьи оказались сорванными.

Город весь, сверху донизу, заклеен манифестами, революционными приказами и просто объявлениями, напечатанными в типографии, на ротаторе, стеклографе, просто написанными черной тушью. Зовут к революционной ломке, «ниспровержению старого мира», «искоренению ревизионизма». Старинные каменные львы и стелы во дворах, традиционные парные надписи на воротах именуются наследием феодализма, которые в три дня подлежат уничтожению. Спички отныне нельзя именовать старым словом «янхо» (замор-

ский огонь), названия типа «перелет Золотой рыбки» подлежат изменению как «не отражающие современного революционного духа». Закрыт филателистический магазин. В магазин грампластинок пришли хунвэйбины и потребовали продавать только революционную музыку, а не «одурманивать народ всякими «Лебедиными озерами»».

Какие-то листовки раздают велосипедисты. Наш шофер-китаец взял себе, а на нашу просьбу, появившись, прошептал: «Вам это лучше не смотреть». В лобовое стекло машины с дипломатическим номером полетела горсть камешков. Многие листовки и дацзыбао оперируют ругательствами, наиболее приличное из которых («хуайдань» — тухлое яйцо) функционально идентично русской «сволочи». Один лозунг констатирует: «Мы — хунвэйбины, защищающие председателя Мао» (даже не «идеи», а личность — императорская гвардия). Около посольства появилось предупреждение: «Вытнем из вас все жилы». МИД КНР не принял нашего протеста. А из толпы уже летят камни.

23 августа. В семь утра нас разбудил рев толпы. В организованной колонне, пропущенной милицией к самой ораде, есть и детишки 3–4 лет — они еще даже не в силах прочитать «антиревизионистские» лозунги, которые несут. Парень с дерева раздает листовки, и на счастье-ливчиков, завладевших несколькими экземплярами, набрасываются, чтобы вырвать для себя. Во дворах в городе разбивают каменных львов или на худой конец просто отколачивают у них носы. В одном дворе полыхал костер — жгли книги. Озлобленные ребята лет одиннадцати провели по улице, оплевывая, седую женщину интеллигентного вида. В хозяйственных магазинах, еще вчера полупустых, теперь очереди: покупают краску — писать лозунги. Большинство покупает для организаций, но кое-кто проявляет и личную инициативу. В одной листовке перечислялись права и обязанности хунвэйбина, в том числе: «проверять наличие в каждом дворе, в каждой семье изречений и портретов председателя Мао».

24 августа. По городу расклеен ультиматум: всем представителям «реакционных классов и групп» носить на груди особые знаки.

Перед посольскими воротами великовозрастные школьники орут: «Долой ревизионизм!» Чуть в стороне стоит крохотная девчушка, такая милая, симпатичная, и нежно лопочет в окна проезжающих дипломатических машин: «... твою мать!»

26 августа. Кончился срок, установленный хунвэйбинами для «расчета со старым». В городе начались погромы и аресты. Ходят со специально составленными списками и придираются к отсутствию в доме портретов и изречений Мао. Эти действия газета «Жэньминь жибао»

определяет как «абсолютно революционные и законные».

На площади перед вокзалом — толпы хунвэйбинов. Видимо, это провинциалы, приехавшие в столицу за «революционным опытом». Группа девушек стрижет друг другу роскошные длинные, черные, блестящие косы. Асфальт усыпан волосами, как поле в жатву.

В помещении вокзала таможенник пишет листовку. Спрашиваю его: «От себя или по поручению организации?» — «Нет, от себя».

29 августа. Долгие приготовления перед воротами посольства должны завершиться грандиозным митингом с участием даже иногородних. Это уже не стихия. Листовки по всему городу призвали к 8 утра на сбор, транспортное движение в районе закрыто. Уже среди ночи, в половине третьего, замершую духоту всколыхнула хрипая «антиревизионистская» речь. Динамики направлены на посольство, громкость установлена предельная. Затем одновременно заговорили три динамика: по одному — истонная речь, по другому — верноподданническая песня, по третьему — еще более «революционная» (то есть громкая) песня.

А утром по чьей-то тайной команде вдруг все разом отменили и посольство закрыли от толпы безмятежным Мао на небесно-голубом фоне. На стене дома напротив прикрепили портрет Хрущева и упражняются в метании камней.

30 августа. Митинг запретили, но истерия динамиков продолжалась всю ночь: «Испугались?! Дрожите в своих кабинетах?! 10 тысяч лет председателю Мао!» Дураки переоценивают могущество икон, сказал Эразм Роттердамский.

Избили немецких дипломатов, потом извинялись: «Думали, что русские».

31 августа. Город еще в листовках, но жизнь возвращается в свое русло. От демонстрантов остались инертные группки, вновь открываются магазины.

Листовка недовольна гимном КНР, потому что он написан «буржуа Тянь Ханем». Предлагается заменить его культовой песней «Алеет Восток».

Японские корреспонденты полагают, что позавчерашний митинг, собравший более 200 тысяч хунвэйбинов, — вершина кампании, а дальше «культурная революция» будет вестись средствами печати, телевидения и митинговщина пойдут на убыль...

Ах, как они ошиблись! Из их демократического мирка им трудно было постичь, что социалистический выбор можно защитить, только с оружием в руках. Это подтвердили последующие 10 лет «культурной революции», «тяньаньмэньский инцидент» 1989 года, а также Будапешт, Прага, Тбилиси, Вильнюс...

Художник острого, иронического ума Джордж Оруэлл (его настоящее имя — Эрик А. Блэйр) прожил недолгую жизнь. Но самый знаменитый и лучший роман Оруэлла — «1984», — написанный четыре с лишним десятилетия назад, и сегодня сохраняет свою жгучую актуальность и остается итогом его жизненного и писательского пути. Важной вехой на этом пути было и другое не менее знаменитое его произведение — сатирико-аллегорическая повесть «Звероферма» (1945г.) — одно из первых художественных обличений сталинизма (есть несколько русских переводов повести и под другими заголовками — «Скотский хутор», «Ферма животных» и тому подобное).

Оруэлл никогда не принимал на веру расхожие, заимствованные теории. Свидетель драматических событий 30–40-х годов, он словно бы держал руку на пульсе времени, был бескомпромиссно привер-

жен правде, не уставал воевать против лжи, откуда бы она ни исходила — «справа» или «слева». Его главным противником был тоталитаризм, в какие бы идеологические, пропагандистские одежды он ни рядился. В нем он видел угрозу свободе и демократии, высшим человеческим ценностям. Он до конца считал себя приверженцем демократического социализма, под которым разумел систему, основанную на свободе, социальной справедливости и уважении к человеку. Оруэллу была очень близка мысль, которую он не уставал повторять: демократия невозможна без просвещения народа, а просвещение народа — без демократии.

Оруэлл оставил обширное наследие, которое мы еще только начинаем осваивать. Помимо упомянутых произведений он написал пять романов, несколько книг очерков и эссе, мемуарные записки об испанской войне

(«Памяти Каталонии»). Статьи, заметки, рецензии, радиопередачи, письма составили три пухлых тома, примерно по 500–600 страниц каждый.

Оруэлл был одним из самых блестящих английских журналистов. Как газетный обозреватель и радиокорреспондент он писал много, но в его материалах не было репортерской «скорописи», легкой «злости дня», что ставит Оруэлла в один ряд с классиками английской эссеистики — такими, как Свифт и Хэзлитт. Оруэлл хотел помочь своим читателям освободиться от ложных догм, шаблонов и мифов. Одним из самых опасных он считал «советский миф», укореняемый на Западе тоталитарно-сталинской пропагандой. Он считал своим долгом писать об этом даже тогда, когда его позиция отнюдь не была популярной, в период второй мировой войны. Ведь публикация «Зверофермы» была свя-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

XX

ВЕКА

зана с немалыми трудностями — она пришлась на год Тегерана, апогей антигитлеровской коалиции.

В 1947 году Оруэлл написал предисловие к «Звероферме», переведенной на украинский язык и предназначенной для эмигрантов и так называемых «перемещенных лиц», оказавшихся на Западе. В нем Оруэлл — и это особенно существенно — рассказывает о генезисе своей политической философии. Предисловие впервые публикуется на русском языке.

Обаяние зверя

Джордж Оруэлл (1903–1950)

Понимаю, что обращаюсь к читателям совсем мне не знакомым... И прежде всего я решил сказать немного о себе и о том, как сформировались мои политические убеждения.

Я родился в Индии в 1903 году. Мой отец служил в английской колониальной администрации, моя семья принадлежала к среднему классу — классу военных, священнослужителей, правительственных чиновников, учителей, юристов, врачей и т.п. Я получил образование в Итоне, самой престижной и дорогой, самой аристократической среди английских частных школ для юношей. Я-то сумел попасть туда благодаря знаниям, а в противном случае отец не мог бы отправить меня в учебное заведение подобного типа.

Раньше, после того как я оставил школу (мне тогда едва исполнилось двадцать лет), я отправился в Бирму и записался в Индийскую королевскую полицию. Это было вооруженное формирование — нечто вроде жандармерии... Я прослужил там пять лет. Служба эта мне была не по душе, она лишь пробудила во мне ненависть к империализму, хотя националистические чувства в Бирме были еще слабы, а отношения между бирманцами и англичанами нельзя назвать плохими. Перед возвращением в Англию в 1927 году я оставил службу, решив посвятить себя писательству, но на первых порах не имел особого успеха... Мне приходилось месяцами жить среди обездоленных, живших в беднейших квар-

талах, среди людей, промышлявших попрошайничеством или мелким воровством... Вплоть до 1930 года я, в общем-то, не считал себя социалистом. Действительно, я не определился в ту пору в своей политической позиции. Я склонялся к социалистическим взглядам в силу того, что осуждал угнетение и пренебрежение, которым подвергается беднейшая часть промышленных рабочих, а совсем не потому, что испытывал восторг по поводу теорий планового общества.

В 1936 году я женился. Почти в ту же самую неделю разразилась война в Испании. Моя жена и я стремились попасть в эту страну, чтобы сражаться на стороне испанского правительства... В Испании я провел полгода... пока под Уэской пуля фашистского снайпера не угодила мне в горло. На ранних стадиях войны иностранцы в целом пребывали в неведении относительно конфликтов,

которые раздирали различные политические партии, поддерживавшие правительство. В результате ряда обстоятельств я присоединился не к интернациональным бригадам, как это произошло с большинством иностранцев, а к милиции ПОУМ, то есть к испанским троцкистам.

И вот в середине 1937 года, когда коммунисты подчинили своему контролю (или частичному контролю) испанское правительство и начали преследовать троцкистов, мы с женой оказались в числе их жертв. Нам повезло в том, что мы выбрались из Испании живыми, нас даже ни разу не подвергли аресту. А между тем многие из наших друзей были расстреляны, другие провели большую часть времени в тюрьмах или просто исчезли.

(Обстоятельства пребывания Оруэлл на фронте и расправы над ополченцами ПОУМ во время беспорядков в Барселоне в мае 1937 года ярко описаны в его известной книге «Памяти Каталонии». — Прим.ред.)

Эта охота за людьми в Испании развертывалась в то же самое время, что и «Большой террор» в Советском Союзе. Она явилась своеобразным к нему дополнением. В Испании природа обвинений (главным образом «тайный сговор с фашистами») была аналогичной той, что и в России. В том, что касается Испании, я имел все основания полагать, что обвинения были сфабрикованными. Подобный усвоенный мной опыт явился ценным и живым уроком: он показал мне, с какой легкостью тоталитарная пропаганда способна подчинять себе мнения даже просвещенных людей в демократических странах... По возвращении в Англию мы встретились с немалым числом хорошо информированных газетных обозревателей, принимавших на веру большинство из тех фантастических сообщений о заговорах, предательстве и саботаже, которые содержались в газетных репортажах о московских процессах. И тогда я понял с большей, чем когда-либо, ясностью, какое негативное воздействие оказывает советский миф на западное социалистическое движение...

Я никогда не был в России, и мои знания об этой стране базируются исключительно на чтении книг и газет. И, будь в моих руках власть, я не желал бы вмешиваться в советские внутренние дела. Я не хотел бы обличать Сталина и его соратников за их варварские и антидемократические методы. Вполне возможно, что, преисполненные лучшими намерениями, они не могли действовать по-иному исходя из сложившихся обстоятельств. Но, с другой стороны, для меня было крайне важно, чтобы люди в Западной Европе могли представить себе советский режим таким, каковым он в действительности является. Начиная с 1930 года у меня было уже слишком мало аргументов в пользу того, что Советский Союз развивается в направлении того строя, к которому можно было бы применить понятие подлинного социализма. Напротив, я был ошеломлен отчетливыми свидетельствами того, что страна превращается в иерархическое общество, хозяева которого не в большей мере склонны расстаться со своей властью, нежели любые другие представители правящей верхушки. Более того, рабочие и интеллигенты в странах, подобных нашей Англии, не могут и представить себе, что сегодня Советский Союз полностью отличен от того, чем он был в 1917 году. Частично это происходит от нежелания это признать (то есть им хочется верить в то, что где-то должно существовать истинно социалистическое государство). Частично — от того, что привыкшие к относительной свободе и терпимости в общественной жизни граждане просто не способны к восприятию тоталитаризма.

При этом надо согласиться, что и Англия не является стопроцентной демократической страной. Это капиталистическое государство, сохранившее классовые привилегии (даже теперь после войны, способствовавшей тенденциям к равенству), а также немалые различия в имущественном отношении. И тем не менее это страна, жители которой вот уже несколько сотен лет как не знают гражданских войн, страна с относительно справедливыми законами, страна, в которой можно доверять официальным сообщениям и статистическим данным. И, наконец, последнее, но далеко не самое маловажное обстоятельство заключается в том, что это страна, в которой своя позиция — придерживаться и высказывать взгляды меньшинства — вовсе не связана со смертельной опасностью. Живя в подобной атмосфере, человек с улицы просто не в состоянии уразуметь такие вещи, как концентрационные лагеря, массовые де-

портации, аресты без суда, цензура прессы и так далее. Все, что он читает о стране, подобной Советскому Союзу, он автоматически трансформирует на чисто английские понятия, а потому с полной невинностью принимает ложь тоталитарной пропаганды. Вплоть до 1939 года и даже позднее большинство англичан оказались неспособными проникнуть в истинную природу нацистского режима в Германии. Да и теперь в том, что касается советской системы, они все еще в значительной мере находятся во власти прежних иллюзий.

А это принесло значительный ущерб социалистическому движению в Англии и имело серьезные последствия для британской внешней политики. Ничто, по моему мнению, так не способствовало извращению идеи социализма, как убеждение в том, что Россия — социалистическая страна, а каждое деяние ее лидеров может быть оправдано, и даже более того, достойно подражания...

По возвращении из Испании я размышлял над тем, как можно было бы разоблачить советский миф в произведении, которое стало бы доступно любому и которое легко бы переводилось на другие языки. Однако конкретные детали моей повести никак не давались мне длительное время, пока однажды (я жил тогда в маленькой деревушке) не увидел мальчугана лет десяти, ехавшего на подводе по узкой дорожке и хлеставшего лошадь, когда она пробовала свернуть в сторону. И тогда меня осенило...

Я попытался проанализировать теорию Маркса с точки зрения животных. Для них было очевидно, что концепция классовой борьбы в человеческом обществе — чистая иллюзия, поскольку, когда надо было эксплуатировать животных, все люди объединялись против них. Настоящая борьба велась между людьми и животными. Отталкиваясь от этого исходного тезиса, было уже нетрудно разработать сюжет моей повести. Я не мог приняться за нее вплоть до 1943 года, потому что всегда оказывался занят какой-то другой работой, не оставлявшей мне свободного времени. В конце концов я включил в нее некоторые события, например Тегеранскую конференцию, которые совпали со временем работы над этим произведением. Таким образом, главную идею своей повести я вынашивал почти шесть лет прежде чем сумел перенести ее на бумагу.

Мне трудно комментировать свою работу: если она не говорит сама за себя, значит, меня постигла неудача. Но я хотел бы подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, хотя различные эпизоды повести взяты из подлинной истории русской революции, они представлены в схематичном виде, а их хронологическая последовательность может нарушаться. Это было необходимо для придания композиции повести симметрии. Во-вторых, скажу и о том, что выпало из поля зрения критиков, возможно, потому, что этот момент не был должным образом мной акцентирован. Иные читатели закрывают книгу, находясь под впечатлением, что ее финал — это полное умиротворение между людьми и животными. Это, однако, не входило в мои намерения, напротив, я собирался завершить повесть на громкой ноте диссонанса, поскольку я писал сразу же после окончания Тегеранской конференции, которая, как многие полагали, обусловила наилучшие отношения между Советским Союзом и Западом. Лично я не верил, что подобные добрые отношения продлятся долго; последующие события доказали, что я не был так уж неправ...

Публикация и вступительное слово доктора филологических наук, профессора Бориса Гиленсона

48-летний министр экономики Латвии **Янис Аболтиньш** заявил, что, если кто-нибудь, в том числе и депутаты латвийского парламента, будет мешать проведению экономической реформы в Латвии, он подаст в отставку.

Стычки с парламентом у Яниса уже были. В то время как многие называют его отцом экономической реформы, которая сейчас происходит в Латвии, и даже окрестили латвийским Бальцеровичем, если ситуацию в Латвии вообще можно сравнивать с ситуацией в Польше, некоторые депутаты Верховного Совета Латвии утверждали: Аболтиньш — дилетант в экономике, его знания слишком затеоретизированы и не подходят для республики. В ответ на эти обвинения министр, вероятно, устав от постоянных придирок, предложил депутатам прослушать лекцию по экономическим вопросам. Депутаты, обиженные таким поведением министра, потребовали его отставки...

Тогда Аболтиньш не обратил особого внимания на группу рассерженных депутатов. В Латвии поговаривают, что уверенность в себе ему придают не только экономические знания, но и личная финансовая независимость, которую он получил, будучи одним из самых известных в Латвии баскетболистов. Этот же факт его биографии гарантирует

ему, по крайней мере на начальной стадии реформы, любовь латышей — министров чаще всего не любят, а вот известных баскетболистов любят всегда.

Впрочем, министр экономики считает, что реформа развивается так, что его вряд ли когда-нибудь будут «не любить».

— Когда ко мне приходят специалисты и рассказывают, что в городах СССР, где добывают нефть, стоит автотранспорт из-за отсутствия бензина, а у нас все-таки не стоит и на улицах все-таки ездят автомобили, то это зна-

чит, что наше положение лучше, чем у других, — сказал Аболтиньш в интервью газете «Советская молодежь».

Бензин в Латвию поступает за счет децентрализованных поставок на условиях рынка.

По признанию министра, его любимая литература для чтения — объявления в газете «Диена» о создании новых предприятий. В Латвии их зарегистрировано уже более тысячи. По мнению министра, это доказывает, что в республике есть дух предпринимательства, который будет

развиваться по мере того, как будет развиваться процесс приватизации. Например, за счет индивидуальных производителей правительство в этом году может не закупать картофель у общественных хозяйств.

Что же касается предприятий союзного подчинения, то Янис не собирается их уничтожать — эти предприятия, по мнению министра Латвии, нужны, поскольку прежде всего обеспечивают работой жителей республики. Но они должны подчиняться республиканским зако-

нам и единому республиканскому экономическому регулированию.

В Москве появилось новое независимое литературно-художественное издание — альманах «Теплый Стан». Его редактор — **Михаил Белавин**, автор нескольких прозаических книг, лауреат литературных премий Союза писателей СССР, общества «Знание»...

По словам Белавина, открытому обществу нужна открытая литература. Альманах решил поддерживать начинающих авторов, дать им возможность печататься. Впрочем, у «Теплого Стана» нет четко определенной структуры — его концепция изменяется из номера в номер. Первый выпуск альманаха был собирательным: в нем сошлись 56 прозаиков, поэтов, драматургов, эссеистов самых разных направлений, взглядов и стилей. Во втором выпуске, по словам Белавина, «более гражданственным», появились разделы: «Человек», «Судьба», «Лики» (образы современного человека), «Былое, раздумья и новь». Готовящийся к печати третий выпуск погружает в лирико-философскую атмосферу, а четвертый «посягает в загадку и трагедию русской души».

Кроме известных авторов, как Ю. Мамлеев, А. Анянцев, А. Жигулин, В. Берестов, на страницах альманаха появля-

Как президент генсека в гости пригласил

Президент Казахстана Назарбаев взял несколько месяцев назад никому у нас в стране не известного американца южнокорейского происхождения на пост экономического советника. Теперь он пригласил в гости другого южнокорейца — 59-летнего генерального секретаря правящей в Южной Корее Демократической либеральной партии **Ким Ен Хвана**. Лидер ДЛП, по его собственным словам, еще два года назад не мог и мечтать о приглашении в СССР, не говоря уж о визите в одну из союзных республик.

Однако официальная часть поездки началась не в Алма-Ате, а как в старые добрые времена — в Москве. В столице Ким Ен Хвана, которому прочат победу на очередных президентских выборах осенью 1992 года, встречали по строго заведенному протоколу — сначала его принял вице-президент СССР Г. Янаев, потом свозили на Старую площадь, где работники ЦК КПСС доказывали бывшему журналисту-международнику из популярной газеты «Чосон ильбо», что поставки советского оружия Пхеньяну прекратить невозможно, поскольку существует Договор о дружбе и взаимопомощи с кимирсенской Кореей. Вслед за этим южнокорейского гостя привезли в Дипломатическую академию МИД СССР, где он зачитал заранее розданный присутствующим текст речи, в которой, видимо, чтобы не обижать принимающую в Москве сторону, говорил только о развитии отношений между его страной и СССР и ни словом не упомянул республики...

Когда Ким находился в Москве, в столице Союза был и Назарбаев. Между ними состоялась встреча. Казахскими товарищами она была охарактеризована как «неофициальная», а потому о ней знали лишь те, кому это положено знать по долгу службы. Только к концу недели визита почетный гость Казахстана прибыл в Алма-Ату, где и встретился — на этот раз уже официально — с президентом Назарбаевым.

В Москве в выступлении в Дипакадемии Ким Ен Хван много говорил о перспективах экономического сотрудничества между Республикой Корея и СССР, о том, что товарооборот между двумя странами скоро достигнет 2 миллиардов долларов (между Южной Кореей и КНР, которые не имеют дипломатических отношений, он уже превысил 4 миллиарда). При этом южнокорейский генсек часто попил минеральную водичку. Но не «Нарзан», как это водится в подобных случаях, а свою — южнокорейскую, которую специально захватил с собой. В Алма-Ате, говорят, он с удовольствием пил местную минеральную воду. Может быть, она по вкусу напоминает корейскую, а может, гость из Южной Кореи почувствовал больше доверия к Казахстану, чем к Москве.

А. Чудодеев

ся и совершенно новые имена. Представлены и зарубежные авторы: например, во втором выпуске опубликованы ранее не известные в России стихи Ф.Кafka.

Теплый Стан — район в Москве, где некогда проходила Калужская дорога и где теперь громоздятся высотные здания (в одном из них живет редактор Белавин). Там стояла в старину ямщицкая изба, куда российские путники в морозы и бураны заходили обогреться и попить чайку...

— Так и «Теплый Стан», — говорит Белавин, — приглашает всех. Мы готовы сотрудничать с любыми издательскими структурами как в СССР, так и за его пределами.

На базе альманаха создано собственное издательство «Новая книга». В этом Белавину помог ученый-физик Сергей Серегин, руководитель фирмы новейших технологий «Прогресс». Адрес издательства: 117292, Москва, ул. Ивана Бабушкина, дом 11/2, ИНОТЕХ-«Прогресс», для «Теплого Стана».

М.Литов

Вдова американского писателя Генри Миллера **Хоки Токуда** устроила в Токио выставку 170 акварелей своего мужа.

Токуда переехала в Японию в 1985 году после 21 года жизни в США и открыла в центре японской столицы маленький бар, где иностранные фотомодели, баскетболисты и бизнесмены могут поговорить о литературе, поэзии, живописи с уважаемыми жителями Токио и послушать игру на фортепьяно. Иногда за инструментом садится сама Хоки.

Хоки познакомилась с Генри Миллером в Лос-Анджелесе, в небольшом ресторане, где она пела по вече-

рам. Миллеру тогда исполнилось 75, ей еще не было 30. «Он писал мне сотни писем, — вспоминает Токуда. — Я была молода. Мне не нравилась его старость, и я пыталась от него скрыться». В 1987 году эти письма были изданы отдельной книгой, а сам образ «роковой японской женщи-

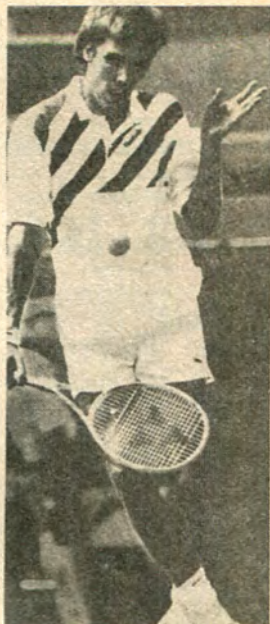
ны» Хоки Токуды присутствует во многих произведениях Миллера. Она воплощала для него любовь и страсть, ночи без сна. Он писал о демонической глубине ее черных глаз. При этом, по признанию самой Хоки, они никогда не были близки. Те два года, пока они прожили вместе (а всего замужество Токуды длилось восемь лет), у нее был друг, о существовании которого Миллер знал. Троица — Миллер, Хоки и ее приятель — часто появлялась вместе в ресторанах и на голливудских вечеринках: Миллера, похоже, такое положение даже забавляло, говорит Хоки.

Генри всегда жил в бедности, вспоминает Хоки, и часто расплачи-

вался своими акварелями. Та выставка, которую устроила вдова, показала совершенно нового Миллера — большого ребенка, с детским восторгом рисующего акварельный мир своего счастья. Хоки хотела бы собрать все его акварели и открыть в США или в Японии Музей Генри Миллера. Пока она подарила 15 его акварелей галерее, в которой проходила выставка.

В скором времени в Москве состоится второй Кубок Кремля, на котором 22-летний теннисист **Михаэль Штих**, видимо, выступит в качестве будущего короля тенниса.

Прежде, когда речь шла о немецком победителе самого пре-

стижного чемпионата мира по теннису, ни у кого не возникало сомнений — это Борис Беккер. «Рэмбо с ракеткой», как его называют. Но последний Уимблдонский турнир закончился сенсацией: Беккер уступил место чемпиону своему соотечественнику — **Михаэлю Штиху**.

Штих — тот самый никому не известный мальчик из Гамбурга, который еще год назад, на Кубке Кремля, оставался в тени. Он начал всерьез заниматься теннисом в 1988 году, когда служил в армии. Профессионалом его нарекли осенью 1989-го. Молодой аутсайдер, номер которого в списке лучших теннисистов мира первоначально писался с двумя нулями, быстро прогрессировал. В конце 1990 года он оказался на 42-м месте. Уже тогда Беккеру пришлось обратить внимание на молодого «выскочку»: после поединка на Уимблдоне Борис вынужден был признать, что «Михаэль входит в число четырех лучших игроков мира...».

После победы над Беккером на Уимблдоне в 1991 году Штих не дал волю эмоциям: «Борис все равно остается лучшим».

Новый Пикассо из басков

Искусствоведы сравнивают 32-летнего скульптора **Касто Салано** с Пикассо. Он столь же экспрессивен и одновременно чувствен в своих скульптурах. Творчество Салано формировалось уже в демократическое время. Может быть, поэтому в его работах есть та раскрепощенность, которая позволяет свободно экспериментировать и в бронзе, и в камне. Салано — баск и живет в центре провинции Алава автономной области Страны Басков — Витории. Национальная тематика доминирует в его работах. Он, например, автор скульптурных изображений людей, играющих в «сэста пунту» — национальную игру басков...

«Для меня важна не форма, а энергия, заключенная в предмете», — рассказывает художник. Любимые Салано изображения быков предельно напряжены, наполнены взрывной силой.

В свое время баскам удалось не попасть под власть арабов, захвативших Пиренейский полуостров. Позднее, входя в состав испанского государства, баски постоянно стремились к автономии и сохранили не только свои обычаи, но и язык. Быть может, поэтому во всех работах Касто Салано чувствуется энергия, разрушающая всяческие преграды, равно как и стереотипы восприятия.

Витория — городок сравнительно небольшой. В центре его — две скульптуры работы Салано, заказанные художнику местным муниципалитетом. Власти города часто дарят скульптуры Салано почетным гостям Витории — они, как считают здесь, наиболее полно выражают характер народа и понятны всем. Произведения Салано — рассказ о басках без слов, без фолиантов, без исторических документов...

Несмотря на молодость Салано, его уже называют крупнейшим скульптором Испании. В СССР его работ еще не видели, но есть надежда, что при посредничестве Академии художеств СССР их скоро удастся выставить в Москве.

А.Шаталов

Витория — Москва

Бегом от инцеста

Советские эмигранты и комплекс Эдипа

Валентин Петрушин

Еще не был принят закон о въезде и выезде, а уже вовсю шла газетная кампания, нацеленная на тех, кто хочет уехать: «Ребята, вас там не ждут. Кому вы там нужны с такой низкой квалификацией и без знания языка? Оставляйте лучше дома, дома ведь и стены помогают». Действительно, стоит ли уезжать за границу и порывать со своей Родиной?

Понятно, когда человек решительно заявляет — «Ехать!», несмотря ни на что, ибо терпеть несуразную жизнь уже нет никаких сил. Но стоит ли ехать, если тебе и здесь хорошо и ты, несмотря на многие минусы, привязан к своей стране, к родному дому и друзьям? От добра добра не ищут... Давайте посмотрим на эту проблему с точки зрения современной психологии. Для начала — небольшой экскурс в теорию психоанализа.

...Инцест — это короткое и хлесткое слово было введено в психологическую практику благодаря работам З.Фрейда, который использовал сей термин при объяснении знаменитого комплекса Эдипа. Этот невротический комплекс, по мнению Фрейда, является одной из основных причин большинства личностных расстройств. Инцест — кровосмесительные сексуальные связи между близкими родственниками, на которые у всех народов мира накладывается неукоснительный запрет — табу. Такие связи вели к быстрому нарастанию неблагоприятных генетических изменений в наследственности, в результате которых семья, а затем род могли погибнуть. В известном древнегреческом мифе о царе Эдипе, вступившем, не ведая о том, в брак с собственной матерью, Эдип был жестоко наказан богами.

Если выйти за пределы сексуальности и посмотреть на проблему инцеста шире, то мы увидим, что суть инцеста заключается в стремлении человека (часто неосознанном) постоянно находиться в своей семье, возле своей матери, которая обеспечивает безопасность, дает тепло, кров и еду. Но, как показывают наблюдения психологов и психиатров, человек, крепко привязанный к семье, по существу, никогда не сможет по-настоящему стать взрос-

лым, способным взять на себя всю полноту ответственности за свою судьбу. Чтобы стать взрослым, необходимо разорвать инцестуозные психологические связи.

В процессе социальной эволюции, как указывает известный психолог и социолог Эрих Фромм, «домашними и родными для человека становятся племя, нация, раса, государство, класс, политическая партия, множество других институциональных форм и организаций...» Развитие разума и всех рациональных суждений человека требует, по мысли Э.Фромма, чтобы он преодолел свою инцестуозность и стал полностью самостоятельным. В этом состоит не биологический, а психологический смысл табу на инцест. Только порвав родственную пуповину, привязывающую человека к семье, родному дому, и построив свой собственный дом, он может стать самостоятельной личностью. В Евангелии от Матфея мы читаем высказывание Христа: он «пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее». Христос требует этого, чтобы человек порвал инцестуозные связи и стал свободным и независимым.

От ворон отстали...

Маргинальный статус — этим понятием социальные психологи пользуются при описании человека, находящегося как бы между двумя социальными мирами. Это — житель деревни, переселившийся из деревни в город; эмигрант, попавший в чужую страну; специалист, оказавшийся в другой, непривычной профессиональной среде. Положение таких людей порой описывают пословицей: «От ворон отстали, а к павам пристали».

Психологическое состояние маргиналов очень сложное. Пока они не приобретут желаемый социальный статус, они будут испытывать мучительные чувства неполноценности и внутренней неудовлетворенности. Среди маргиналов нередки случаи самоубийств и желания уйти от новых сложных проблем в алкоголь, наркотики.

Но на другом полюсе этого явления мы видим: чтобы быть принятым там, куда он хочет попасть, маргинал развивает совершенно бешеную, невиданную энергию. Трудится так, как сам от себя не ожидал.

Новая обстановка, новые требования, новые люди вызывают в организме глубокую эндокринную перестройку. Специальные медицинские исследования показывают, что крысы и собаки, выросшие в сложной и насыщенной впечатлениями обстановке, имели и более развитую кору головного мозга, и его больший объем. Человек — не крыса и не собака, но законы физиологии живого мира для всех, в общем, одинаковы. Большую творческую продуктивность представители маргинальной группы Фрейд объяснял как следствие компенсации за психологическую уязвимость в новой среде. Признание, которое приходит вслед за упорной работой, снижает тревогу и беспокойство, владеющие творцом, но фактически маргиналу никогда не удастся целиком избавиться от своих комплексов.

США — страна эмигрантов, и ее успехи можно объяснить не только благоприятными внешними условиями и разумно выработанной конституцией, но и внутренними психологическими факторами, среди которых маргинальность играла и играет не последнюю роль. Косвенно это подтверждается сравнением дохода эмигрантов и коренного населения. Советские эмигранты, прибывшие в США в 70-е годы, имеют в настоящее время среднегодовой доход порядка 34 тысяч долларов, а коренной средний американец — около 22 тысяч.

Новые обстоятельства жизни способствуют тому, что мозг и эндокринная система человека начинают вырабатывать так называемые эндорфины, приносящие человеку состояние окрыленности и восхищения жизнью. У многих людей в этой ситуации повышается не только творческая, но и биологическая сексуальная потенция. Недаром многим пожилым людям, долгое время живущим в однообразной обстановке, врачи рекомендуют сменить ее, чтобы активизировать внутренние потенции организма. Православное паломничество и мусульманский хадж имели и имеют под собой не только религиозную, но и глубокую психофизиологическую основу. Совершивший дальние странствия человек становится качественно иным не столько, может быть, от прикосновения к самым духовным святыням, сколько от смены обстановки и прохождения испытаний длинного и нелегкого пути.

Поэтому общество, ставящее на пути передвижения своих граждан разного рода барьеры, отстанет от того, которое не препятствует своим гражданам поведать мир. Я

Рисунок Аркадия Гурского

предвижу возражения — нет валюты, нет денег, нет паспортов и так далее. Но, как сказано в Библии, имущему дастся, у неимущего отнимется. Часто логика развития оборачивается так, что богатые становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. Нам придется испытать из этой чаши.

В истории науки и культуры давно отмечен неоспоримый факт: большая часть открытий, двигающих общественный прогресс вперед, принадлежит эмигрантам и экспатриантам. Здесь можно назвать англичан по духу, но ирландцев по крови: Оскара Уайлда, Бернарда Шоу и Джеймса Джойса; американца Хемингуэя, жившего на Кубе. Английский писатель Оруэлл, величайший из обвинителей тоталитарного общества, был выходцем из англо-индийской семьи и сам много лет прожил в Бирме. Послевоенный взлет науки и промышленности Америки был обеспечен плеядой выдающихся ученых, эмигрировавших из Европы в годы наступления там фашизма.

Многие русские великие писатели, художники и композиторы долго жили за рубежом. Среди них мы видим и Достоевского, и Тургенева, и Гоголя, и Бунина, и Чайковского, и Глинку, и Прокофьева. Не последнюю роль в этом длительном пребывании за границей играли психологические стимулы для творчества, возникающие в новой среде. Так что уверения нашей пропаганды в годы застоя, что художник, покидающий свою страну, обречен на творческое бессилие, при детальном рассмотрении оказываются мифическими.

Но не только за граница может

стать стимулом для творческого взлета. Когорта советских писателей, именуемых сегодня «деревенщиками» (Шукшин, Распутин, Астафьев, Белов), вышла из провинции, столкнулась с жизнью больших городов, и не последнюю роль в их взлете сыграл психологический статус в новой среде.

Жемчуг — «за бугор»

Говорят, что жемчужина — это болезнь морской раковины, которая начинается тогда, когда в нее попадает инородное тело. В этом смысле тысячи наших уезжающих соотечественников сравнимы с инородными песчинками, попадающими в новую общественную раковину и начинающими осыпать жемчугами тех, кто их приютил. Так богатые страны становятся еще богаче. Конечно, среди уехавших будут и такие, которые не принесут славы ни себе, ни своей новой родине, обворовывая приютившую их нацию с помощью жульнических афер и махинаций. Но будет немало и тех, кто вкусит радость долгожданного триумфа самореализации.

Правда, счастье «за бугром» может оказаться другим. Во-первых, на определенном витке удовлетворения материальных потребностей обладание желанными вещами уже не приносит радости и удовлетворения, которых ожидал человек. Психологи и у нас, и за рубежом могут рассказать о сотнях своих пациентов, живущих в материальном изобилии, но не чувствующих себя счастливыми. Большая часть эмигрантов в один прекрасный день с ужасом осознает, что переезд в другую, более богатую страну сде-

лал их не намного счастливее.

Во-вторых, переходный период в нашей собственной стране, хотим мы того или нет, вводит всех нас в маргинальный статус. Лопнули и испарились мифические преимущества «социалистического образа жизни»; бывшие кумиры низвергнуты с пьедесталов; государство больше не гарантирует получение каждым членом общества сносного жилья, работы, образования, медицинского обслуживания. На смену жизненному принципу «Дай и обеспечь» приходит принцип «Заработай и купи». От «власти кресла» мы переходим к «власти дела», от внешнего принуждения — к внутреннему побуждению; от желаний «левой ноги» — к расчету трезвой головы.

В демократическом обществе не принято въезжать на чужом горбу в рай. Каждому придется вкалывать, чтобы кормить себя и свою семью. Открывать собственное дело, брать землю в аренду, стройку на подряд. Для многих это будет трудно — думать, напрягаться, идти на риск, не спать ночами, обдумывая выход из трудной ситуации. Но это и есть Жизнь с большой буквы. Что вспоминают старые вояки, олимпийские чемпионы, летчики, геологи, врачи и многие другие люди, отошедшие, как говорят, «на заслуженный отдых»? Звездные часы своей судьбы, которые были связаны с напряжением всех физических и духовных сил, когда они были на вершине и ощущали дыхание Победы. А не вкусный обед или покупку нового костюма. Поэтому, думаю, лучше пережить маргинальный статус дома, нежели вдали от Родины.

Да и корни большинства уехавших навсегда останутся в родной стороне. Пробыв за границей 3–5 лет, многие захотят вернуться. И уже сейчас пора думать о том, как создать условия для возвращения тех, кто набрался зарубежного опыта и может двинуть общественный прогресс вперед.

Будем надеяться, что возвращающихся под отчий кров эмигрантов будет встречать не рябой отчим с усами, видевший во всех классове врага, и не лукавый дядя с хитрым прищуром, который экспроприировал экспроприаторов, а умный отец, дающий своим детям свободу, необходимую им для строительства разумной жизни.

Будни Парткома

...Бунт Перелетных Парторгов случился лет уже через десять после того, как Парткомы окончательно стали географическим названием. Но история эта, затмевающая греческие трагедии глубиной утрат главных героев и накалом катарсиса, требует предыстории...

Из 40 000 демобилизованных парторгов России набралось 25 000, которые после Указа даже под гипнозом не смогли вспомнить полученную в институте специальность. Им была выделена территория последних и потому образцово-показательных российских колхозов, которые стали именоваться: «Охромеево-Дачное», «Химки-Андреевки», «Правая Лигачевка» и «Заветы Кузьмича». Поселения эти лишь слегка отличались друг от друга образом жизни. Скажем, в «Правой Лигачевке» все жили в шалашах, говорили про покос и пили водку исключительно ленинского розлива. В «Заветах Кузьмича» держали в клубе одного рабочего для социальной защиты его интересов. В «Охромеево-Дачном» отдыхали в строю и пели «Вышли мы все из окопов».

Парторги обнесли поселения именными кабинетными дверями и натянули по границе лозунги: «Парторг — наше богатство. Береги его!», «Руки прочь от Парткомов!» Но соседние жители обращались со спецпоселенцами ласково, хотя детей одних к ним и не пускали. Дивились наглядной агитации, портретам Маркса, Сталина и Брежнева на крышах изб, телефонам без циферблатов в телефонных будках, где всегда стоял дежурный парторг. Слушали про социальную справедливость и подкармливали тех, кто лучше рассказывал.

Своего корма у Парткомов не было, из чего парторги сделали стратегический вывод о невозможности совмещать руководство на месте и питание там же.

Третьи секретари, которые прежде ездили обмениваться опытом в захолустные американские штаты Аризона и Юта, предлагали сделать ставку на туризм, как индейцы в тамошних резервациях. Однако первые секретари, бывавшие и в самом Нью-Йорке, заявили, что это не даст достаточного для коммунистического образа жизни количества РБЛей (Рублей Без Ленина — конвертируемой валюты, имевшей хождение в России), и постановили: обратиться в ООН.

Генеральным секретарем там как раз был русский человек, сохранивший чувство вины за развал коммунизма. Совет Безопасности, где все

его очень любили, не смог отказать в просьбе: считать Парткомы как бы территориями посольств некоего государства, которое существовало, но пропало, а вот посольства остались. Аналогичный случай, настаивал лидер мирового сообщества, мог бы иметь место с Атлантидой, если бы она успела установить дипломатические связи с окружающим миром, — но она не успела... С этим все согласился.

Рисунок В. Казанецкого

Лидер напомнил о недопустимости конфронтации, об императивах консолидации и примате общечеловеческих ценностей, что всегда действовало безотказно. Парткомы получили статус посольств, их территория выделена из российской в суверенную. Лидер россиян было заартачился, но предводитель постпарткомовцев пригрозил, что делом займется Комитет ООН по предупреждению классовой дискриминации, — и Центр уступил.

Парткомы были отданы под опеку недавно созданной Ассоциации охраны идеологической старости — и стали регулярно получать общечело-

веческие ценности. Чего, собственно, в примате и добивались. Ценности шли по дипломатической выписке, то есть налогами не облагались, и потому обходились дешевле, чем остальным россиянам. Парторги почувствовали прежнюю почву под ногами, но из-за упрямства Ассоциации довести дипвыписку до уровня партзаказа не удалось. РБЛей по-прежнему не хватало.

Коммунистическое правительство индийского штата Керала предоставило Парткомам режим наибольшего благоприятствования, и парторги стали получать рисовые заказы в комсомольских магазинчиках. Но комсомольцы начали бойко перепродавать рис в другом индийском штате Махараштра, и однажды, когда партия сказала: «Надо есть!», комсомол ответил: «Нет...»

Первыми взбунтовались против жизни такой кубанские казаки из «Заветов Кузьмича». Они приговорили членов Совета Безопасности к 25 ударам плетью каждого и привели приговор в исполнение на посланце Кералы, который был подозрительно смугл и курчав.

После этого и с рисом начались перебои. Вскоре на Кубани вспыхнул голодный бунт.

Надо сказать, что между собой Парткомы общались с помощью срезанных на прежней работе «вертушек» (которые, правда, с Кремлем уже не соединяли) и рекламных дирижаблей примитивной конструкции, подаренных индийской иносфирмой «Кохинор» в качестве гуманитарной помощи пострадавшей партии. Таким образом им удавалось путешествовать друг к другу, не входя в прямой контакт со страной, победившей социализм.

Расположение других Парткомов находили по портретам вождей коммунизма на крышах.

Кузьмичевцы решили лететь на Петербург, но из-за несовершенного рулевого управления дирижаблей, постоянно менявших форму, до цели добрались не все. Кто долетел, сели в Кронштадте и стали ждать подкрепления из «Охромеево-Дачного». Но охромеевские дирижабли упали, едва взлетев: это начальник Парткома принял меры предосторожности после попыток бегства.

Кузьмичевцы остались один на один с народом, и мятеж захлебнулся, когда жители города прекратили подвоз продовольствия восставшим. Парторги отправились в обратный путь, однако заблудились и, пролетая над фермой, спросили фермеров: «Каков нынче курс на Партком?» «Партия — ваш рулевой!» — зло крикнули снизу.

Так Парткомы остались без Заветов Кузьмича...

Лев Елин

ПРОДАЕМ импортные товары народного потребления: одежду, обувь, бытовую технику (минимальная партия закупки на 1 млн. руб.)

ПОСТАВЛЯЕМ оборудование фирм Европы и США:

- мясоперерабатывающие линии производительностью 1-4 т мясопродуктов в смену (колбасы вареные и копченые, сосиски, мясные полуфабрикаты);

- скотобойные и колбасные отделения.

Возможны строительные работы. Гарантийное и послегарантийное обслуживание оборудования. Оплата в рублях.

СТРОИМ на долевых началах заводы по производству керамического кирпича.

Внедряем разработки и технологии на максимально выгодных для разработчиков условиях.

Создаем торгово-промышленные филиалы и представительства в областных центрах.

ИНТЕРЕСУЮТ поставки советских товаров народного потребления, продуктов питания, пиломатериалов, конторские, производственные, складские, жилые площади в областных центрах и крупных городах на бартерных условиях (рассматриваем предложения только от производителей, владельцев или их полномочных представителей).

ПРИГЛАШАЕМ к сотрудничеству иномфирмы, занимающиеся поставками товаров, оборудования по переработке сельскохозяйственной продукции, древесины; производящие оборудование по производству товаров народного потребления, приглашаем на конкурсной основе специалистов в филиалы и представительства компании.

Телефоны в Москве: 210-46-97, 397-62-65, 392-95-68, 396-02-83, 462-10-21, 392-10-95.

Телефон для иномфирм: 354-95-18.

Факс (внутренний) (095) 395-26-02.

Факс (международный) 2002216 OPUS 001067.

Телекс 411700 OPUS 001067.

Началом деловых контактов станут ваши письменные предложения в наш адрес. 109104 г.МОСКВА ул.МЕЛЬНИКОВА д.7

Волюкно
КОМПАНИЯ

Волюкно
КОМПАНИЯ

ГРУЗЫ – САМОЛЕТАМИ!

АЭРОФЛОТ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ БОЛЕЕ ЧЕМ В 100 СТРАН МИРА ВСЕМИ РЕЙСОВЫМИ САМОЛЕТАМИ, А ТАКЖЕ ЧАРТЕРНЫМИ РЕЙСАМИ. АЭРОФЛОТ ГАРАНТИРУЕТ ВЫСОКУЮ СКОРОСТЬ ДОСТАВКИ И СОХРАННОСТЬ ГРУЗА.

ОПЛАТА ПЕРЕВОЗОК ПРОИЗВОДИТСЯ ВСЕМИ ПРИНЯТЫМИ ВИДАМИ (НАЛИЧНЫЕ, ЧЕК, ГАРАНТИЙНОЕ ПИСЬМО). АЭРОФЛОТ ШИРОКО ПРИМЕНЯЕТ КОРЕЙТЫ – ЛЬГОТНЫЕ ТАРИФЫ ДЛЯ ЦЕЛЫХ КАТЕГОРИЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ГРУЗА.

НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАХ АЭРОФЛОТА ЗА РУБЕЖОМ ИЛИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ АГЕНТСТВЕ АЭРОФЛОТА ПО АДРЕСУ: 125212, МОСКВА, ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ, 29. ТЕЛЕФОН 156-80-19 ТЕЛЕКС 411922 ТЕЛЕФАКС 1505677

